

**ИСТПАРТ
ОТДЕЛ Ц.К. и Б.К. А.К.П. (б).**

А. РАЕВСКИЙ.

АНГЛИЙСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И МУСАВАТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

**ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕРВЕНЦИИ И
КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ.**

Баку-1927г.

О Т А В Т О Р А.

Данная работа построена на архивных и полуархивных (газетных) материалах. Это заставляло отводить значительное место документам, не малая часть которых печатается впервые. Как следствие, получилась несколько бóльшая насыщенность сырыми материалами, чем это было бы желательно. Но это, с другой стороны, дает возможность читателю не только проверить выводы автора по некоторым существенным вопросам расходящиеся с существующими, но и ознакомиться полностью с целым рядом неопубликованных до сего документов.

Книга выходит в серии юбилейных изданий Истпарта ЦК и БК АКП (6). Это обстоятельство привело к некоторой спешке, что, вероятно, отразилось на ее обработанности. В частности, поэтому пришлось выпускать книгу, не включив в нее главы о национальной, с позволения сказать, политике английских империалистов. Мы надеемся, что читатель отнесется с снисхождением к этому, вызванному объективными обстоятельствами, недостатку.

Баку, 5 октября 1927 г.

А. Раевский.

В В Е Д Е Н И Е.

Цели британской интервенции.

Приход английских войск на Кавказ, в частности в Азербайджан, является частью обширного, можно сказать, исторического хода британского империализма. Попытка проследить корни этого хода уводят нас назад, к той обстановке, которая сложилась задолго до Октябрьской революции. И хотя эта последняя как-будто совершенно изменила международную ситуацию, британская политика на Ближнем Востоке сохранила основные оперативные линии своей деятельности, приравливаясь конечно, к изменившемуся положению. С точки зрения интересов английского империализма волны опасности попрежнему шли из России. Но опасность стала носить совершенно иной характер. Если с царской Россией бороться было относительно легко, противопоставив ей такую же империалистическую силу, но качественно более высокой марки, то новая, Советская Россия, своим полным разрывом с методами империалистов, полным и действительным признанием самоопределения угнетенных народов, своей активной поддержкой стремлений колониальных и полуколониальных стран к действительному освобождению, выбивала старое оружие из рук. Призыву к освобождению, идущему из революционной России, лондонские политики могли пересечь дорогу только выставлением пулеметов последней конструкции, что, впрочем, в современных условиях, оказывалось явно недостаточным.

Этакое положение определило самый факт интервенции; выбор объектов таковой определялся географией—и в данном случае особенно тесно—связанной с ней историей. Поэтому, как мы уже сказали, необходимо хотя бы бегло проследить англо-русские отношения, вернее англо-русский антогонизм в прошлом, который, с точки зрения английского империализма, и только с его точки зрения, автоматически продолжался и по Октябрьский период, хотя уже не совсем в том самом виде, как он существовал до 1917 года.

Такой экскурс тем более необходимо произвести, что британская политика в Закавказье определялась не только существованием Советской России, но также и наличием осколка России царской—Добровольческой армии. Причем, вопреки распространенной точки зрения, что английский империализм относился к Добровольческой армии прямолинейно, всемерно и во всех без исключения случаях поддерживая последнюю в свержении Советской власти и сколачивании „разрушенной“ России в ее прежнем виде, мы считаем необходимым подчеркнуть, что действительная политика была существенно иной. Не говоря о других районах, мы считаем нужным указать, что поскольку дело шло о Закавказье, британская политика в отношении русских контр-революционных сил определялась не только помощью Деникину в его борьбе с Советской властью, но и в значительной мере старыми англо-русскими противоречиями эпохи царизма. Старая вражда вовсе не потеряла свою остроту и предвидение новой борьбы заставляло заранее укреплять позиции, приобретать новые и вообще готовиться к далеко не дружественным отношениям.

Если мы хотим понять все сложные изгибы английской политики в Закавказье, в частности в Азербайджане, то будет необходимо принять во внимание обе вышеочерченные тенденции, которые иногда скрещивались и приводили к таким своеобразным результатам, что последние, на первый взгляд, казалось, не поддаются рациональному объяснению. И как увидит далее читатель, сам конкретный материал требует, чтобы его не укладывали в узкую схему исключительно анти-советского характера британской политики в Закавказье в период 1918-1919 г., хотя задача свержения Советской власти, конечно, начиная с октября 1917 г., являлась, без сомнения, руководящей нитью лондонских политиков. Это сказывалось, конечно, и в Закавказье. При этом, во избежание недоразумений, мы считаем необходимым подчеркнуть, что нежелание пускать Деникина в Закавказье, вообще политика рассматривания анти-большевистских сил, как будущих противников Англии в Азии, являлась подчиненной по сравнению с поддержкой борьбы Добровольческой армии против Советов. Если бы „путь к Москве“ лежал через Закавказье, т.-е. если бы Деникин не мог бы осуществить свои контр-революционные задачи иначе, как занявши предварительно Закавказье, то мы

не сомневаемся в том, что англичане дали бы на это свое согласие. Указанное предположение дает примерное соотношение описанных двух линий политики. Борьба с большевиками являлась главной задачей, успешное завершение которой извлекло британскую империю от страшного врага. Поскольку была полная уверенность в осуществлении этой цели, постольку и только постольку становилась реальной вторая опасность, для борьбы с которой в будущем англичане предпринимали соответствующие шаги, как это будет показано в дальнейшем изложении.

Англо-русские отношения в течение почти всего XIX века стояли под знаком вражды. Вторая половина столетия заполнена непрерывным соперничеством в деле захвата все новых и новых районов в Азии, которое привело к почти непосредственному соседству в районе индийской границы. В этот период оформилась система, так называемых, биконсфильдовых идей, которая во главу угла благополучия и дальнейшего развития британской империи ставила раздробление, ослабление, политическую изоляцию России. Со своей стороны, царская дипломатия платила тем же, и не даром „герой“ туркестанских войн Скобелев разрабатывал план и подготавливал русские войска к походу на Индию. Вся позднейшая эпоха, примерно до англо-русского договора 1907 года, регулировавшего азиатские отношения подписавших его держав, была заполнена попытками Англии радикально разрешить проблему предохранения от опасности русского «похода на Индию» и вообще распространения влияния России на Ближнем и Дальнем Востоке.

При начавшейся в конце 90-х годов сильнейшей тяге крупных европейских держав, в том числе и России, в Китай и приступу к разделу последнего, Англия смогла нанести сильнейший удар своему противнику. Союз с Японией, оформленный в январе 1902 г., являлся важнейшей частью подготовки военного разгрома России в последовавшей русско-японской войне, которая велась Японией при столь большой политической и иной поддержке со стороны Англии, что последняя чуть было не вступила в войну с Россией из-за по существу незначительного Гульского инцидента (возникшего из-за того, что балтийская эскадра адмирала Рождественского, шедшая на Дальний Восток, ночью открыла огонь по гульским рыбакам, приняв, последних за японские миноноски). Резуль-

таты войны, приведшие к сильному ослаблению политических позиций царизма в Азии, были вообще встречены с удовлетворением британской дипломатией. Но даже такой фактической гарантии, как грандиозное поражение русских войск в Манчжурии, не казалось еще достаточным, чтобы перестать бояться за «жемчужину британской короны». Согласно англо-японского союзного соглашения от 12-го августа 1905 г., заключенного взамен договора 1902 г., Япония обещалась формально предоставить свои войска в распоряжение Англии в случае чьего-либо нападения на Индию. Хотя при сообщении о договоре русскому министерству иностранных дел было заявлено, что договор не направлен против России, но даже бесталанным дипломатам царизма стало ясно, о ком идет речь, как о возможном враге, от которого надо оборонять Индию.

Завершением цепи „индийских гарантий“ явился англо-русский договор 1907 г. Он возник уже в существенно иной обстановке. Английская дипломатия начала решающую кампанию по дипломатическому окружению Германии. С союзником России, Францией, уже в 1905 г. было заключено Англией «сердечное согласие». Оно предreshало сомкнуть англо-франко-русской цепи путем соглашения Англии и России. И вот, как известно, в 1907 г. подписываются два соглашения. Одно касающееся Персии, Афганистана и Тибета. Оно размежевывало „интересы“ Англии и России в этих полуколониальных странах. Другое—англо-русская морская конвенция, которая уже давала окончательную расстановку сил в будущей войне 1914-1918 г. г. Таким образом, 1907 г. являлся как бы гранью, завершающей эпоху открытой борьбы Англии и России и открывающей эпоху их полного сотрудничества. На самом деле это было не совсем так.

Если взять ту часть англо-русского договора 1907 г., которая трактует о размежевании интересов в Персии, являющейся наиболее интересной с точки зрения нашего исследования, то несколько удивляет линии раздела этой полуколониальной страны на сферы влияния. Согласно договора, в русскую сферу входила вся северная Персия, почти половина страны, включающая ряд богатейших провинций, в том числе и столицу—Тегеран. Весьма значительная нейтральная зона включала в себя, между прочим, весь район будущих главнейших интересов британского империализма—поле деятельности образован-

ной через два года „Англо-Персидской Нефтяной Компании“.*) Только сравнительно незначительная полупустынная юго-восточная часть Персии входила в английскую сферу влияния. Делая значительные уступки российскому царизму и закрепляя тем самым его включение в единую цепь подготовки войны за уничтожение Германии, британская дипломатия все-таки выговаривала себе предохраняющий плацдарм: территория английской сферы влияния в Персии полностью прикрывала западную границу Индии. Такое разделение, а также гарантирование договором целостности и независимости Персии, звучащее злой насмешкой в отношении к последней, давало Англии известную гарантию против слишком близкого соседства к Индии армии русского империализма, ведшего активную и наступательную политику в этой стране.

Указанные факты, как и вся последующая история, показывают, что английская дипломатия вовсе не собиралась пересматривать свою „русскую“ политику. Временно, поскольку оба противника были заняты общим делом по „угроблению“ Германии, спорные вопросы откладывались, устанавливался некоторый *modus vivendi* и втихомолку подготавливались позиции к дальнейшей борьбе.

Район Передней Азии, в частности Персия, начал играть особенно важную роль перед империалистической войной еще и по другой причине. Как оказалось, Персия являлась обладательницей громадных запасов нефти—одного из важнейших стимулов британской внешней политики последних 2-х десятилетий. По новейшим данным запасы Персии достигают 2/3 запасов Соединенных Штатов. Понятно из этого, что Персия стала вдвойне лакомым куском для английского империализма.

При этом, что особенно важно отметить, персидская (равно как и кавказская) нефть занимала чрезвычайно выгодное географическое положение с точки зрения британской империи и проблемы ее обороны. Последняя упиралась в вопрос о флоте, являвшийся опорой английского могущества. Флот, это—военная скрепа всей империи, и потому проблема флота постоянно являлись предметом забот всех английских правительств. В 1912 году Черчилль, тогдашний первый лорд адмиралтейства, провел важное решение относительно перевода англий-

*) Предшественники этой кампании не играли большой роли; добыча нефти до 1909 г. была совсем незначительна.

ского флота на нефтяное отопление (к началу войны было переведено 45%). Этой реформой военные суда разбросанной по всему миру империи приобрели значительно больший радиус действий. Но вместе с тем получили особую остроту вопросы нефтяного снабжения. До войны Англия ввозила из Америки до 70% потребляемой нефти (во время войны до 85%!). Зависимость от заокеанского соседа создавалась чрезвычайная и в случае столкновения с Соединенными Штатами—совсем непереносимая. Активность английского флота сделалась функцией от доставки американской нефти. Наличие английских нефтяных концессий в Мексике и Центральной Америке не улучшало положение, так как в случае войны Соединенные Штаты отрезали пути сообщения. Отсюда—пристальное внимание к ближневосточной нефти и бешенная погоня за нефтяными полями.

Ко времени войны моссильская нефть была прибрана к рукам организацией „Турецкой Нефтяной Компанией“, участие в которой, впрочем, принимали не одни англичане. Но главная деятельность развертывалась в Персии. Там работает с 1909 г. упомянутая „Англо-Персидская Нефтяная Компания“, к которой переходят права ранее работавших предприятий. В 1914 г. адмиралтейство заключает с ней договор о долголетней поставке нефтяного топлива для военного флота. Одновременно с этим, путем покупки на 2.200.000 фун. стерлингов акций, что превышало количество их у частных держателей, правительство обеспечивает себе руководящее влияние. Полугосударственная компания делается мощным оружием британского империализма и начинает развертывать широко свою деятельность. Позднейшие данные показывают, что расчет оказался правильным: персидская нефть в значительной мере эмансипировала британский флот от контроля дяди Сама.

К времени империалистической войны Персия, таким образом, приобрела двоякое значение для английского империализма. Сохраняя свою роль защитного плацдарма против возможной агрессии русского империализма в сторону Индии (в случае, конечно, нахождения Персии под английским влиянием), Персия оказалась чрезвычайно важной для нефтяной самостоятельности Британии. Этим объясняется тот факт, что делались чрезвычайные усилия для закрепления, расширения и даже юридического оформления английского владычества в

стране «Льва и Солнца». Персия должна стать второй Индией — вот краткая формулировка, выражающая сущность британской политики в этой области в военный и послевоенный период.

Результаты империалистической войны на Ближнем Востоке оказались исключительно удачными для Англии. Будучи чрезвычайно занятыми на основном, германском, фронте, англичане нашли, однако, необходимым выделить силы для заблаговременного захвата всех тех районов, на которые они претендовали. И прежде всего район Моссул-Персидских нефтяных полей.

Уже во время войны Англия перешла в Персии в наступление против своей „союзницы“ России. В 1915 г., в обмен на согласие уступить последней „богатейшую добычу современной войны“—Константинополь (который всерьез не собирались отдавать), английская дипломатия добилась от царского правительства включения нейтральной зоны (с южно-персидской нефтью), установленной договором 1907 г., в английскую сферу влияния. После этого можно было более не беспокоиться за персидскую нефть.

Русская революция совсем изменила ситуацию. Старый соперник—русский царизм—исчез. Русские войска постепенно очищали Персию, которую они ранее занимали, несмотря на персидский нейтралитет, под предлогом борьбы против турок, врывающихся, якобы, в Персию с запада. Перед британской дипломатией воочию стала радужная перспектива полного захвата страны, и было бы вопреки всем правилам империалистической морали не воспользоваться столь счастливым случаем.

Прежде всего налаживается военная оккупация. Часть Персии была уже ранее занята английскими войсками для той же борьбы с турками. Экспедиция генерала Денстервиля (в 1918 г.) имеет целью захват очищенных русскими северных районов и планомерное овладение всеми важнейшими пунктами. Это ей удастся в полной мере. Но военная оккупация являлась только трамплином для решающего прыжка британского льва. Английский посол Перси Кокс, используя полнейшую неспособность тогдашней Персии сопротивляться империалистическим требованиям, продажность правительства, слабость общественного движения, тяжелое финансовое поло-

жение страны и, наконец, последнее, но не по важности,—полную военную оккупацию, настоял на подписании правительством Висуг-Уд-Доула знаменитого англо-персидского договора от 9-го августа 1919 года. Договор этот, лицемерно подтверждавший, как и англо-русский договор 1907 г., аннулированный теперь, независимость Персии, на самом деле полностью ликвидировал ее. Согласно договора, все управление страной целиком переходило в руки английских военных и гражданских советников. Таким образом, армия, финансы, таможни и пр., т. е. все главнейшие государственные командные высоты, делались добычей англичан. При этом надо отметить, что такие громадные преимущества ничем не компенсировались. Правда, Персия, по дополнительному финансовому соглашению, подписанному одновременно с договором, получила заем в размере 2.000.000 ф. ст., но она обязывалась за него уплачивать вполне хороший процент—7 годовых. Таким образом, делая небезвыгодную финансовую операцию, Англия получала в качестве премии целую страну.

Персия превратилась в новую колонию британской империи. Последняя приобретала таким образом сплошную цепь владения: Индия—Персия—Месопотамия. Мечта бывшего вице-короля Индии Керзона—„Границей Индии должен быть Тигр“—более чем осуществилась и немудрено, что Бальфур и заменивший его вскоре на посту мининдела Керзон бешено защищали эти позиции, как от «союзников»—Франции и Соединенных Штатов, протестовавших против превращения Персии в английскую колонию, так и против опасности, шедшей с севера.

А эта последняя становилась весьма грозной. Верная провозглашенному Октябрьской революции полному отказу от хищнической колониальной политики царизма, Советская Россия на деле осуществляла эту политику. В своем обращении к рабочим и крестьянам Персии народный комиссар по иностранным делам выставлял следующие положения: Аннулирование всех займов, данных царским правительством Персии. Прекращение всякого вмешательства России в персидские дела. Передача персидскому народу б. русского Учетно-ссудного банка, всех казенных и частных концессий, русских железных дорог, проведенных в Персии, почтовых учреждений, телеграфных линий. Каспийское море, после очищения от разбой-

ничего английского флота, объявляется свободным. Граница определяется волеизъявлением жителей.

Такова была программа Советской России. Сравнение ее с английской политикой, получившей высшее выражение в англо-персидском договоре, было явно к невыгоде последней. Старые методы, годные для борьбы с царизмом, оказались бессильными против политики интернационализма рабочего государства. В этом лежит один из корней возведенного в степень „руссофобства“ британского империализма.

Против подчинения Англии поднялось громадное народное движение. Англичане опирались только на самые реакционные элементы. Об этом красочно повествует упомянутый выше генерал Денстервиль: „Я узнал,—пишет он,—об отношении нашего правительства к демократическому движению в Персии. Я полагаю, что мы не должны дать почувствовать персам, что мы, будучи сами страной демократической, поддерживаем крупных помещиков Персии против демократического движения. Правда, нам нежелательно ссориться с помещиками, ибо они имеют значительное влияние на гораздо более широкие массы, нежели демократы“...*) Но как не хотелось, утаить «шило в мешке» не удавалось. Бесчисленные факты алчной британской политики были у всех на глазах. Голод, массовое обнищание, разрушение хозяйства—вот очевидный для трудящихся масс итог империалистического хозяйничанья. Почти все слои персидского населения выступали против англичан и чутко прислушивались к голосу из Советской России, зовущему к освобождению. Большевизм стал проникать в Персию.—«Несмотря на строгую и твердую политику (англофильского кабинета. А. Р.) Висуг-Уд-Доулэ,—писал дипломатический представитель Азербайджана в Персии Садыхов,—выражающееся в многочисленных ночных арестах... распространяются прокламации, ропот в народе поднимается, недовольство растет... глухое брожение... выливается в открытое восстание». «Некоторые сознательные элементы персидского народа и даже часть населения не только не намерены бороться против большевиков, но будут помогать им, видя в этом единственное, по их мнению, средство для освобождения своей родины от англичан. Купечество, недовольное

*) Денстервиль. Поход на Персию и Кавказ, стр. 109.

хищнической торговой политикой англичан, в лучшем случае может быть пассивным по отношению к большевистскому движению».*)

«Договор свободы и возрождения», как назвал англо-персидский договор глава персидской делегации на переговорах с Азербайджаном, английский прислужник Таба-Табаи, сорвался. Движение персидских народных масс, развернувшееся под влиянием великой революции в России, заставило меджлис найти мужество отказаться ратифицировать его. Персия, которая, по мысли Керзона, должна стать «не только преградой Индии, но и фундаментом мирового (т.-е. английского. А. Р.) спокойствия», которая должна явиться китайской стеной, преграждающей путь проникновению большевизму в центр британских колониальных интересов, сама становится ареной действий последнего. Это создавало громадную опасность. «Трудно дать полное представление,—жаловался „Таймс“,—о тех пределах, до которых враждебная большевистская Россия на Севере увеличивает затруднительность нашего военного положения на Юге».**) Борьба за Персию, персидскую нефть, за предохранение от большевистского влияния британских колоний и в первую очередь Индии, приобрела большое и актуальное значение. Здесь именно лежит один из важнейших корней британской интервенции в Закавказье. Последняя должна отделить Персию от „тлетворного большевистского яда“ и этим самым дать возможность разрешить ряд перечисленных выше задач по созданию сплошной цепи колониальных британских владений и их эксплуатации.

Прежде чем мы оставим вопрос о Персии, который, как видит читатель, и в до-и в по-Октябрьское время имел большое значение для английской дипломатии, нам необходимо осветить еще одну сторону деятельности англичан, которая должна пролить свет на их политику в Закавказье. Выше мы обрисовали дореволюционные отношения Англии и русского

*. Азгосархив. Фонд Мин. Иностр. Дел Азербайджанской республики Дело № 130, лист 18, полулист 1 и 2.

**.) Цитирую по правительственному офицозу, газете „Азербайджан“, № 46 от 6 марта 1920 г., где дается статья из „Таймса“ in extenso, но без указаний числа и №, откуда позаимствована. Давность ее при печатании в „Азербайджане“ не превышала, вероятно, двух месяцев.

царизма. Вполне понятно, что полное восстановление царской России лежало вне желаний Ферейн-Офиса. Ибо было ясно, что восстановленная буржуазно-помещичья Россия будет пытаться осуществить все старые захватнические планы царизма, которые шли в разрез с желаниями британских империалистов. Ведь даже летом 1919 года дипломатические представители Колчака, отступавшего уже тогда все далее на восток от Красной Армии, Сазонов, Львов и др., потребовали от Парижской конференции передачи колчаковской России мандата на проливы и участия в управлении Константинополя, опираясь на прежние соглашения союзников. Предвидя воскрешение старых споров, англичане всячески старались обезопасить себя от предъявления каких-либо притязаний на Персию со стороны реставрируемого „союзника“. Характер их усилий виден хотя бы из тайного договора, заключенного с северо-западным правительством Ланозова, по которому последнее, в числе других пунктов, от имени России отказывалось от участия в будущем в разрешении персидского вопроса. Как видим, и под Петроградом звучали „персидские мотивы“.

Конечно, юридические гарантии не являлись достаточными. Поэтому, не дожидаясь даже ратификации англо-персидского договора (которая, как известно, не была произведена), англичане забрали всю военную и финансовую машину страны в свои руки. При этом первым актом их реорганизаторской деятельности явился приступ к разоружению персидской казачьей дивизии. Возникшая в 1879 г., формируемая из персов, но с руководящим русским командным составом, персидская казачья дивизия была важнейшим оплотом царской политики в Персии. Разгромивши под командой полковника Ляхова (позднее «героя» северокавказских зверств Добрармии) в 1908 г. персидское революционное движение, она получила особое влияние на шахское правительство. Вот против этой носительницы традиции великодержавной русской политики английские «советники» персидского правительства направили в первую очередь свой удар. Сама по себе она не была страшна теперь. Но эта дивизия являлась бы опорой всякого будущего буржуазно-помещичьего русского правительства, которое, как это великолепно понимали английские политики, плюнет на все договоры, заключенные в эпоху бессилия и распада.

Характерно, что Денстервиль, руководивший движением английских войск на север в 1918 г., через все свои воспоминания тщится привести доказательство о незаинтересованности Англии в полном захвате Персии. Это понятно. Империалисты не любят открывать свои карты. Интересен в этом смысле его разговор с председателем Ревкома в Энзели Челябинским. „Он,—пишет Денстервиль,—подозревает Великобританию в намерении воспользоваться временным затруднительным положением России для того, чтобы овладеть Северной Персией“.*) И положительный английский генерал растолковывал сомневающемуся большевику, что англичане самый бескорыстный народ и захватывают Персию временно исключительно для борьбы с Турцией и Германией.

Чтобы закончить эту тему, мы приведем еще одну выдержку из цитированной уже статьи „Таймса“, формулирующую четко те двойственные основы, из которых исходила британская политика в Персии и—соответственно изменяясь—в Закавказье. „Теперь уже не Россия,—писал „Таймс“,—а мы представляемся наиболее подозрительными для мусульманской Азии. В настоящее время мы должны опасаться комбинации между Россией (советской. А. Р.) и недовольными элементами мусульманства. Если же, как можно ожидать, в России возьмет верх военная партия (т.-е. победит Деникин и Колчак. А. Р.), то в таком случае наше положение не улучшится. Преобладающее настроение в России будет тогда, конечно, империалистическим, и этим империалистам, разумеется, не за что будет питать к нам чувства благодарности“.**), „Военная партия“ идущая к победе с помощью англичан, вырисовывалась им же как будущий враг, который, в числе прочего, выставит свои притязания и на „персидское наследство“. Вот второй исток не только „персидской“, но и закавказской политики англичан, который существенно влиял на их линию поведения.

* * *

„Земля обетованная“—так назвал Денстервиль главу своих воспоминаний, посвященную приходу в Баку. „Кавказ—земля обетованная“—так с полным правом мог сказать пред-

*) Денстервиль. Поход на Персию и Кавказ, стр. 168.

**) Указанная статья в „Азербайджане“, № 46 от 6 марта 1920 г.

савитель правительства нефтяных и прочих королей, вступая по почину, обильно политую английским капиталом и потом персидских рабочих. Оккупацией Баку он осуществлял важнейшую цель британского империализма, особо рьяно стремящегося к нефти.

Кавказская нефть значительно ранее персидской привлекала внимание английского капитала. Появление его относится к 1898 г., когда сразу образовались три компании с акционерным капиталом в 26 миллионов рублей для работы в бакинском районе. С тех пор англичане успели захватить в свои руки главнейшие нефтяные поля. Их деятельность охватывала все районы нефтедобычи в России. 55% всего акционерного капитала русской нефтяной промышленности принадлежало иностранным капиталистам, при чем 37%, т. е. более $\frac{1}{3}$ всего акционерного капитала падало на долю британских. *)

Нефть Кавказа, как и персидская, обладала значительными преимуществами. Ее запасы только в бакинском районе достигали 400 мрд. пудов. Такие исключительные размеры не могли не влечь широких инвестиций ищущего приложения британского капитала. Лежащая в глубине Черноморско-Каспийского бассейна, она вполне была гарантирована, с точки зрения британских интересов, от каких бы то ни было покушений. Правда, ее военно-стратегические достоинства были продолжением ее недостатков. Примыкая к бассейну Средиземного моря, она лежала далеко от основной имперской магистрали Лондон—Индия. Но при современном развитии транспорта последнее обстоятельство не могло играть решающей роли. Кавказская нефть и как поле приложения капитала и как богатейший источник столь драгоценного с военной точки зрения топлива, не менее Персии влекла к себе английский империализм.

Первую сторону дела можно было развивать при всяких политических условиях (кроме, конечно, советского строя, о чем речь идет дальше). Вторая сторона, напротив, требовала предварительного приспособления обстоятельств. Для того, чтобы военно-стратегические выгоды смогли себя выявить, были необходимы две вещи: владение турецкими проливами и политическое подчинение Закавказья. Без этих условий воен-

*) Эвентов. Иностранный капитал в нефтяной промышленности России, стр. 122.

но-стратегическое значение бакинской нефти для англичан значительно падало. Результаты империалистической войны привели к английскому господству в проливах. Но этого было недостаточно. Одной из задач интервенции было создание соответствующих политических условий в самом Закавказье, могущих обеспечить Англии господство над бакинской нефтью и путями ее транспорта.

Первое свое появление в Баку в августе 1918 года, (как впрочем, и последующее) англичане пытались об'яснить военными событиями. Они, якобы, боялись проникновения немцев к бакинской нефти, установления связи с интернированными в Туркестане военно-пленными и организации похода на Индию. „Захват Баку нами,—читаем у Денстервиля,—привел бы к следующим последствиям: закрытие доступа врагу к запасам нефти и закрытие дверей в центральную Азию“. Эти вымыслы хорошо разобраны в статье В. А. Гурко-Кряжина „Английская интервенция в 1918—1919 г. г. в Закаспии и Закавказье“ *), к которой мы отсылаем читателя.

Для нас важен его итоговый вывод, что подобно. „об'яснение“ абсолютно не соответствовало действительности. Здесь мы хотим привести дополнительный аргумент, имеющий прямое отношение к вопросу о действительных намерениях англичан в Баку. В десятых числах сентября выяснилось, что занятие турками Баку неминуемо и поэтому стал вопрос об его эвакуации. И тут происходит очень интересное совещание. „Полковник Шардиньи,—пишет Денстервиль,—из французской военной миссии в Закавказье, был также в то время в Баку и мы с ним обсуждали вопрос о том, до какой степени стоило бы произвести разрушение нефтяных заводов и промыслов перед сдачей города неприятелю“. **) Однако, от разрушения отказались. Почему? Как это не было затруднительно, но английский генерал многое смог бы сделать в деле разрушения. При других обстоятельствах, в с р е д и н е в о й н ы, англичане сумели основательно уничтожить румынские нефтяные промысла, когда немцы готовились ими овладеть. Но в Денстервиле победили соображения коммерческие над военными. Он знал, что центр тяжести его экспедиции лежит не столько в военном противодействии туркам

*) Журнал „Историк—Марксист“ № 2.

**) Денстервиль. Указанное соч., стр. 228.—229.

и немцам, сколько в захвате нефти. С этой точки зрения понятно, что он согласился на то, чтобы нефть временно попала в руки врага, но зато сохранилась бы для английской эксплуатации после приближающейся победы. Такая линия могла проводиться потому, что в августе 1918 г. было уже ясно, что поражение немцев предрешено.

Что британская политика руководилась в значительной степени именно погоней за нефтью, это совершенно очевидно. Об этом, между прочим, имеется интересное место в показаниях Савинкова перед советским судом в 1924 г. На вопрос: на каких условиях снабжалось белое движение, он ответил: „Условий не было, но попытки ведения своей политики со стороны англичан были. Например, очень упорно, очень много говорили англичане сомной о том, что желательно образовать независимый Юго-Восточный союз из Северного Кавказа и Закавказья, говорили о том, что этот союз должен быть только началом, что потом с ним должны объединиться Грузия и Азербайджана Я в этом чувствовал запах нефти. Моя дипломатическая работа заключалась в том, что я на всем этом вертелся, потому что от этого зависели мои штаны и сапоги. Они рассказывали мне туры на колесах об образовании таких нефтяных государств“ (подчеркнуто нами. А. Р.). *) К этой фразе мы еще вернемся в другой связи.

Не только в области публично-правовой английская дипломатия стремилась изменить прежнее положение бакинской нефти, о чем мы будем еще говорить, но военным командованием по ее приказу велась значительная работа по изменению частно-правового положения нефтепромышленности в направлении британской гегемонии. Англичане не хотели попросту реставрировать старые дореволюционные отношения. Напротив. Не говоря уже о приобретении отдельных предприятий и нефтяных земель, установленная система в отношении снабжения нефтепромышленных фирм приводила к полному их закабалению. Так как вывоз нефти почти не происходил из-за английского же запрета на товарообмен с Советской Россией, то вся нефтяная промышленность 1½ года находилась на содержании. Первую половину этого срока ее снабжало английское командование (правда, за счет денег, получаемых от азербайджан-

ского правительства). Эта золотая цепь опутывала всю нефтепромышленность и позволила, если бы удалась политическая сторона британских планов, полностью ее подчинить. Мы не говорим уже о той своеобразной „национализации флота“, которую провели англичане, о диктатуре на ж.—д. транспорте, о таможенной политике в Батумской области, одним словом о всех тех мероприятиях, совокупность которых подготавливала полное овладение бакинской нефтепромышленностью.

В связи с этим мы считаем нужным остановиться на вопросе о вывозе нефтепродуктов в период господства англичан, считая и время „скрытой“, потенциальной интервенции после вывода ими своих войск, т. е. со дня прихода их в ноябре 1918 г. по день советизации Азербайджана в апреле 1920 года. В литературе, посвященной этому вопросу, господствует тот взгляд, что англичане проявили бешеную энергию для максимального вывоза нефти и ее продуктов из Баку, что значительным элементом их политики было стремление в наибольшей степени непосредственно ограбить лежащую перед ними добычу. *) Понятно, что тот или иной ответ дает соответствующее освещение общему вопросу об английских целях.

Мы полагаем, что вышеприведенное мнение значительно упрощает вопрос. Несмотря на очевидное стремление непосредственно оккупить издержки закавказской интервенции, британское командование в разрешении этого вопроса шло несколько иным путем. Центр тяжести „экономической политики“ его лежал не в максимальном вывозе нефти, а в овладении бакинской нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленностью, о чем мы говорили выше. По официальной справке, полученной автором этих строк в Азнефти, вывоз нефти и нефтепродуктов за исследуемый период был таков:

Вывоз нефтепродуктов из Баку в Персию и в Батум (в тоннах).

Всего:

1918 г.	13.284,2
1919 „	375.308,9
1920 „ (январь—май)	153.221,8

*) См. А. Попов. Из истории английской интервенции в Закавказье— „Пролетарская революция“ №№ 6—9 за 1923 г., В. А. Гурко-Кряжин. Английская интервенция в 1918—19 гг. в Закаспии и Закавказье— „Историк—Марксист“ № 2, а также статью того же автора в БСЭ т. I, „Азербайджан“ стр. 663.

В том числе в Батум:

1918 г.	6.196,5
1919 „	338.359,7
1920 „ (январь—май)	124.425,7

Вывоз в Персию из Баку мы можем сбросить со счетов, потому что туда шел, главным образом, коммерческий продукт; британское командование вывозило в Персию только небольшое количество бензина для войск. Таким образом, остается вывоз через Батум, который в 1919 г. достигал 338.359,7 тонн или 20,7 миллионов пудов. Эта цифра вовсе не так велика, как ее представляют А. Попов и В. А. Гурко-Кряжин. Указанные авторы оценивали ее сравнением с прежними годами, когда, якобы, вывозилось всего 5—7 миллионов пудов в этом направлении. Но „прежние годы“, это, оказывается, годы войны, когда турецкие проливы—пути вывоза—были закрыты. Довоенные цифры говорят иное. Вывоз 1919 г. через Батум равнялся всего половине вывоза 1905—14 г. г. (в 1908 г. вывоз достигал даже 45,5 милл. пуд). Мы не говорим уже о первых годах двадцатого столетия, когда, например, в 1904 г. было вывезено в Батум для дальнейшего вывоза 86,5 милл. пудов. *) Эти цифры показывают каковы были технические возможности вывоза, даже если внести поправки на разруху революционных и военных лет. Специальный корреспондент органа бакинских нефтепромышленников „Нефтяное Дело“ в Батуме дает прямое указание, что англичане не используют имеющийся нефте-и керосино-наливной флот, не загружая его даже до $\frac{2}{3}$ пропускной способности. История взаимоотношений британского командования и азербайджанского правительства, особенно во вторую половину 1919 г. и в начале 1920 г., дает много случаев, когда их взаимные споры оканчивались закрытием первым трубопровода, как средством давления на правительство. Следовательно, командование, обладавшее другими средствами давления, не придавало уже такого большого значения бесперебойному выкачиванию нефтепродуктов. И даже в 1920 г., когда угроза потерять Баку совсем вырисовалась достаточно рельефно, вывоз почти не возрастает: во второе полугодие 1919 г. в среднем вывозилась

*) Справочная книжка для нефтепромышленников на 1914 год, гл. VI, стр. 48—49.

2.460.000 пудов, а первые 4 месяца 1920 года по 2.615.000 пудов.

Выводы из всего сказанного вытекают следующие: не пропуская случая заполучить по дешевке нефть, английское командование не придавало этому особо первенствующее значение. Центром его стремлений являлось проникновение в толщу нефтепромышленных предприятий, установление с ними отношений зависимости, подготовка к долголетней систематической эксплуатации района бакинских нефтяных полей. Не нефть добытая, а нефть недобытая, недра — вот что интересовало британский империализм.

Захват бакинской нефти играл громадную роль в движении англичан в Баку. Но безусловно большее значение имел другой аспект британской политики—борьба против Советской России и ее влияние в Азии. В последней—в разных частях в различной форме—выявлялись анти-империалистические движения, и боязнь за все громадное здание британской колониальной империи, еще более расширяемой новыми приобретениями, являлось важнейшим ингредиентом в тогдашней внешнеполитической концепции лондонского кабинета. Защита громадного района от Египта до Индии представляла большие трудности, умноженные тем, что приходилось бороться с таким невидимым, но крайне опасным и всепроникающим врагом, как „бацилла большевизма“. Если аннектированная Персия являлась защитным плацдармом для Индии и мессопотамской нефти, то сама она могла бы свободно подвергнуться революционному влиянию и тем самым привести к срыву всей сложной постройки. Уже Денстервиль писал, что если бы его войска не оккупировали полностью персидской территории, то „вся северная Персия превратилась бы в Большевизию... остальная часть Персии соединились бы с туркестанцами и вся центральная Азия и Туркестан оказались бы втянутыми в этот хаос. Этого именно добивались здесь немцы (якобы, инспирировавшие большевиков. А. Р.) и кровь стынет в жилах при мысли, как близки они были к этим гигантским успехам“. *) Если отбросить неизбежную дань времени—упоминание о немцах, то цитата дает более или менее точную формулировку причин страха, являвшегося основным стимулом широких ин-

*) Денстервиль. Указанное соч., стр. 152.

териспционных планов Англии на юго-восточных границах Советской России.

При этом необходимо упомянуть, что развитие национально-освободительного движения в Анатолии во главе с Кемаль-Пашей также вызвало опасения британской дипломатии. Воспрепятствование установлению непосредственной связи этого движения с Советской Россией являлось также очередной задачей британской политики в период 1919-1920 года *).

Захват Закавказья, установление господства на Каспийском море, оккупация и создание противосоветского фронта в Закаспии—все это части единого плана создания преграды распространению революционного влияния на области, лежащие к югу от линии интервенции. Та политика „колючей проволоки“, которая привела к созданию и поддержке лимитрофов на западной границе Советской республики, проводилась,—конечно, соответственно измененная,—и на юго-востоке. Закавказью в этом отношении отводилась весьма значительная роль, и в первую голову Баку, лежащему на стыке всех путей. Поэтому то главные усилия британских империалистов были направлены сюда. Мы приведем—в последний раз—выдержку из „Таймса“, в которой этот левиафан буржуазной английской прессы удивительно откровенно и совершенно четко вскрывает движущие мотивы британской интервенции в Закавказье с точки зрения анти-советской борьбы: „С того момента, как мы приняли на себя ответственность за Мессопотамию безразличное отношение к средне-азиатским делам становится немыслимым, и в частности, перешеек между Каспийским и Черным морями приобретает исключительное военное значение“. „Это Закавказье открывает доступ не только к верховьям Мессопотамской речной долины, но и в Персию“. „В начале войны в Англии существовало воззрение, что Константинополь является ближайшим путем в Берлин. С этой-же точки зрения Ленин, как передают, выразил мысль, что Баку и Мосул составляют ближайшую дорогу в Лондон. Пятьдесят лет тому назад наша индийская черепаха могла втянуть голову под свой щит. Теперь, с тех пор как мы приобрели Мессопотамию, голова выставлена наружу для удара со стороны России (Советской. А. Р.) и защитить мы можем ее только приобре-

*) Этот вопрос возник уже в ходе закавказской интервенции

тением новой оборонительной заслонки в виде Закавказья“ (Подчеркнуто нами А. Р.).

„Оборонительная заслонка“ против проникновения „большевитской бациллы“ в азиатские владения британской империи вот—главнейшая политическая задача, разрешить которую должна была интервенция. Конечно, „оборонительный“ характер этой „заслонки“ надо понимать *cum grano salis*. Английские империалисты пытались разрешить противоречия с Сов. Россией не обороной от ее влияния, а наступлением на нее, чтобы уничтожить самый очаг революционных потрясений. Там, где это было возможно, интервенция принимала наступательный характер, как это было в Закаспии и на Каспийском море (действия флота), не говоря уже о других районах вездесущей английской интервенции. Но и в Закавказье делались шаги к подготовке активного наступления на Советскую Россию, как до разгрома Деникина, так и в особенности после него. Англичане исходили из совершенно бесспорного положения военной науки, что лучшая оборона, это наступление, что, говоря языком „Таймса“, путь к спокойствию в азиатских колониях и полуколониях лежит через Москву. И если им не удалось двинуть Закавказье в наступление против Советской России, то причина этого лежит во всяком случае не в недостатке желания британских империалистов.

Во всяком случае, английское командование и дипломатия многое сделали, чтобы Закавказье превратить в надежный оплот против дальнейшего продвижения большевиков. Они помогли Грузии и Азербайджану государственно оформиться, помогли (в Азербайджане, который более нуждался в этом) обуздать рабочее движение, пытались наладить снабжение военными материалами. И чрезвычайно характерно, что заботы английского командования распространялись только на Грузию и Азербайджан, при почти полном игнорировании Армении, которая благодаря своему географическому положению не могли играть значительной роли в создании „заслонки“ *).

Не довольствуясь заботами об укреплении отдельных закавказских государств, англичане, вместе с другими союзными державами, выдвинули идею образования закавказской феде-

*) Весьма возможно, что в игнорировании Армении играла роль сугубая русская ориентация дашнаков, что, при вышеочерченных опасениях англичан о будущих конфликтах, не представлялось им приятным.

рации. По мысли инициаторов, федерация должна была значительно увеличить политический и военный удельный вес Закавказья в его борьбе против Советской России. И руководители закавказских республик, хотя и не сочувствовали из-за своего резко-выраженного национализма этой мысли, вынуждены были вести подготовку к реализации ее, так как на них оказывали сильное воздействие. Безусловно, осуществление федерации усилило бы позиции этих „демократических“ республик, но при господстве муссаватистов, дашнаков и грузинских меньшевиков федерация была не более возможна, нежели движение закавказских рек вспять.

Во всяком случае, рассмотрение истории английской интервенции подтверждает следующее: Закавказье, по мысли англичан, ни в коем случае не должно стать членом Советской Федерации. В том или ином виде оно превращается в часть британской империи, являясь одновременно звеном в „санитарном кордоне“, построенном вокруг Советской республики. Оно — база контр-революционного наступления на последнюю. В случае неудачи антисоветского похода, Закавказье остается „заслонкой“, охраняющей азиатские владения Англии от большевизма. Это — одна сторона дела.

Для всестороннего вопроса о целях британской интервенции чрезвычайно важным является также рассмотрение их отношений к русским контр-революционным силам. Мы считаем нужным на этом остановиться еще и потому, что исследователи обычно совершенно игнорируют этот вопрос, вернее разрешают его по аналогии с соответствующими отношениями на севере. На севере от Закавказья англичане всемерно поддерживали борьбу контр-революционных сил. Совершенно очевидно, что гражданская война была-бы чрезвычайно коротка, по сравнению с действительными ее сроками, если бы контр-революция не опиралась на иностранную интервенцию. Но если попытаться проанализировать побудительные мотивы английского участия (иные интервенты нас здесь не интересуют) в гражданской войне, то мы увидим, что они чрезвычайно далеки от официального „долга чести перед союзником“. Победа контр-революции должна была вернуть английские капиталы, вложенные в промышленность и военные государственные займы, и одновременно открыть широчайшие перспективы в деле организованной эксплуатации экономически ослабевшей стра-

ны. Но если взять чисто политическую область, то англичане опасались, как мы уже по частному поводу Персии показали, возрождения былых противоречий. Поэтому не будет неточностью сказать, что англичане помогали Деникину и Колчаку не потому, что последние вóсстанавливали буржуазно-помещичью Россию, а потому, что они низвергали большевиков. И если это так, то совершенно естественна политика ослабления и растаскивания той самой буржуазно-помещичьей России, которую собирались „восстанавливать“ английские империалисты. Очень красочно говорит об этом один из видных английских дипломатов, лорд Берти, бывший послом в Париже до конца 1919 года. Приводим запись из его дневника от 8-го декабря 1919 года: „Гарвин в „Обсервер“ говорит о восстановлении России под покровительством Америки! Нет больше России! Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т.е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их не удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в Средней Азии и Кавказскими княжествами“ (подчеркнуто нами. А. Р.).*) Разница между мыслями Берти и действительной английской политикой заключалась лишь в том, что первый говорил в своем дневнике откровенно и грубо, а английская политика была замаскирована и приспособлялась к обстоятельствам, не отказываясь, однако, от формулированных Берти целей.

То место судебного допроса Савинкова, которое мы выше привели, показывает, что лондонские дипломаты понимали термин Берти — „Кавказские княжества“ — расширительно, включая и Северный Кавказ. Часть этих планов, связанных с темой нашего исследования, именно с Дагестане, мы в дальнейшем подробно рассмотрим. И уже во всяком случае Закавказье англичане не собирались выпускать из своих рук. „Нефтяные государства“, о которых говорил Савинков, ни в коем

*) Лорд Берти. За кулисами Антанты, стр. 191.

случае не предполагалось передать России. Политика англичан в Закавказье, если абстрагироваться от „советских мотивов“ ее, игравших безусловно доминирующую роль, сводилась к созданию подмандатных полуколониальных, независимых от России, „демократических“ или каких иных государств, которые обеспечивали бы бакинскую нефть и азиатские британские владения от русского влияния. Мы уже говорили, что значение бакинской нефти для британского империализма зависело в значительной степени от ее политической оболочки. Нефть должна быть политически зависимой от Англии. Это означает, что она не должна находиться в каких бы то ни было отношениях с Россией, в том числе и той, которую собиралась восстанавливать „военная партия“.

Что касается общеполитического вопроса о столкновениях России с Англией, то мы о нем уже достаточно говорили. „Заслонка“ нужна была не только против проникновения „большевистской бациллы“, она должна также—в случае успеха антибольшевистской борьбы—задержать далеко на севере носителей реставрированного русского империализма и этим самым стать на службе „имперской безопасности“. Закавказье для англичан—вот формула действительной линии британской политики.

Мы приведем далее дополнительную аргументацию в защиту этого высказываемого нами взгляда в связи с очень важным вопросом о причинах ухода англичан с Закавказья, поскольку он проливает некоторый свет на цели интервенции.

В. А. Гурко-Кряжин правильно замечает в своей статье, помещенной в „Историке-Марксисте“, № 2, что причины ухода англичан не в достаточной степени освещены. Но, к сожалению, его решение также не может почитаться удовлетворительным. „Одной из главных причин ухода Англии из оккупированных территорий,— пишет указанный автор,—было то обстоятельство, что она считала их достаточно обеспеченным от большевистской заразы, благодаря добровольческой армии, которая как раз в это время достигала крупных успехов. Вместо того, чтобы самой проделывать дорогостоящую интервенцию, она предоставила выполнить это Деникину, продолжая ему, конечно, оказывать материальную и военную помощь. Великая имперская магистраль (т. е. линия Константинополь-Батум-Баку-Красноводск. А. Р.)

явилась как-бы гигантской осью одновременно для всей южной контр-революции. Опираясь на нее, получив Каспийский флот, заняв на Кавказе те позиции, которые были заранее приготовлены англичанами, Деникин со своей армией казался тем надежным барьером, который отгородит навсегда революционную Россию от стран Ближнего Востока“ (подчеркнуто нами А. Р.). *)

Основной исходный пункт этого рассуждения тот, что англичане не мыслили никакого противоречия своих интересов с деникинской Россией на Кавказе. По мысли автора, они подготовили путь Деникину на Кавказ, предоставив ему заменить английскую интервенцию там. И это в тот момент, когда Деникин, казалось, сумеет победить и свергнуть Советскую власть, восстановить старую Россию, с которой, как англичане прекрасно знали, у них безусловно возникает борьба. Если бы действительное положение вещей было такое, то пришлось бы, конечно, отказаться от концепции о двойственных интересах Англии на Ближнем Востоке в отношении революционной и контр-революционной России. Но так ли действительно обстояло дело?

Вся история Закавказья в 1919 г. опровергает утверждение Гурко-Кряжина. Никаких позиций, заранее приготовленных англичанами, Деникин не занимал, так как ему это не позволяли сами англичане. В самом деле. Вскоре после того, как возникли первые разговоры об эвакуации, в мае 1919 г. англичане пытаются не только отгородить Закавказье от Деникина, но включить в него даже Дагестан (т. н. „линия генерала Кори“, см. гл. III). Когда в августе (а не 20 ноября, как пишет Гурко-Кряжин в БСЭ, т. I, „Азербайджан“), англичане эвакуировали Закавказье (кроме Батумской области, очищенной только летом 1920 г.), то деникинская армия, стоящая на границах Азербайджана и упоенная своими победами на севере, однако, не двинулась занимать его. И это несмотря на то, что действительного сопротивления азербайджанская армия оказать не смогла бы, благодаря своему опереточному характеру. Позже, осенью и зимой 1919 г. отношения между Деникиным и закавказскими республиками (кроме Армении) совсем обостряются. Приказом Деникина все русские офицеры и чиновники были обязаны немедленно покинуть азербайджан-

*) „Историк—Марксист“, № 2, стр. 139.

жанскую службу (9 ноября). Закавказью об'является экономическая блокада (18 ноября). Полный разрыв на лицо, а войны все-таки не последовало, несмотря на крайне злобное отношение русских белогвардейцев к Закавказью.

Почему? Причина этого лежит именно в английском запрете. Вне этого нельзя найти об'яснения бешеной официальной брани добровольческого командования по адресу Азербайджана и Грузии и—при полной возможности и не скрываемому вожделению—отказу от военных действий. Закавказье—для англичан. Эту формулу должен был и Деникин принять к сведению и исполнению. И та телеграмма, которую послал верховный английский комиссар Уордроп Деникину 2 декабря 1919 г. в связи со слухами о готовящемся наступлении последнего на Баку, и которая, по мнению Гурко-Кряжина, „хорошо знакомит нас с этими (очерченными в вышецитированном нами отрывке. А. Р.) английскими настроениями“, говорит как раз обратное. Она заявляла о том, что слухи о предстоящем наступлении Добровольческой армии на Баку возбуждают все Закавказье и Турцию и создают угрозу грандиозного восстания направленного против Армении, Добровольческой армии и англичан. Поэтому Уордроп категорически настаивал, чтобы Деникин пошел на мирное соглашение с Закавказскими республиками. В противном случае он, по мнению Уордропа, рискует потерять симпатии своих союзников в правительствах Антанты. Та часть телеграммы, которую приводит Гурко-Кряжин, гласит следующее: „Мирные условия уже установлены на Кавказе, большевизм подавлен, и существующие правительства разрешают свои разногласия мирным путем и арбитражем“. Это—ответ на обычные вопли добровольцев, что в Закавказье развивается „большевизм“, под псевдонимом которого скрывалась просто неугодная деникинцам политика существующих правительств, что единственную небольшевистскую страну—Армению, которая открыто ориентировалась на Добровольческую армию, притесняют. Эта телеграмма Уордропа заявляла, что добровольческая идеологическая подготовка к войне ни на чем не основана, а следовательно, надо забыть о будущем, но в то самое время очень далеко, Закавказье.

Из других причин эвакуации Закавказья Гурко-Кряжин справедливо указывает на некоторую консолидацию английского ближневосточного положения (договор с Персией, Аф-

ганистаном, положение в Турции) и на падение интереса Англии в связи с отказом других союзников предоставить ей мандат на Закавказье. Это, впрочем, не остановило усилий по заключению с Азербайджаном договоров типа англо-персидского. К этому надо прибавить, что экспедиция на Кавказ стоила довольно дорого (около 60 милл. руб.). Далее, большие внутренние осложнения, в связи с послевоенным движением рабочего класса, относящегося враждебно к интервенции в России. И, наконец,—последнее, но не по важности, — это полная уверенность, что Закавказье никто не займет. Большевики, благодаря успехам Деникина, вскоре должны были, по мнению англичан, перестать представлять какую-нибудь угрозу английским владениям вообще, Закавказью—возможному и ожидаемому английскому владению—в частности. А Деникин, как мы видели, также не мог продвинуться, связанный известными нам по последствиям, но неизвестными формально соглашениями. Совокупность этих причин—прямых и косвенных—привело к прекращению интервенции в ее прямом виде. Но она осталась в скрытом виде. Ее орудиями стали меньшевистское правительство в Грузии и мусаватистское—в Азербайджане. Место командующего войсками занял верховный комиссар, науськивающий на Советскую Россию. Его дирижерская роль кончилась только тогда, когда Красная армия, по призыву восставшего бакинского пролетариата, перевалила за Кавказский хребет. Цели английской интервенции оказались вне досягаемости британского льва.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

„Независимый Азербайджан“.

1. Британская оккупация.

15 сентября 1918 года, образованное 28 мая в Гандже, правительство „Азербайджанской демократической республики“, при помощи турецких штыков в'ехало в Баку. Ни войска „Диктатура Центрокаспия“, ни английский отряд Денстер-пили не могли отстоять город. Британскому генералу пришлось, буквально как „тати в нощи“, сбежать, оставив на произвол судьбы своих эсеровских союзников. Трусливое бегство англичан окончательно предрешило падение Баку и победу турецко-мусаватского наступления. Мусават торжествовал. Азербайджанская республика, правда на турецкой основе, получила свою столицу. Если отвлечься от сильнейшего ограничения суверенитета нового государства со стороны турок, от вмешательства их во без исключения дела, выкачки продовольствия, вопреки тяжелому положению самого Азербайджана, захвату на 5 лет всей железнодорожной сети, диктатуры над правительством и даже непризнание последнего,—если от всего этого отвлечься, то можно было себя тешить иллюзиями о столь долгожданном „независимом“ существовании.

Не успели, однако, все выгоды совместного сожительства с „единоверными“ турками себя выявить, как этому конкубинату пришел конец. „Принужденные просить перемирия,—писал в начале ноября председателю совета министров Хан-Хойскому турецкий военный министр Иззет,—обязались находящиеся в Азербайджане части взять обратно. Мы вынуждены были об'явить, что желающие остаться в Азербайджане офицеры прекращают связь с турецкой армией. По договору с Англией, принадлежащей к числу Держав Согласия, в одном пункте мы обязались не воспрепятствовать англичанам занять Баку, о чем мы дали приказ командирам наших войск, находящихся на Кавказе“. (подчеркнуто нами. А. Р. *)

*) Фонд Мин. Ин. Дел. Дело № 261, стр. 15. Далее следует интересная фраза, характеризующая предыдущие отношения Турции к Азербайджану „Старайтесь создать мусульманское государство“. Следовательно, по мнению Иззет-Паши, ранее этого государства не было, а существовала только оккупированная турецкими войсками область.

Турция, окончательно разгромленная, сдалась на милость победителя. Практичные англичане сейчас же приступили к сбору в своих руках всей возможной добычи. Баку являлся одной из важнейших составных частей последней.

Ближайшим пунктом нахождения английских войск была Персия, оккупированная еще ранее самым бесцеремонным образом войсками генерала Денстервиля. Повернувшие в 24 часа свою ориентацию на 180°, мусаватские руководители срочно выехали в Энзели на поклон новым господам. Правда, перемена владык им не очень улыбалась. Их представитель при турецком правительстве заявил протест против передачи турками англичанам не принадлежащего последним Баку. На что им было отвечено, что параграф о Баку был продиктован ультимативно и всякое сопротивление являлось бессмысленным.

Как бы то ни было, в первой половине ноября делегация Азербайджана в составе Ахмед-бек Агаева, Н.-б. Усуббекова (будущего министра-председателя) и Рафиева вступили в переговоры с командующим английскими войсками в Энзели генералом Томсоном.

Суть переговоров в Энзели изложена в телеграмме делегации, которую приводим целиком:

„Из Энзели. 16 ноября 1918 года. Томсон, не взирая на все настоятельные требования о продлении срока, настоятельно требует очищения Баку к десяти часам утра 17 ноября не только от турецких войск, но и от азербайджанских войск. Будет оккупирован только Баку с промыслами. Азербайджанские войска остаются везде, кроме района Баку. Азербайджан официально не признается, но представители Англии, Франции, Америки будут в сношении с фактическим правительством его. Все организации, правительственные, государственные, общественные учреждения продолжают функционировать на прежних основаниях, за исключением следующих: Ген. Томсон об'является генерал-губернатором города. Во главе городской милиции ставится англичанин. Городская Дума, также Совет С'езда могут быть реорганизованы. Требуют отвода под союзные войска Сальянские казармы, Коммерческое училище, Каспийское товарищество, дом адмиралтейства, Тагиевскую школу, также 10 комнат „Метрополь“.

Принцип самоопределение народностей решается на конференции, причем Азербайджан не будет исключен. В отряде будет Бичерахов с казаками, относительно действий которых генерал дает заверение; армян вооруженных не будет впущено в город. Настаивая над отсрочкой, мы не взяли на себя ответственность. Решение сообщите Томсону. Положение серьезное. Бичерахов отрядом Ленкорани *). Карс, Ардаган, Нарген (наз. пароходов. А. Р.) здесь много пароходов с пушками, войсками; согласно условия вывезите все вооружение. Будем 16 вечером“.

Азербайджан—не признается. Баку—оккупируется. Томсон—генерал-губернатор. Азербайджанские войска — вон из Баку. Таков итог энзелийских переговоров. Несмотря на то, что итог этот оказывался весьма плачевным, правительству ничего не оставалось делать, как пойти на полное принятие английского ультиматума. Скомпрометированное своей связью с Турцией, никем не признанное, со слабой внутренней организацией, оно не обладало никакой силой сопротивления. Единственной целесообразной тактикой в настоящий момент, по мнению правительства, являлось безоговорочное согласие на условия Томсона, с тем, чтобы по прибытии его найти такой *modus vivendi*, который бы, удовлетворив английские притязания, сохранил независимость Азербайджана.

Но если предварительные переговоры рисовали довольно мрачные перспективы, то первая встреча была еще менее радостна. Для мусаватского правительства центром внимания являлось отношение пребывающих представителей Антанты к вопросу о независимом от России существовании Азербайджана. Вокруг этого, собственно, вращались тогда все помыслы мусаватских заправил. И вот, Томсон оккупирует 17 ноября Баку. Вместе с ним прибывает казачий отряд под командой Лазаря Бичерахова, рассматривающего себя, как представителя „единой России“. Во время подхода пароходов со штабом и войсками, по городу разбрасывались с аэроплана прокламации, характеризующие его цели. Прокламация, подписанная Бичераховым, как „главнокомандующим русскими морскими и сухопутными силами Кавказа“, гласила следующее:

*) Л. Бичерахов офицер царской армии, командовал сводным казачьим отрядом, принимавшим участие в действиях английской армии против турок на мессопотамском фронте. Играл видную роль, по заданию англичан, в подавлении Бакинской Коммуны.

„Привет вам, граждане России! Граждане, последний враг сломлен! Для всех народов настала эра новой спокойной жизни! Наша Великая Русь, восстанавливаемая при помощи союзников в своих исконных границах, уже во многих местах начинает свою обновленную созидательную жизнь, очищенную путем перенесенных жертв и невзгод. Граждане! В час возвращения русских и союзных войск в Баку я зову всех частных граждан забыть всю партийную и политическую рознь и сплотившись воедино принести все силы на пользу и благо нашей дорогой пострадавшей России и облегчив тем задачу наших союзников, дать им возможность скорее вернуться к себе на родину. (Подчеркнуто нами. А. Р.).*)

Бичерахов говорит о Баку, как о русском городе. Англичане, по его словам, занимают Баку только для передачи России. К „гражданам России“ обращается воззвание. И все это безусловно с разрешения англичан, на содержании и службе которых находился и сам Бичерахов и весь его отряд.

Каково же отношение английского штаба к этому вопросу? Вот как он вначале формулировал свои цели:

„От имени союзников Баку занимается Великобританскими войскам. Меня сопровождают представители Франции и Соединенных Штатов и мы здесь находимся с ведома и полного согласия Нового Русского Правительства... В момент торжества мы не забываем великих услуг, оказанных русским народом делу союзников в первые годы мировой войны. Союзники не могут возвратиться к себе домой, прежде чем они восстановят порядок в России... Не может быть вопроса о том, что союзники не имеют намерения оставить за собой ни одной пяди русской территории. В этом они торжественно обязались перед русским народом“. (Подчеркнуто нами. А. Р.).

Эти строки нами заимствованы из первой прокламации Томсона, опубликованной от имени союзников 19 ноября 1918 г. в местной прессе. Они достаточно недвусмысленно говорят о том, что Баку (и Закавказье в целом) рассматривается как часть российской территории, с которой он будет со временем воссоединен.

*) Архив Азистпарта. (Испарт ЦК и БК Азерб. Коммунистической партии). Разные бумаги мусаватского периода (без нумерации страниц).

В другой своей прокламации, опубликованной через несколько дней, Томсоном опять таки „доводится до сведения населения Кавказа, что целью посылки союзных войск на Кавказ является водворение общественного порядка на этой Российской территории, расположенной между Черным и Каспийским морями“. (Подчеркнуто нами. А. Р.)*)

Эта вторая прокламация как будто еще более четко ставит вопрос о принадлежности России Кавказа с точки зрения союзников**).

Совершенно понятно, что вопрос о признании Азербайджана, которого добивалось правительство во время первых же-

*) „Азербайджан“, № 43 от 24 ноября 1918 г.

**) Я. Шафир в своей работе „Очерки Грузинской Жиронды“ приводит документ, имеющий отношение к рассматриваемому вопросу. Это декларация Томсона о целях союзников на Кавказе. Даем из нее выдержки:

„Союзные державы, как равно и новое российское правительство в Уфе, с которыми они действуют сообща, не признают никаких независимых образований, которые образовались в России, и не будут к ним относиться, как к таковым. Задачи их деятельности следующие: 1) восстановление стимени русской власти прежнего наместничества на Кавказе в качестве административного кадра для облегчения восстановления жизни политической и экономической края; народности сами впоследствии урегулируют свои взаимоотношения, когда это окажется возможным; 3) военное командование английское оккупирует край, в целях поддержания порядка в нем, но отнюдь не имеет намерения вмешиваться во внутренние дела; местные войска подчиняются английскому командованию и рассматриваются как русские войска“. (Стр. 100).

Здесь перед нами совсем далеко идущее заявление, которое предвидит даже восстановление прежнего наместничества, т. е. дореволюционного учреждения и рассматривает местные войска, как русские. Хотя мы далее даем объяснение первоначальной „руссофильской“ политики английского командования, но мы не можем не заметить, что достоверность этого документа вызывает значительные сомнения. Н. Жордания получает эту чрезвычайно важную декларацию из Сухума, в то время, как автор декларации Томсон находился тогда (телеграмма датирована 2 декабря 1918 г.) в Баку. Декларация, очевидно, относится и к Азербайджану, однако на нее нет никаких намеков не только в архивах Азербайджана, но во всех переговорах нет даже косвенного указания на ее существование. Нечего и говорить, что она не напечатана в газетах, в то время, как в официозе „Азербайджан“ печатались все, даже мелкие объявления британского командования. Вдобавок, указание на восстановление наместничества, упраздненного еще Временным Правительством, также наводит на размышление, так как ни одно заявление представителей Антанты не относилось с симпатией к восстановлению царизма.

Тут же говорится, что союзники не признают никаких независимых образований, следовательно и западных лимитрофов России, к образованию которых Англия, наоборот, относилась с большой и активной симпатией.

Но всем этим соображениям мы воздерживаемся делать какие либо выводы на основании этого документа.

переговоров, повис в воздухе и ничего в этом направлении вначале сделать не удавалось.

Больше даже того. 17 ноября в правительственном офицере появилось сообщение о приходе английских войск. Приводим его важнейшую часть:

„В результате переговоров между Азербайджанским правительством и представителем союзных войск в Энзели генералом Томсоном достигнуто соглашение, в силу которого сегодня, 17 ноября, утром в столицу Азербайджана вступит отряд союзных войск во главе с генералом Томсоном.

Это вступление союзного отряда не является враждебным актом, могущим нарушить независимость и территориальную неприкосновенность Азербайджана.

Все государственные и общественные учреждения будут функционировать нормально, как и раньше“. (Подчеркнуто нами. А. Р.). *)

Томсону этот текст показался подозрительным. Фраза о независимости и территориальной неприкосновенности как бы предreshала те вопросы, о которых он еще хотел говорить и говорить долго. Поэтому он потребовал опровержения намека о признании. И уже 18-го напечатано было следующее лаконическое сообщение «от редакции»:

„Во вчерашнем номере нашей газеты появилась на том же месте, где помещается сие объявление, сообщение о том, что союзные правительства признали независимость Азербайджанской республики.

Это сообщение неправильно, ибо такового признания не было»**).

Такова была по внешнему виду линия поведения английского командования по вопросу о взаимоотношении Азербайджана и „восстанавливаемой“ Деникиным и Колчаком России. Мы полагаем, однако, что настоящие стремления его значительно отличались от того, что можно себе представить на основании вышеприведенного. В цели генерала англо-индийской школы Томсона с самого начала оккупации Азербайджана не входила передача его России. В «Введении» мы

*) „Азербайджан“, № 37 от 17 ноября 1918 г.

** „Азербайджан“, № 38 от 18 ноября 1918 г.

детально выяснили те большие задачи, которые поставил британский империализм перед своими военными слугами и поэтому не будем повторяться. Видимое противоречие в первые несколько недель оккупации (позднее и это внешнее противоречие исчезло) между декларациями и действительными намерениями англичан объясняется несколькими причинами, которые мы изложим в порядке убывающего значения.

Прежде всего нужно иметь в виду, что в первый период интервенция осуществлялась, как обще-союзническое дело. В Баку прибыли представители не только Англии, но и Франции и Соединенных Штатов. Прокламировать приходилось общую точку зрения на возникавшие вопросы. Франция в ту пору только переходила от своей старой ориентации на сильную Россию, как к оплоту против Германии, к новой комбинации с сильной Польшей. Группировка французских политиков, проводящих последнюю, еще не победила окончательно и поэтому французская линия поведения на Кавказе склонялась к сохранению России в старых ее пределах. Несколько позже рассматриваемого нами начального периода, в день празднования провозглашения самостоятельности Азербайджанской республики, 28 мая 1919 года, представитель французской военной миссии, полковник А. А. Осберг, заявил, что по его мнению, „сепаратизм закавказских народностей вообще, Азербайджана в частности... явление временное“... „Будущее Азербайджана,—прибавил он,—мне представляется неразрывно связанным с возрождающейся Россией и решениями будущего ее Учредительного Собрания“. *)

Такая точка зрения французского представителя тем более понятна, что речь шла не об Украине или Крыме, где французы пытались, правда безуспешно, укрепиться, а о Закавказье, которое, если бы стать на точку зрения расчленения России, попадало в английские руки. **)

Нам неизвестна позиция представителя Соединенных Штатов, но трудно предполагать, что он пошел на поддержку

*) „Азербайджан“, № 110 от 28 мая 1919 г.

**) Между прочим, этот полковник Осберг находился в тесном контакте с местным белогвардейским Русским Национальным Советом, ориентирующимся на „единую Россию“ и поставлял ему информацию об английских планах. См. ст. Б. Байкова в „Архиве русской революции“ Гессе-на, т. IX стр. 151.

отделения Закавказья при условии английской оккупации. И во всяком случае на это не мог решиться самостоятельно, оторванный от своего правительства, представитель Соединенных Штатов. Мы увидим далее, что американцам, видимо, не нравилось нахождение бакинской нефти только в английских руках и англичанам приходилось их задабривать.

По этим соображениям, в первое время британский штаб считал необходимым соблюдать декорум восстановления России в ее старых пределах. Но вскоре англичане, опираясь на то, что только у них была реальная сила, постепенно оттерли своих «союзников» от лакомого пирога и начали проводить в жизнь истинные свои намерения.

Другой причиной, описанного первоначального поведения англичан, явилось стремление таким путем оказать давление на азербайджанское правительство. Последнее, сформированное в период турецкого господства, было ярко туркофильское и переменяло свою ориентацию, что называется, под влиянием форс мажора. Это обстоятельство тревожило английское командование.

Оно опасалось возможности азербайджано-турецких выступлений, которые смогли бы значительно осложнить положение*). Те высказывания относительно судеб Закавказья, которые мы привели выше, должны были послужить целям политического шантажа, поставив муссаватистов перед возможностью полной ликвидации их государства, если они не смогут своей услужливостью переменить английские взгляды. Нужно сказать, что как эти угрозы общего характера, заключавшиеся в речах о России, так и в более поздний период кивки английского командования на Добровольческую армию, всегда служили тем, работавшим почти без отказа, приводным ремнем, который заставлял вертеться государственную машину муса-

*) Этим, между прочим, объясняется пункт первой прокламации Томсона, объявившей награду тем, кто выдаст скрывшихся турецких или немецких офицеров. Значительная доля внимания английской контр-разведки и в позднейший период была направлена на розыски турецких офицеров. Тревожное отношение английского командования подкреплялось таким фактом, как восстание в конце декабря 1918 г. частей Казахского полка в уездном городе Агадаме. Центральным требованием восставших было удаление англичан из Азербайджана и возвращение турецких офицеров. Путем обмана плохо организованной аскерской массы удалось его ликвидировать.

ватского Азербайджана в нужном для англичан направлении. Для того, однако, чтобы не оттолкнуть окончательно представителей азербайджанской «государственности», Томсон сделал еще в самом начале оккупации ряд заявлений, которые показывали, что с англичанами можно будет сгордиться. Мы их приведем ниже.

Третьей причиной, сыгравшей известную роль в появлении английской политической маскировки, являлось стремление Томсона использовать в своих целях русские белогвардейские элементы. Он занял Баку при содействии отряда Бичерахова, который числился главой Кавказско-Каспийского правительства, претендовавшего на Баку, как на часть своей территории. Английских войск в Баку было вначале весьма мало.

Раскрытие анти-русских карт автоматически перебрасывало белогвардейские военные силы из-под английского управления во враждебный лагерь. Из этого видно, что чисто военное соотношение сил заставляло декларировать благожелательное отношение к России в закавказских делах до тех пор, пока британский штаб не получил прочную собственную базу.

Таким образом, как мы видим из рассмотрения всех трех причин, «руссофильская» политика английского командования явилась попросту, вынужденной обстоятельствами, временной мерой буффонадного характера для укрепления положения интервентов.

Другие представители Антанты были довольны, русские белогвардейцы строили воздушные замки и распределяли будущие должности в «русском городе» Баку, мусаватисты, напуганные перспективой уничтожения своего господства, отдавались в полное услужение завоевателей, а британский штаб смог постепенно укрепить свои позиции и после этого сбросить маску. Так была разыграна эта комедия.

Для того, чтобы еще более оттенить «двойную бухгалтерию» английского командования, мы приведем текст телеграмм, которыми обменялись Томсон и Хан-Хойский еще до приезда первого в Баку. Они показывают, что тогда намечались пути сближения, вполне приемлемые для мусаватистов с точки зрения интересов их республики.

1. Телеграмма Хан-Хойского Томсону от 16 ноября:

„Азербайджанское правительство не возражает против вступления отряда союзных войск 17 сего ноября в город Баку под командованием вашего превосходительства. Правительство вполне уверено, что это вступление не послужит нарушением независимости Азербайджана и его территориальной целостности. Правительство полагает, что подробности взаимоотношений с командующим союзным отрядом, кроме общих начал, сообщенных вами нашим представителям в Энзели, будут согласованы путем личных переговоров. Правительством принимаются меры к приему и размещению вступающего отряда“.*)

II. Телеграмма Томсона Хан-Хойскому от 17 ноября:

„Я благодарю вас за вашу приветливую телеграмму и вполне уверен, что сотрудничая на указанном вами пути, наши обоюдные отношения останутся вполне удовлетворительными“.**)

Обращаем внимание читателей на подчеркнутые нами места в обеих телеграммах. Томсон считает, что возможно соглашение на указанном Хан-Хойским пути. Иными словами, уже здесь Томсон намекал на будущую политику английского командования, исходящую из независимого от России существования Азербайджана. Правда, обмен телеграммами произошел до вступления английских войск в Баку, что могло повлиять на уступчивость Томсона. Этот вывод можно было сделать, если указанное заявление английского генерала стояло особняком. Но вот перед нами речь Томсона, произнесенная им на набережной, в момент прибытия, в ответ на приветствие представителя азербайджанского правительстваа Зиатханова.

Мы ее приводим целиком, так как тут важно не только то, что сказал Томсон, но также и то, чего он не сказал:

«Поздравляю вас с окончанием мировой войны. Заявляю вам, как командующий союзными англо-франко-американскими войсками, что мы прибыли сюда, чтобы согласно заключенному с Турцией условию заменить турецкие войска, охранявшие до сего времени вашу территорию. Никакого намерения вме-

*) „Азербайджан“, № 38 от 18 ноября 1918 г.

**) Там-же.

шиваться в ваши внутренние дела мы не имеем ни в настоящем, ни в будущем. Я надеюсь, что при нашей совместной работе все устроится, как нельзя лучше»*).

О России нет ни слова. Предполагать соображения вежливости у представителей британского империализма было бы конечно смешно, особенно учитывая все его другие заявления и действия. «Здесь умысел был иной». Заявление о невмешательстве во внутренние дела Азербайджана „ни в настоящем, ни в будущем» звучат совершенно определенно и совершенно не напоминало фразы о русской территории.

В добавление ко всему этому укажем, что декларация Томсона от 24-го, начало которой, говорившее о Закавказье, как о „русской территории“, мы приводили выше, ссылалось в то же время на то, что судьбы закавказских республик будут разрешены на Мирной Конференции, что совершенно не предreshало то или иное разрешение вопроса и вполне отвечало желаниям азербайджанского правительства.

Все изложенное приводит к выводу, что политика „двойной бухгалтерии“ велась английским командованием с самого начала и с первых же шагов англичане строили мостки, по которым можно было придти к осуществлению своих планов относительно а н г л и й с к о г о К а в к а з а .**)

Чтобы покончить с этой темой, мы отметим те колебания, которые появились среди мусаватских руководителей в связи с двучными высказываниями Томсона. Член энзелийской делегации Ахмед-бек Агаев, вскоре по возвращении, под влиянием энзелийских разговоров с представителями Антанты, заявил, что „Державы Согласия задались великой и благородной задачей освободить Россию от губящего ее большевизма и восстановить Россию на новых началах, согласованных с принципами Вильсона.... Азербайджанцы всегда сочувствовали

*) Там-же.

**) При всем том, можно допустить (но не утверждать. Допущение мы пытаемся ограничить документальными данными, имеющихся в нашем распоряжении), что в ноябре - декабре 1918 г. Томсон еще не имел совершенно четкой, определенной и безоговорочной директивы британского правительства о присоединении Закавказья к английским владениям. Но перспектива такого присоединения безусловно с первых же дней нахождения английских войск в Баку (вернее сказать, еще в период их пребывания в Энзели) представлялась вполне реальной для британского штаба и являлось регулирующим принципом его действий.

этой идее... Отлагая вопрос о разрешении вопроса *) о взаимоотношениях между народностями России до созыва Общероссийского Учредительного Собрания в той окончательной форме, в какой эти принципы будут приняты мирной конференцией, представители держав далеки от мысли разрушить уже фактически существующие организмы. (Подчеркнуто нами А. Р.). **)

Для этого заявления, правда, были и другие мотивы. Среди господствующих тюрских классов были некоторые тенденции к сближению и даже к соединению с Россией. Это—та часть беков, которая, не надеясь на силу маленькой Азербайджанской республики, хотела иметь общероссийскую гарантию прочности эксплуататарского строя, а также группы торговцев и нефтепромышленников с большими российскими связями, которые должны были порваться или ослабнуть в случае отделения Азербайджана от России.

Но подавляющее большинство азербайджанских политических руководителей и слушать не хотело о соединении с Россией. Оно не хотело делиться своими доходами с представителями российской власти. Заявление Агаева повисло в воздухе. Сам он, в связи с этим и подобными заявлениям во время переговоров с представителями бакинских добровольческих элементов, получил нагоняй и вынужден был выехать из Баку. Мусаватисты ухватились за другую сторону высказываний Томсона и, выждав попутного ветра из британского штаба, на всех парусах понеслись в фарватере английской политики к вожденной „независимости“.

Первоначально Томсон стремился к тому, чтобы организовать в Баку такое правительство, которое бы представляло все национальные группы населения. Он хотел найти какую-нибудь платформу, на которой хотя бы временно сошлись представители трех главнейших национальностей Баку—тюрки, армяне и русские. Цель его заключалась в поднятии, таким образом, престижа английского командования, добившегося национального мира, и создание тем самым более удобной обстановки для закрепления английского влияния. Это не означало низведения тюрской части к роли одной трети, обла-

*) Стиль подлинника.

**) Там-же.

давшей равными правами с армянами и русскими. Томсон стремился только к тому, чтобы привлечь и русских и армян к участию во власти, которая, в общем, должна остаться в преобладающей степени тюркской; он хотел уменьшить национальные трения, которые, по его мнению, смогли бы в будущем мешать английским намерениям.

Уже в первый день своего прибытия, Томсон пригласил к себе представителей Русского Национального Совета, ориентирующегося на „единую и неделимую“ — М. Ф. Пошибякина, Б. Байкова и Я. Н. Смирнова, которым изложил свою программу. Он выдвинул от имени союзников идею коалиционного (по национальному признаку) правительства, которое бы смогло сделать излишним вмешательство союзников во внутренние дела Азербайджана. Такой порядок должен был существовать до мирной конференции, которая разрешит окончательно вопрос о государственном положении Азербайджана. Никакого упоминания о России в его речи не было, если верить Б. Байкову, по статье которого в томе IX гессенского „Архива Русской Революции“ мы излагаем этот эпизод. А верить приходится, потому что указанный автор чрезвычайно тщательно во всей своей статье подбирает всяческие указания на благожелательное отношение „союзников“ к вопросу о принадлежности Закавказья к России. Поэтому отсутствие у него сообщения об упоминании России в программе Томсона показывает, что действительно их не было.*)

Вскоре произошло совещание, на котором присутствовали по 5 человек от каждой национальной группы. Представители Русского Национального Совета выдвинули, как базу переговоров, признание будущей федеративной связи с Россией. Выступивший от имени тюрков, упомянутый уже нами выше А.—бек Агаев, заявил, что из двух возможных ориентаций на Россию и на Турцию, последняя отпала из-за разгрома Турции и поэтому надо искать связей с Россией. На этом сове-

*) Б. Байков. Указ. статья, стр. 148. Нам приходится в дальнейшем изложении первых переговоров опираться на упомянутую уже статью Байкова, так как это единственное изложение, имеющееся в нашем распоряжении. Статья его — источник весьма мутный. Он многое извращает и кое о чем умалчивает. Однако, при желании, можно более или менее легко отделить изложение фактов, имевших место, от белогвардейских толкований и вымыслов.

щении, как сообщает Байков, была принята резолюция о решении всех вопросов, связанных с государственным существованием частей б. России, всероссийским Учредительным Собранием, если только эти вопросы не получат своего разрешения до этого на Мирной Конференции в Париже. *)

Однако, поведение тюркской делегации было руководящими кругами дезавуированно. Состав делегации изменили, дополнили более стойкими, в деле защиты полного отделения от России Азербайджана, лицами. Вопрос о вхождении в состав России вообще был тюркскими представителями снят и они поставили обсуждение на почву местных вопросов, предлагая русским войти в правительство и парламент, должествующий открыться в начале декабря. **) Переговоры продолжались около двух недель и окончились разрывом, так как Русский Национальный Совет отказался участвовать в правительстве и парламенте, считая, что этим он санкционирует отделение Азербайджана от России. Томсон на основе тюркской формулы внес компромиссное предложение, которое не было приемлемо для Русского Совета, так как, по мнению последнего, значительно ослабляло его позиции. Русские националисты отвергли компромисс, выдвинутый Томсоном, и между ними произошел окончательный разрыв. Томсон заявил, что Русский Совет совершенно не понимает политическую обстановку, заключающуюся в том, что России сейчас нет и неизвестно когда она будет. Представители Совета наивно пытались убедить Томсона указанием, что в своей первой прокламации он исходил из противоположного мнения, что Россия есть и что Кавказ составляет неотъемлемую часть ее. ***) Они не понимали тогда еще английской системы „двойной бухгалтерии“.

Одновременно с переговорами велась и подпольная работа по организации государственного переворота. Здесь главную роль играла бичераховская организация—Кавказско-Каспийское

*) Там же, стр. 150. Текст резолюции имеется в деле архива Азистпарта—Разные бумаги мусаватского времени.

**) Парламент этот строился на основании учетверения списков выбранных в Учредительное Собрание в 1917 г., плюс около десяти—пятнадцати человек, избираемых национальными меньшинствами—русскими, армянами и т. д. Всего должно было быть 120 человек, фактически работало—около 85.

***) Там же, стр. 151.

правительство, обладавшее значительными воинскими силами. Руководители его, считая излишним вести переговоры с мусаватистами, взяли линию на проведение военного переворота, долженствующего привести к власти русские белогвардейские элементы. Такую операцию тем более легко было сделать, так как согласно энзелийским условиям, азербайджанских войск в пределах Баку не было совершенно, что делало мусаватское правительство бессильным. Правительство, без сомнения, было бы свергнуто, если бы не противодействие со стороны английского штаба. Разногласия по этому вопросу позднее настолько обострились, что привели весной 1919 г. к прямой высылке всех белогвардейских русских сил по приказу британских властей в 24 часа. Но во всяком случае, наличие бичераховских отрядов делало политическую обстановку напряженной, что, между прочим, использовывало в своих интересах английское командование, добиваясь нужных уступок от мусаватского правительства.

Последнее стремилось поскорее оформиться и перейти в нормальные условия существования. Одним из путей к этому являлось открытие азербайджанского парламента. Его назначили первоначально на 3 декабря. Однако, Томсон не разрешил произвести открытия в этот срок, так как еще не были закончены окончательно вышеописанные переговоры трех национальных групп. Президиум азербайджанского Национального Совета эмбриона парламента—вынужден был поместить об'явление, говорившее, что „назначенное на 3 декабря открытие азербайджанского парламента, вследствие совпадения сего дня с днем смерти пророка Мухаммеда, переносится на 7 декабря“. *) Нам более или менее известен тот „пророк Мухаммед“, который помешал открытию парламента. Он был не мертв, а жив и находился не на небесах, а во главе британского штаба. Как бы то ни было, 7 декабря парламент открылся, имея в своих рядах представителей не Русского Национального Совета, а так называемого „Славяно-русского общества“, организации не менее темной, нежели первая, но более покладистой в отношении Азербайджана. Фатали Хан-Хойскому **) вновь была поручена организация кабинета министров.

*) „Азербайджан“, № 51 от 3 декабря 1918 г.

**) Первому премьеру Азербайджана. Он формально принадлежал к группе „бесспартийных“, но по идеологии и политической линии являлся мусаватистом.

Азербайджанское правительство не могло, однако, считать свое положение вполне прочным, до того как получит официальное уведомление в той или иной форме о признании его, как единственной законной власти. До этого могли быть всякие неожиданности, особенно учитывая некоторые первые заявления англичан, разрыв с Русским Советом и наличие бичераховцев в Баку. Все это создавало тревожную атмосферу, опираясь на которую правительство Грузии пыталось привлечь Азербайджан к возможным совместным действиям. Грузия в начале декабря еще не была оккупирована, но ожидала прибытия английских войск со дня на день. Грузинское правительство не было, конечно, противником прихода английских частей, но оно хотело добиться более выгодных условий оккупации. 25 декабря заместитель дипломатического представителя Азербайджана в Грузии Векилов сообщает, что предполагается занятие Тифлиса англичанами. Грузинское правительство выставило определенные требования, которые будет отстаивать вплоть до забастовки. Поэтому оно предлагает общий план действий против англичан.

От этой комбинации с активными действиями азербайджанское правительство отказалось, так как к тому времени ему удастся добиться некоторых успехов путем переговоров. Этому способствовал конфликт, возникший в двадцатых числах декабря между британским командованием и бакинским пролетариатом. Томсон, введший полуколониальный режим в Баку, решил еще более прижать рабочих и арестовал ряд видных меньшевиков и эсеров, стоящих тогда во главе бакинских рабочих организаций. Пролетариат ответил всеобщей забастовкой под лозунгами: освобождение арестованных и восстановление демократических свобод. Томсон был вынужден отступить по всему фронту. *)

Это поражение заставило его ускорить разрешение вопроса о признании (только от имени штаба) азербайджанского правительства. Авторитетное правительство оказывалось нужным для того, чтобы суметь обуздать рабочий класс, заставивший капитулировать англичан. Дальнейшие проволочки были, очевидно, невыгодными. Поэтому, 29 декабря, в день ликвидации забастовки, в официозе появилась следующая „прокламация“ Томсона:

*) Подробности см. в главе четвертой.

„В виду образования коалиционного Азербайджанского Правительства под председательством Ф. Х. Хойского, сим об'являю, что Союзное Командование будет оказывать полную поддержку этому Правительству, как единственной местной законной власти в пределах Азербайджана“. *)

Конечно, „прокламация“ такова, что ее всегда можно было аннулировать и вдобавок она формулировала только точку зрения британского штаба, а не правительства. Но политическое значение для мусаватского Азербайджана она имела немало-важное. Все-таки от воззвания Л. Бичерахова, распространяемого с ведома английского штаба, до вышецитированной публикации Томсона, дистанция огромного размера. Безусловно, что опубликование этой декларации весьма сильно подняло фонды мусаватского правительства. **)

Руководящие фракции парламента, впрочем слишком преждевременно, рассматривали выступление Томсона, как завершение всех недоразумений. Э. М. Расул-Заде, лидер мусаватистов, в своей речи по этому поводу, отметив прежнее пессимистическое настроение, связанное с английским покровительством враждебным Азербайджану элементам, заявил, что теперь сомнения рассеялись. Он высказал уверенность, что вскоре после признания генералов последует признание дипломатов.

Дальнейшая история показала, однако, как долго пришлось ожидать этого шага.

Представитель правого Гуммета***) А. Пепинов сделал еще более уверенное заявление, сказав, что Томсон не мог не признать самостоятельность Азербайджана, так как „такой наказ генералу Томсону дан со стороны английской и мировой демократии“. Заявление Пепинова носило следы обычной меньшевистской „наивности“. Характер этого „наказа“, к тому времени уже вполне очевидный, мы увидим еще из дальнейших действий английских генералов.

*) „Азербайджан“, № 69 от 29 декабря 1918 г.

**) Можно также предположить, что акт 29 декабря был направлен и против бичераховской организации, стремящейся к государственному перевороту против мусаватского правительства. Опубликование „признания“ должно было положить конец неопределенности положения и послужить предостережением тем, кто собирался вновь превратить Азербайджан в провинцию России.

***) Тюркские меньшевики.

Более определенную формулу удалось получить несколько позднее, правда в простом разговоре. 22 января 1919 года приехал английский главнокомандующий на Балканах и Кавказе, генерал Джордж Мильн. В беседе с Хан-Хойским он заявил, что единственной законной властью английское правительство признает существующее правительство Азербайджана.*) Если отвлечься от того, что разговор этот не был опубликован официально англичанами, то нужно сказать, что заявление Мильна было максимальным дипломатическим успехом буржуазно-помещичьего *) правительства Азербайджана до самого 1920 года.

Впрочем, декларации генералов и теперь ни к чему не обязывали. Они считали нужным дать, так сказать, моральное удовлетворение представителям тогдашней тюркской общности, оставляя фактическую власть у себя.

Этакое положение не замедлило сказаться. Хотя Мильн в упомянутом разговоре заявил, „что никакого вмешательства во внутренние дела новообразовавшихся закавказских государств со стороны союзного командования не будет“, трудно указать ту область, на которую оно не наложило свою руку. Линия английских генералов диктовалась основными их задачами. Им нужен был Баку, как нефтяной резервуар и как база против Советской России в настоящем и деникинской—в будущем. Поэтому они вводили колониальный режим типа индийских княжеств. Для этого необходима всесторонняя опека, с вышеуказанной поправкой на крепкое по отношению к населению местное правительство, которая гарантировала бы англичан от всяких неожиданностей, особенно в городе с таким большим рабочим и многонациональным населением.

Мусаватское правительство еще упиралось. Оно считало что его покупают слишком дешево. Деникинское наступление на юг еще не начиналось. Советская Россия была пока далеко, так что непосредственной угрозы Азербайджану не было. Это

*) Азгосархиз. Фонд МИД. Дело № 148, лист 29.

**) Партия Мусават не была ни чисто-помещичьей, ни тем более мелкобуржуазной. Защита интересов тюркской буржуазии стояла у нее на первом плане. Однако, она имела весьма влиятельное помещичье крыло, что определенно сказывалось на ее политике. В 1918 г. и в особенности в 1919 г. эта партия вобрала в себя значительное количество мелкобуржуазных некоторое число рабочих элементов, которые, однако, не имели абсолютно никакого влияния на линию партии.

обстоятельство придавало еще некоторую силу его сопротивлению оккупантам, в твердости политики которых не было никакой уверенности даже после 29 декабря.

Каково было, однако, положение в самом Баку? Азербайджанских войск в городе не было. Томсон, как генерал-губернатор, управлял всем, вплоть до организации собственного суда и полиции (начальником ее являлся полковник Коккерель, подвизавшийся на этом поприще еще в Персии), Торговый и военный флот захвачен; управлять первым назначен майор английской службы Браун. Вывоз нефти регулируется англичанами. Бывший Российский государственный банк со всеми ценностями изымается из рук правительства, которому предлагают организовать свой азербайджанский... на чистом месте. Азербайджан, вдобавок, принуждается субсидировать английское командование в широких размерах*). Не будучи в силах чего-либо добиться на месте, правительство переносит свои усилия к центру, от которого исходит руководство оккупационными войсками. Азербайджанской делегации, отправленной в Париж, где заседала Мирная Конференция, посылается ряд телеграмм с предложением добиться изменения колониального режима. „Прошу принять все нависящие от Вас меры, гласит, например, шифрованная телеграмма от 12 февраля 1927 г. председателю делегации А. М.-б. Топчибашеву, — перед кем следует об упразднении английского Генерал-Губернаторства в г. Баку, так как получается двоевластие, роняется авторитет нашего правительства и чем дальше, тем больше замечается проявление со стороны местных английских властей вмешательства в наши внутренние дела. Такое положение вещей становится нестерпимым с государственной точки зрения“. **) А в телеграмме от 2-го апреля, повторяющей настоятельную просьбу об уничтожении генерал-губернаторства, указывается необходимость добиться того, чтобы английское командование не вмешивалось в финансовые дела Азербайджана ***).

Дальнейшая история взаимоотношений азербайджанского правительства с английским командованием представляет своеобразную смесь попыток добиться ослабления системы игно-

*) Более подробно эта сторона деятельности интервентов рассматривается в главе „Экономическая политика интервентов“.

**) Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 245, лист 7.

*** Там-же, лист 12.

рирования первого со стороны последнего в важнейших экономических и политических вопросах с настойчивой борьбой за оставление английских войск в Азербайджане. Несмотря на тяготы, вызванные бесцеремонным хозяйничанием британского военного сапога, мусаватисты добивались включения своего государства в цепь колоний и полукolonий Англии, дабы получить мощную гарантию своего господства. Их усилия были направлены на оформление положения Азербайджана в качестве составной части британской империи. Но эта сторона дела творилась не столько на берегах Каспия, сколько в Париже и Лондоне.

2. На международной арене.

История дипломатической деятельности азербайджанской делегации в Париже и Лондоне представляет значительный интерес, так как еще лучше, нежели рассмотрение непосредственных отношений английского командования и мусаватского правительства на Кавказе, вскрывают те цели, к которым стремился британский империализм и которые находили живейший отклик у мусаватистов. Задача данного параграфа заключается в том, чтобы вскрыть ту цепь усилий, которые проявляли мусаватисты для включения Азербайджана в колониальную систему британской империи,—усилий, инспирированных англичанами, ими поддерживаемых и чуть было не приведших к полному завершению этой операции. Враждебное отношение других членов Антанты, внутренние осложнения в Англии, упорная борьба, завершившаяся победосным восстанием бакинского рабочего класса, поддержанного азербайджанским крестьянством и, наконец, последнее,—но не по важности,—братская помощь Красной Армии, не дали осуществиться этому „высокопатриотическому“ акту продажи в рабство собственной страны со стороны мусаватистов. Но от этого она не делается менее поучительной и менее достойной исследования. Обратимся же к ней.

Мы видели, что, начиная с февраля, азербайджанское правительство засыпает свою заграничную делегацию *) требованиями передать Парижской Конференции протесты против

*) Личный состав делегации был таков: Председатель А. М. Товчи-башев, зам. пред. М. Г. Гаджинский, члены: А. Агаев и А. Шейх-Уль-Исламов, советники: М. Магаррамов, М. Мир-Мехтиев и Д. Гаджибеков

излишне грубого поведения английского командования. Однако, все это возмущение представляло бурю в стакане воды. Никому азербайджанская делегация не могла вручить своих протестов, так как она ни в феврале, ни даже в апреле дальше Константинополя не смогла поехать. Хотя при отъезде (в январе 1919 г.) ген. Томсон снабдил ее рекомендательным письмом, выехать в Париж делегация смогла только в мае, да и то с большим трудом. Пришлось пустить в ход все аргументы, в том числе и указание в циркулярном письме руководителям Парижской Конференции на полугодовую отчаянную борьбу с большевиками, что было особенно пикантно, принимая во внимания тот факт, что эта борьба против большевиков закончилась изгнанием англичан при помощи турецких штыков из Баку в сентябре 1918 года.

Англичане и американцы охотно согласились на проезд делегации в Париж, но зато от французов, после долгих проволочек, в марте получен был официальный ответ, что „согласно распоряжения Министра Иностранных Дел ни один член Вашей делегации не может быть пропущен в Париж“ (подчеркнуто нами. А. Р.). *) Трудно с точностью указать причины, по которым французы отказывали в пропуске делегации. Тот факт, что все делегаты юга б. Российской империи подолгу задерживались и пропускались с большим трудом, заставляет думать, что здесь сказывалась еще не оставленная в 1919 г. ориентация на сильную единую Россию. Но в письме заместителя председателя делегации М. Г. Гаджинского от 30 марта сообщается, что уже все делегации выехали „даже Северо-Кавказская“ (видимо, имеющая наибольшие затруднения), а азербайджанскую не пускают. „В крайнем случае, прибавляет он,—придется ехать в Лондон и то, вероятно, не всем“. **) Эти обстоятельства, в особенности упоминание о Лондоне, заставляют полагать, что особенная нелюбезность, проявленная французами по отношению к азербайджанской делегации, имеет корни в боязни, что делегация из район английской интервенции будет всецело на поводу у англичан. Ряд жалоб французов на затруднение французской транзитной (в Персию) торговли, на задержки в получении

*) Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 245, лист 3.

**) Там-же, лист 3.

нефти и прочее, показывают, что к тому имелись веские основания.

Как бы то ни было, в конце мая азербайджанская делегация выехала в Париж. Азербайджан получил возможность вести „европейскую политику“ и делегация приступила к использованию открывшихся возможностей. *).

Прибыла в Париж азербайджанская делегация во второй половине мая. Главным содержанием ее работы было обивание порогов великих мира сего, которым доказывалось, что Азербайджан, не хуже других мелких новообразовавшихся государств, согласен удовлетворить все без исключения требования крупных держав. Это последними принималось к сведению. Они, в зависимости от своих интересов, играли новоявленными республиками, как фишками, вне всякой зависимости

*) Для усиления эффекта работы делегацией в ход была пущена также „шестая держава“. Приводим пару документов, рисующих как эта „держава“ использовывалась,

Документ № 1. „Потемкинские деревни“ английского военного корреспондента Скотланд-Лиддела. Из статьи, направленной в европейские газеты.

„Большевики разбойники.

Ограбления поездов и пиратство.

Тифлис 25 декабря.

. . . Я уже говорил, что в Баку такой порядок и спокойствие, какого этот город не знал уже несколько лет. Гавань полна судов. Нефтяные промысла дают все возрастающее количество нефти, Забастовки становятся все более и более редкими. Жители. будь это татары, армяне или русские, сохраняют спокойствие и живут мирно. Тифлиско-Бакинская железнодорожная линия вполне безопасна, так же как и путь из Эстона в Бирмингам. Это является следствием прекрасно дисциплинированной азербайджанской полиции и молодой восторженной армии и отношения самих жителей, которые идут мирно своим путем“. (Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 142, лист 6).

Документ № 2. Как это делается. Прозаическая расписка на получение 530 фунтов стерлингов тем же Скотланд-Лидделем.

„1919 г. Ноября 15 дня, я, нижеподписавшийся, Британский Военный Корреспондент Скотланд-Лиддель, причисленный к Министерству Иностранных Дел, получил от Начальника Хозяйственного Отделения Юскаева вознаграждение из расчета £ 50 в неделю за 10 недель с 6-го сентября по 15 ноября в сумме £ 500 и в счет следующей недели £ 20, всего Пятисот двадцать фунтов стерлингов чеком Caucasian Licorice Company Limited—(прима и секунда)“. (Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 46, лист 12).

от действительных интересов тех, судьбу которых они держали в своих руках.

Ходили члены делегации ко всем, кто соглашался их принять. Были в первых числах июня у Вильсона. „Великий человек“, в отличие от руководителей других делегаций, не прииимавших мелких сошек, дал краткую аудиенцию и заявил следующее:

„1) Что они (т. е. Мирная Конференция. А. Р.) не хотят делить мир на мелкие части.

2) Что для нас (т.-е. для Азербайджана. А. Р.) было бы лучше, если бы мы прониклись идеей образования на Кавказе федерации.

3) Что это конфедерация могла бы находиться под покровительством какой-нибудь державы по поручению Лиги Наций.

4) Что вопрос наш не может быть разрешен раньше русского вопроса“.^{*})

Иными словами, хотя с оговоркой („не раньше русского вопроса“), Вильсон излагал тот самый план создания санитарного кордона, который должен был опоясать большевистскую Россию и оградить остальной мир от заражения в том случае, если советы не падут от интервенции и российской контрреволюции, о чем конференция также старалась, как известно, не мало. Эта идея кавказской федерации красной нитью проходит через все требования союзников к делегации, к чему мы еще вернемся.

Чтобы еще более задобрить „современного апостола“, делегация тут же заявила, что в отличие от каких-нибудь большевиков „Азербайджанская республика готова заплатить причитающуюся на ее долю часть долгов бывшей России“.^{**)} Это, видимо, тронуло „апостола“ и он заявил, что рад всегда выслушивать делегацию.

Вскоре, под влиянием предыдущих успехов колчаковской армии, публикуется письмо (13 июня) за подписями Вильсона, Ллойд-Джорджа, Клемансо, Орlando и Макино, где дается полупризнание правительства Колчака. В связи с неразрешением вопроса о новообразовавшихся государствах, это письмо

¹⁾ Донесение делегации правительству № 7 от 8-10 июня. Азистнарт-Фонд МПД. Дело № 3, лист 7.

²⁾ Там же, лист 8.

нервирует последние, и они, в том числе Азербайджан, подают коллективный протест против возможности признания Колчака на территории всей бывшей России. Протест подписали представители республик: Эстонской, Латышской, Белорусской, Украинской, Северо-Кавказской, Грузинской и Азербайджанской. Это было 17 июня, а 20-го представители последних трех государств подали в Верховный Совет декларацию, где принимали к сведению порядок разрешения вопроса об отношениях новообразовавшихся республик к России, утвержденный Верховным Советом (который, между прочим, устанавливал, что эти отношения будут устанавливаться при ближайшем участии великих держав или Лиги Наций), но вновь подтверждали свои требования полной независимости и отделения от России.

Признание Колчака подтолкнуло азербайджанскую делегацию к попыткам поскорее разрешить вопросы, связанные с собственным признанием. Другой причиной, толкающей в этом направлении, являлось решение об уходе английских войск и замены их итальянцами.

Вопрос об эвакуации английских войск из Закавказья и замены их итальянскими официально выплыл в начале мая. Очевидно, что зарождение его относится к несколько более раннему времени. Причины, побуждавшие английский империализм убрать свои войска, нами были уже выяснены в „Введении“. Но не нужно думать, что основная цель британского империализма—захват бакинского нефтяного района и создание цепи государств, предохраняющих от проникновения большевистского влияния в колониальные и полуколониальные азиатские владения Англии, была оставлена. История повторяется. Как теперь Англия Чемберлена и Болдуина пытается использовать Италию против СССР, так в 1919 году эту же по существу задачу пробовал осуществить Ллойд-Джордж. Италия должна выполнить ту роль, которая затрудняла в данный момент Англию, но, конечно, без соответствующих барышей для себя. Так, например, главную приманку Закавказья— бакинскую нефть—Италии англичане не давали. Предполагалось, что она не будет выпущена тем или иным способом из английских рук. Но Италии, нуждавшейся в топливе, в качестве ценной добычи предлагали ткварчельский уголь в Грузии, рентабельность разработки которого еще и по сию пору оконча-

тельно не выяснена. Дороговизна операции, сложность политического положения („независимые“ закавказские республики — Деникин—Советская Россия), весьма проблематичные выгоды, серьезная внутренняя ситуация,—все это побудило итальянское правительство (уже после прихода к власти Нитти в июне 1919 г.) отказаться от закавказской авантюры.

Проследим все-же детальнее историю этой попытки.

Уже 10-го мая азербайджанское правительство получает следующее отношение от генерала Томсона:

„Я должен уведомить Вас о том, что британские войска будут сменены итальянскими. Миссия итальянских офицеров уже прибыла в Грузию, чтобы произвести необходимые приготовления.

Я прошу, окажите им всякую помощь и облегчение. Это смещение чисто военное. Оно не затрагивает вопрос о полномочиях и никаким образом не предупреждает решение мирной конференции, которое ожидается еще.

Я воспользовался случаем довести до Вашего сведения, что еду в Англию в отпуск, когда (и?) буду замещен генерал-майором Кори, С. Б.“. *)

Такое решение вопроса не пришлось по вкусу азербайджанскому правительству. В Тифлис выехал мининдел, который указал Томсону на крайнюю нежелательность ухода английских войск, даже при условии смены итальянцами. Последнее, по его мнению, не имели такой большой экономической заинтересованности в Закавказье. Желая затронуть наиболее чувствительную струнку, он указал, что для англичан, обладавших в Закавказье экономическими и политическими интересами, в виду стремления их к более тесному сближению с Персией, Туркестаном и т. д., чрезвычайно важно сохранение

*) Архив Азистпарта. Фонд МИД. Дело № 54, лист 11. В „Азербайджане“ от 15 мая (с запозданием) читаем следующую заметку: „Главкомандующий английскими войсками в Баку получил от командующего 27 дивизией в Тифлисе телеграмму, копия с коей с отношением препровождена председателю совета министров: „В течение следующих месяцев для замещения британских войск в Закавказье будут прибывать итальянские войска. Служащим под вашим командованием войскам может быть об этом сообщено“ Вопрос, судя по тексту, считался совершенно решенным.

порядка и спокойствия в Закавказье“. *) Но решение, конечно, зависело не от Томсона. Необходимо действовать в центре. Туда пишутся приказы делегации настаивать перед Антантой о невыводе английских войск. Оккупация принимает в глазах мусаватского правительства значение спасительной преграды против агрессивных действий Добровольческой армии, которая заканчивала завоевание Горской республики. **)

Однако, англичане категорически об'явили, что вопрос уже решен и что их заменяют итальянцы. Эти заявления, пишет глава делегации правительству, „естественно обратили наше внимание на приискание путей сближения с итальянцами“. ***) Срочно меняются вежи. В программе газеты, проектируемой чиновником мининдела, уже имеется следующий пункт: „В области внешней политики — итальянская ориентация“. Но хотя Азербайджан быстро согласился на приход итальянских войск, само итальянское правительство колеблется и не принимает так легко навязываемую ему „историческую миссию“ на Кавказе. Правда, уже 22 апреля, т.-е. до официального об'явления об уходе британских войск, из Парижа выехала итальянская военная миссия, захватившая с собой из Рима 50 солдат-специалистов. Но цель миссии была исключительно разведочная. Она должна всесторонне обследовать положение дел в Закавказье и вернуться в Париж для доклада делегации на Мирной Конференции. Мининдел Джафаров, который вел эти переговоры, в телеграмме от 18 мая сообщает правительству: „Полковник Габба (глава миссии. А. Р.)... интересовался количеством нужных войск. Я, ответив, вопрос технический, указал, не менее корпуса, на вопрос состояния полиции, ответил порядок везде образцовый. Разговор вынес впечатление доброжелательного отношения, желание оказывать нам всяческое содействие. Категорически заверил невозможности возвращения обратно англичан. ****) Разговоры о войсках, конечно, не предreshали их присылки, так как Габба только выяснял те трудности, с которыми придется столкнуться итальянцам.

*) Там-же, лист 14 и 15. Этот отрывок, между прочим, показывает что мусаватистам была ясна их роль английского форпоста на Каспийском море. Таких указаний имеется не малое число.

**) Подробнее об этом см. главу „Азербайджан, Добровольческая армия и английские интересы“.

***) Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 3, лист 20.

****) Архив Азистпарта. Фонд МИД. Дело № 13, лист 3.

Все-же, несмотря на некоторые колебания, итальянское правительство повидимому под влиянием настояний англичан, как будто склонялось к посылке войск в Закавказье. Но тут разражается внутри-политический кризис, порожденный неудачами итальянской политики на Мирной Конференции. В июне происходит смена кабинета и состава делегации в Париже. Питти, ставший премьером, сейчас же приостанавливает уже совсем налаженную отправку целого корпуса в Закавказье.

Но вопрос совсем не снимается. 7-го августа на обеде, устроенном горской делегацией в Париже, атташе итальянского посольства, граф Садино, разворачивает программу итальянского правительства в Закавказье:

1) Италия преследует на Кавказе не политические цели, а экономические.

2) Италия получает от Лиги Наций мандат на управление Кавказом, но это право она хочет осуществить с согласия населения края.

3) Италия будет на Кавказе не более 3—5 лет.

4) За это время кавказские республики образуют конфедерацию, усилятся и тогда сами решат свою судьбу. Причем, если за это время образуется Российская Федеративная Республика, (буржуазная, конечно. А. Р.), то, быть может, кавказская конфедерация войдет в состав русской федерации и тогда Италия уйдет с Кавказа.

5) Италия ни с Деникиным, ни с кем (с Сов. Россией?) поговаривать не будет.

6) Кавказ может иметь свои войска и в этом деле Италия со своей стороны может оказать помощь. *)

Эго, хотя не официальная, программа, показывает, что Италия твердо решила войск не посылать. Широкие политические задачи не интересовали ее. Итальянское правительство хотело получить ряд экономических выгод от занятия Закавказья, не втягиваясь в политические осложнения с Деникиным и, как объяснял позже Нитти, с Советской Россией. Однако, получить экономические преимущества без большой политической и военной кампании оказалось невозможным. Поэтому, в конце переговоров, представителю азербайджанского правительства Таирову было заявлено, что итальянские войска по-

*) Архив. Фонд МИД. Дело № 3, лист 21—22.

сланы не будут. Италия может послать только инструкторов и вооружение (за нефть).*)

Так кончился поход за итальянскими спасителями.

Осталось еще раз попытаться перерешить вопрос об английских войсках. 28-го августа (уже после ухода английских войск из Баку, что произошло 24 августа) председателю Мирной Конференции Клемансо было послано нижеследующее заявление:

„Нижеподписавшиеся, Председатели делегаций Армянской, Азербайджанской и Грузинской Республик, имеют честь доложить Мирной Конференции, что предполагаемая эвакуация Кавказа союзными войсками может иметь нежелательные последствия. В виду этого, нижеподписавшиеся имеют честь просить Мирную Конференцию отложить упомянутую эвакуацию до тех пор, пока независимость вышеназванных республик не будет выяснена и признана“. **)

Мотивировка заявления показывает основной метод удержания союзниками, в частности играющими первую скрипку в этих делах англичанами, закавказских республик в своем подчинении. Непризнание их сохраняло постоянную угрозу с севера, что заставляло эти республики лнуть к своим „покровителям“. Это средство тем сильнее действовало, что в связи с успехами Добровольческой армии, последняя все менее церемонилась с республиками Закавказья. Англия, как мы знаем, не имела желания пускать туда Деникина. Но как угроза, заставлявшая не только соглашаться на оккупацию, но даже умолять о продлении ее, Добровольческая армия была для англичан незаменима. Недаром на об'единенном заседании делегаций закавказских республик от 12 июня заместитель председателя азербайджанской делегации Гаджинский заявил: „Не забывайте, что англичане сидят у нас и политическая ситуация такова, что при желании они могут создать на местах катастрофу для нас“. ***)

Таким образом, несмотря на эвакуацию войск и неудачную попытку замены их итальянцами, британская дипломатия остается в полном смысле вершительницей судеб Азербай-

*) 5-го августа об этом же было сделано официальное заявление в Тифлисе.

**) Архив Азистпарта. Фонд МИД. Дело № 10, лист 45 - 46.

***). Там-же, лист 177.

джана и других республик и старается провести свои планы в Закавказье.

Теперь, прежде чем перейти к освещению попытки формально низвести Азербайджан на степень подмандатной английской колонии, мы остановимся на вопросе об объединении Закавказья под давлением англичан.

Уже с самого начала прибытия закавказских делегаций, им было указано на крайнюю необходимость создания конфедерации представляемых ими республик. Мы уже видели планы итальянского правительства, за спиной которого в этом отношении, безусловно, стояли англичане. То же требовал и Вильсон.

В заявлении от 29 апреля 1919 г. (что было еще до отъезда из Константинополя), подписанном председателем делегации А. М. Топчибашевым, после обоснования притязаний на независимое существование, стоит следующая фраза: „Впрочем, азербайджанская республика, идя навстречу желанию своих вековых соседей, могла бы соединить свою судьбу с ними, образуя федерацию“. *) Конечно, это заявление, как мы увидим далее, было совершенно не искренним. Поскольку положение горцев, в связи с наступлением Деникина, являлось особенно тяжелым, последние всячески настаивали на быстрейшем объединении, однако, азербайджанская делегация затягивала дело и предложила этот вопрос направить для обсуждения правительствам соответствующих государств. Грузины были еще более отрицательно настроены по вопросу о федерации. На объединенном заседании делегации Азербайджана и Горской республики от 30 мая 1919 года представитель последней, Гайдаров, констатировал, что „несмотря на указания Европейских Держав (официальных лиц) о необходимости создания Кавказской Конфедерации, грузины от этого отклонились уже“. **) И несколько дальше другой оратор той же делегации (Бамматов) откровенно вскрывает истинное положение вещей, заявляя, что „в настоящее время наши разговоры о Кавказской Конфедерации мы не в состоянии сейчас провести в жизнь, мы прибегаем к этому с демонстративной целью перед Европой, которая к этой идее

*) Архив Азистпарта. Фонд МИД. Дело № 6, лист 1, полулист 2.

**) Архив Азистпарта. Фонд МИД. Дело № 10, лист 167.

больше расположена“ (подчеркнуто нами А. Р.). *) Такова подописка вопроса об объединении. Предоставленные самим себе закавказские республики воевали друг с другом, а не федерировали. При сохранении господства буржуазии и мелкой буржуазии Кавказ не мог быть объединен. Давление сверху от англичан заставляло их говорить об объединении. На большее при тогдашней ситуации не хватило политической потенции британских дипломатов, как они и не хотели создать единую цепь от Черного до Каспийского моря. Возможно, что в период успехов Добровольческой армии такое объединение, будучи желательным, не являлось жизненно-необходимым с точки зрения британских азиатских интересов. Когда победы Красной Армии придвинули ее непосредственно к восстающему Кавказу, было уже поздно...

Но если идея федерации, некоторое время помаячив на политическом горизонте, сошла на-нет, то укрепление в отдельных республиках, в частности и особенно в Азербайджане,—ключе к нефти, Кавказу и Каспийскому морю одновременно,—до самого последнего момента „независимого“ существования закавказских „демократических“ республик являлось задачей английской политики. Поэтому, вынужденное по многим причинам эвакуировать войска, английское правительство тем не менее ведет энергичную работу по закреплению Азербайджана, как новой части британской империи. Об этом повествует чрезвычайно интересное донесение азербайджанской делегации в Париже за № 9 от 22/25 сентября и № 10 от 6/10 ноября 1919 года.

Положение с признанием грозило затянуться на неограниченное время. Стало очевидно, что добиться чего-либо на основе самостоятельности для маленьких республик невозможно. „Все ищут себе не только союзников, но покровителей, протекторов, мандатариев и стремятся в этом отношении ориентироваться на ту или другую сильную державу“—гласит донесение. В среде самой делегации колебания. На кого ориентироваться? В качестве возможного решения фигурировала, конечно, Англия и, как это ни странно, „будущая“ Россия, против соединения с которой некоторые торгово-промышленные и бекские круги, имевшие ранее всероссийские связи, как мы уже писали, не возражали нисколько. После долгих споров пришли к выводу, что голос

*) Там-же, лист 171.

Азербайджана при решении его собственной судьбы не будет играть ни какой роли. Поэтому решили обратиться прямо к Лиге Наций*) за соответствующим мандатарием.***) Интересно, что грузинская делегация, которой сообщили данное решение, вполне согласилась с ним. Но перенесение на обсуждение Верховного Совета вопроса о мандате на Азербайджан, видимо, уже не входило в английские расчеты, так как в среде Совета была сильная оппозиция притязаниям Англии. Последняя поэтому пытается непосредственными переговорами добиться подчинения Азербайджана себе. И вот, М. Г. Гаджинский, зампред делегации, лично относившийся до сих пор к английской политике на Кавказе с прохладцей, неожиданно ставит вопрос в упор. Он предлагает обратиться к Англии и просить ее принять на себя мандат на управление Азербайджаном.***) Так и решают.****)

Теперь мы подходим к наиболее интересному пункту англо-азербайджанских отношений. В конце октября и начале ноября происходит ряд конспиративных (от остальных закавказских делегаций) совещаний азербайджанской и персидской делегаций. Ведутся переговоры относительно объединения соответствующих стран при условии сохранения „независимости“ каждой.

Мы уже в „Введении“ ознакомились с персидской политикой Англии. Ее целью было низведение Персии на степень

*) Интересен, между прочим, отзыв председателя делегации Топчибашева об этой самой Лиге Наций, которую решили просить дать мандатарию: „Это спасительное для маленьких народов учреждение — Лига Наций походит на мертворожденное дитя. Кто, как и когда оживит его — трудно сказать“...

**) Азгосархив. МИД. Дело № 10, лист 19.

***) Отметим, что грузинская делегация, соблюдая декорум, на соответствующее предложение относительно мандата Англии на Закавказье, постановила воздержаться, но „решила идти на более тесное сближение с этим государством“. Что это „сближение“ могло означать — явствует из того, что грузинские меньшевики рекомендовали английским генералам использовать свою страну, как „дорогу в переднюю Азию“ (Гегечкори).

****) На месте, в Баку, еще колебались. На той странице доклада делегации, где излагается ход решения о мандате, мининдел Джафаров положил след. резолюцию: „Считаю преждевременным возбуждение этого вопроса. Он разрешится естественным ходом событий“, т.-е. крупными державами, без опроса Азербайджана. Однако, переговоры о мандате шли все дальше и после этой резолюции.

зависимой от Англии полуколонии, как базиса спокойной эксплуатации естественных богатств страны, прежде всего южно-персидской нефти—поля деятельности Англо-Персидской Нефтяной Компании. Тот-же самый маневр проделывался теперь и в отношении Азербайджана. Это тем более облегчается, что в Париже присутствует делегация Персии, в новом, вполне отвечающем английским требованиям, составе. Она и используется для быстрого завершения операции. Заверив, что Персия ничуть не посягает на какую бы то ни было часть кавказского Азербайджана, Ф и р у з - М и р з а, персидский мининдел, бывший в Европе вместе с шахом, делавшим верноподданический визит английскому империализму, заявил: „Делегациям нашим надо действовать совместно. У меня есть возможность обратить внимание английских руководителей на ваш вопрос. Наше объединенное выступление поможет и вам и нам“. Подчеркнутая нами фраза указывает на истинных вдохновителей объединения.

Наконец, на заседании от 1 ноября азербайджанская делегация представила проект соглашения, долженствующего полностью урегулировать вопрос. В виду большого интереса этого, своего рода, азербайджанского издания англо-персидского договора от 9 августа 1919 года, мы приводим его целиком, обращая особое внимание читателя на 4-й пункт:

I.

„Кавказский Азербайджан в границах, указанных в поданных азербайджанской делегацией на Мирную Конференцию требованиях и картах, отделяется окончательно и раз навсегда от России, в каком бы виде и какая бы форма государственного правления и строя не установилась в ней (России)“.

II.

„Существующая в указанных пределах Кавказского Азербайджана с 28 мая 1919 года Азербайджанская республика признается самостоятельной, независимой, демократической республикой со столицей в гор. Баку, с выборным президентом и парламентом, действующих на основании органических законов, устанавливаемых Азербайджанским Учредительным Собранием, созываемым азербайджанским правительством на началах всеобщего избирательного права.

III.

„Азербайджанская демократическая республика устанавливает с соседним персидским государством политико-экономическую связь, основы и формы которой, равно как и способы существования каковой связи, вырабатываются и определяются по взаимному соглашению персидского и азербайджанского правительств, с одобрения парламента в обоих государствах. При этом признается желательным об'единение деятельности персидского и азербайджанского правительств в области внешних дел.

IV.

„В достижении вышеуказанных целей п.п. I и II Азербайджанская республика нуждается в действительной помощи Англии в целях признания независимости азербайджанской республики, обезопасения ее от всяких посягательств на ее целость и независимость и развитие ее политических, экономических, культурных и военных сил в том виде, в каком эта помощь оказывается Персии“.^(Подчеркнуто нами. *)

Комментарии почти излишни. Об'единение деятельности в области внешней политики означало сосредоточение ее в Ферейн-Офис'е. А каков вид „оказываемой Персии помощи“ мы знаем уже по разбору сущности и условий проведения договора 9 августа 1919 г. Что речь шла именно об этом договоре, видно из следующего места доклада, помещенного почти сейчас же после проекта соглашения: „Мы, конечно, учитываем современное (это пишется всего через 3 месяца после подписания англо-персидского договора. А. Р.) положение Персии и в частности заключенное ею 9 августа с Англией соглашение, детально нами изученное, и, по нашему мнению, если только шаг этот удастся, то получится результат с весьма чреватými последствиями“^(подчеркнуто нами. А. Р.). **)

¹⁾ Азгосархив. Фонд. МИД. Дело № 12, лист 24 (полулист 2) и 25 (полулист 1).

^{1*)} Там-же. Дело № 12, лист 25, полулист 1.

Сложная дипломатическая работа закончилась полным удовлетворением Англии. Сущность англо-персидского договора и американская и французская пресса, равно как и официальные представители, рассматривали справедливо, как установление полного протектората над Персией. Предлагаемое Азербайджаном Англии соглашение ничем не отличалось от него. Если и было отличие, то именно в сторону большей откровенности протектората в азербайджанском проекте, сформулированным, как мы указали выше, самими мусаватистскими политиками. Независимость оставалась пустым словом, и азербайджанская „демократическая“ республика становилась в длинный ряд колоний и полуколоний Британской империи. Если победа Красной Армии, начавшей с конца октября во все более возрастающем темпе гнать Деникина к югу и помешала реализовать это колониальное соглашение, *) то этому виною не была ни недостаточность услужливости мусаватских политиков, ни недостаток колониальной алчности британской дипломатии. Меч Красной Армии, пришедшей на помощь трудящимся Азербайджана, помешал слиться в отвратительном татче „родственных душ“ мусаватскому правительству, подобно старой сводне продающего своих рабочих и крестьян, и жирному Джону Булю, за мнимую „независимость“ покупающего бакинскую нефть с бесplatной придачей двухмиллионного народа....**)

*) Переговоры о договоре — в связи с сложной международной обстановкой — затянулись. Вопрос о его реализации стоял в зависимости от решения английского правительства послать большую армию в Азербайджан для борьбы против Красной Армии и бакинского пролетариата. На что, как мы увидим в последней главе, английский империализм не решился, а вместе с этим повис в воздухе и вопрос об Азербайджане, как части Британской империи.

**) Мы откладываем рассмотрение англо-азербайджанских отношений в 1920 г. до главы „Азербайджан, Советская Россия и крах английских планов“, так как они стояли всецело под знаком приближения Красной Армии к Закавказью.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Экономическая политика интервентов.

Экономическая политика есть ничто иное, как выявление в особой области общей политики. В этом отношении английская „экономическая политика“ в Закавказье ничем не выделялась; она всецело определялась теми политическими задачами, которые пытались разрешить английские генералы по поручению английских капиталистов. А верховной заповедью этих последних, как мы знаем, было следующее: К а в к а з — д л я б р и т а н ц е в. Отрицательная формулировка того же положения гласила: Кавказ ни для Советской республики, ни для Деникина, ни для самих азербайджанцев. Полуколониальный Азербайджан, как основа британского владения бакинской нефтью, как база британского владычества на Каспийском море, как опорный пункт для наступления на Сов. Россию и, этим самым, средство охраны Персии и всех азиатских владений британского империализма от большевистского влияния—вот чего добивались английские генералы.

Соответственно этому определялись и задачи экономического регулирования. Центральный вопрос о нефти разрешался хотя варварским способом, но зато всецело соответственно английским интересам. Основной поток бакинской нефти, текший всегда на север, был повернут в направлении Батума, уменьшившись во много раз. Экономически это означало, как мы далее покажем разрушение бакинских нефтяных промыслов. Но главная задача британской политики—уничтожение источника революционных настроений в азиатских владениях Англии и в первую очередь в Персии, приблизилась несколько к осуществлению, поскольку хозяйственная жизнь Советской России чрезвычайно страдала от отсутствия нефти и ее продуктов, что ослабляло силу ее сопротивления контр-революции.

Другая линия той-же политики велась в направлении захвата всех сторон экономической жизни Азербайджана вообще, нефтепромышленности в особенности, чтобы таким обра-

зом подготовить полное овладение последней на долгий срок. Транспортная политика, система финансирования нефтепромышленности, организация вывоза нефти (в Батум),—все это сводилось ко все более тесному увязыванию британского командования с нефтепромышленностью, главным образом с ее крупнейшими предприятиями, которые получали соответствующие льготы. Если бы история, вернее бакинский пролетариат в союзе с Красной Армией, не прервали этот процесс „экономического сращивания“, то мы были бы свидетелями полного поглощения бакинской нефтепромышленности Шеллем и Англо-Персидской компанией, по поручению которых действовали Томсоны, Кори и проч. английские генералы.

Третьей, дополнительной, чертой, характеризующей „экономическую“ деятельность британского империализма, являлся „принцип самоокупаемости“ их кавказской авантюры. Вопреки широко распространенному мнению, как мы показали выше, непосредственное ограбление занятых территорий не являлось основной задачей интервентов; их планы были значительно шире и нами не раз подчеркивались. Но они не брезгали и более мелкими вещами. Английский империализм, „мысливший всегда веками и континентами“, не прочь был провести, предвосхищая советские идеи, своеобразный „режим экономии“, за счет, правда, не улучшения качества своего аппарата, а переложения стоимости его содержания на плечи насильственно-опекаемого населения. Конечно, такой виртуозности, какую он проявлял, например, в Индии, здесь на Кавказе достичь оказалось невозможным и солидная сумма расходов, все-таки, тяжелым грузом висела на ногах английского империализма. При всем том, однако, нужно отметить, что британские генералы весьма постарались и в этой области, где они достигли не малых успехов.

После этих предварительных замечаний, приступим к детальному рассмотрению деятельности интервентов в экономической области.

О работе в области продовольствия в нашем распоряжении имеются чрезвычайно отрывочные сведения. Приход англичан ознаменовался реквизицией продовольственных продуктов по твердым ценам. Вместо обещанного ввоза появились отряды солдат, реквизирующие продовольствие. Это вызвало дезорганизацию рынка и сильное недовольствие. Под его влия-

нием британское командование было вынуждено издать постановление, по которому с 6-го декабря прекращаются всякие реквизиции военных властей, как в Баку, так и уездах; одновременно и местным властям было запрещено производить реквизиции продовольственных продуктов.

Вскоре после прихода, генералом Томсоном образуется английское „Центральное Продовольственное Бюро“, во главе которого стоял уполномоченный британского штаба майор Инвуд и которое работало в связи с Центродомом*). Главная задача этого Бюро—теоретически, так сказать—состояла в регулировании цен и оказании помощи бакинским организациям в деле доставки предметов продовольствия. Действительно значительной помощи, однако, названное бюро не оказало, и правительственным и нефтепромышленным организациям приходилось самостоятельно разрешать этот сложный в бакинских условиях вопрос.

Характер деятельности британского штаба великолепно виден из переписки по продовольственным вопросам. Вот один образчик английской продовольственной помощи. Генерал Томсон пишет министерству финансов 12 января 1919 года: „От нашего офицера, майора Инвуда, заведывающего продовольствием, я имею сведения, что он имеет на руках довольно большие запасы продовольствия. Эти запасы мною были куплены и оплачены в Персии и я имею в виду, что так как эти запасы находятся в распоряжении Министерства Продовольствия, то это продовольствие должно быть выкуплено через майора Инвуда. Сумма, о которой идет речь, очень велика“.....**)

Однако, по разъяснению министерства продовольствия: 1) оно никаких заказов не давало, 2) названное продовольствие находится на его складах только в порядке хранения британского имущества. Но самое пикантное в этой попытке насильственной продажи заключается в том, что предлагалась явно мошенническая операция. Мы приведем выдержку из письма министерства продовольствия председателю совета министров, написанному в связи с вышеприведенным отношением Томсона, которое вскрывает истинную подоплеку

*) Центродом—бакинская организация домовых комитетов, возглавляемая местными кадетами, ориентирующимися на Добармию; Центродом находился в тесной связи с Русским Национальным Советом.

**) Ангосархин. ФМИД. Дело № 261. лист 3.

настойчивой заботы британцев о продовольствовании бакинского населения. „Вместе с тем,—пишет министр продовольствия,—я не в праве скрыть от Вас того существенного обстоятельства, что продукты, привозимые распоряжением Британского штаба в г. Баку, или настолько высоки по своей цене, что тот же товар на свободном рынке можно купить дешевле и не худшего качества, или товары, в частности рис, по своему качеству настолько низки, что несмотря на относительно низкую их расценку, население совершенно отказывалось их получать, особенно население мусульманское“. Далее сообщается, что Центродом и министерство призрения, взявшие от этого самого майора Инвуда рис, оказались в затруднительном положении, так как он остался лежать у них на складе из-за отказа населения его брать. „Нет слов,—прибавляет министр,—если бы в перспективе нас ожидал безусловный голод, этот продукт нашел бы свое применение (еще бы, при голоде! А. Р.). Но по условиям чисто объективным, ожидать в данный момент острого продовольственного кризиса пока нет оснований“. (подчеркнуто нами. А. Р.). *) Как видим, на лицо самая злостная спекуляция, продажа гнилья за дорогую цену, прикрываемая громкими фразами об английских заботах о населении. Такое положение сохранялось на все время непосредственной оккупации Азербайджана.

После ухода английских войск, сконцентрировавшихся в Батуме, британские „заботы“ о продовольствии и вообще снабжении товарами Азербайджана стали еще более возмутительными. Механизм этих „забот“ был весьма прост. В случае конфликтов, которые были нередки из-за нефти, уплаты пошлин и проч., англичане налагали запрет на вывоз продовольствия и др. предметов из Батума в Баку и этим самым автоматически делали мусаватское правительство более уступчивым. **)

Такая же политика проводится и в области морского транспорта. 22 ноября объявляется об образовании британского управления водного транспорта, во главе которого ставится

*) Там-же, лист 3 и след.

**) См. Попов. Из эпохи английской интервенции в Закавказье „Пролетарская революция“ № 9 за 1923 г., стр. 200—201, где приводятся некоторые документы, освещающие эту сторону деятельности англичан.

майор Браун. Все морское единицы формально передаются владельцам, но „временно все торговые суда Каспийского моря и их экипаж поступает в распоряжение британского военного командования“, *) которое их использовывало как для перевозки грузов и пассажиров, так и на чисто военные надобности. Такой по существу разбойничий захват торгового флота, на который англичане ни имели абсолютного никаких прав, продолжался вплоть до эвакуации в августе 1919 г. Эксплоатация судов велась самым хищническим образом, без всякого ремонта. Когда британское командование в августе передало суда обратно владельцам, то выяснилось, что значительная часть их полуразрушена. Свыше чем о десяти пароходах было подано заявление о больших разрушениях, произведенных в бытность их в руках англичан, с просьбой оплатить убытки. Нет, однако, никаких указаний, что владельцы получили хоть какую-нибудь компенсацию.

Наибольший интерес, конечно, представляет политика англичан в отношении нефти. Вокруг нее, собственно, вращалось их экономическое регулирование и в эту сторону обращали они свое главное внимание.

Одним из первых распоряжений было запрещение морского вывоза нефти без разрешения штаба. Само собой понятно, что разрешений на вывоз в Астрахань получить никто не мог, так как этим нарушалась бы блокада Советской России. Вывоз в последнюю был под категорическим запретом. Суда, находящиеся севернее линии Петровск—форт-Александровск, об'являлись вражескими.

Покончив с этой военно-экономической задачей, английское командование обратилось к использованию нефти в своих интересах. Им организуется „Британская нефтяная администрация“ во главе с майором Руль, задачей которой являлось регулирование нефтяного вывоза и налаживание—опять таки только в теории—нормальных условий работы нефтепромышленности. Прежде всего эта организация обеспечивает себе полное содействие азербайджанского правительства в нефтяном вывозе. 12-го января совет министров принимает постановление „об отпуске

*) „Азербайджан“, № 48 от 29 ноября 1918 г.

нефти союзным державам“: *) „Поручить министерству торговли и промышленности немедленно удовлетворить все требования союзных держав на экспорт нефтяных продуктов из запаса, находящегося в распоряжении правительства. Способ производства расчета за отпускаемые нефтяные продукты представить на разрешение комиссии в составе представителей от министерства торговли и промышленности, с'езда нефтепромышленников и союзного командования“. **) В виду того, что правительство имело оставленные им у себя значительные запасы неденационализированной от эпохи Бакинской Коммуны нефти (почти, как большевики! А. Р.), это постановление вполне гарантировало интересы интервентов.

Таким образом, так как весь железнодорожный путь и керосинопровод Баку—Батум находился в руках англичан, последние могли приступить к вывозу.

Как же шел этот вывоз?

Ввиду того, что за ноябрь—декабрь 1918 г. почти ничего не было вывезено, мы прямо обратимся к 1919 году. Приводим таблицу из статистического отдела журнала „Народное Хозяйство“, № 1—2 за май—июнь 1920 г., изд. СНХ АССР. Она дополнена нами недостающей в таблице январской цифрой, взятой из того-же журнала.

Вывоз всех нефтепродуктов из Баку в Батум по месяцам в 1919 г. (в тысячах пудов):

Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.
967	1017	—	—	1160	2649	2686	1814	2200	3900	1869	2415

Из этой таблицы мы можем сделать ряд выводов. Прежде всего обращает внимание факт слабого вывоза нефтепродуктов в первые месяцы интервенции. За первое полугодие вывезено 5.793 тыс. пудов или 28% годового вывоза, равного 20.677 тысяч пудов. За второе полугодие мы имеем цифру в 14.884, что составляет уже 72%. Почти три четверти падает на вторую половину года. Интересно отметить, что два месяца первого полугодия, февраль и март, совсем не производил-

*) Как мы уже выше указывали, первое время британское командование считалось представителем всей Антанты. Каково было истинное положение других союзников мы рассматриваем несколько дальше.

**) Попов. Указанная статья. „Пролетарская революция“, № 6 7 за 1923 г., стр. 231.

ся вывоз в Батум. Что этот пробел стоит вне связи с техническими затруднениями явствует из того, что общий вывоз по закавказским железным дорогам, например, в феврале, находился на среднем уровне (2.400 тыс. пудов при среднем месячном вывозе в 2.550 тысяч пудов).

Эти цифры подтверждают уже высказанные нами положения, что основной целью англичан не являлось непосредственное ограбление бакинских промыслов. Вывоз нефти, производимый в условиях военной оккупации и благодаря этому дешевый, видимо, не играл большой роли в расчетах британского командования. Если брать подсчет не за шесть месяцев, а только за пять, до мая включительно, т.е. охватить период до месяца решения об эвакуации Закавказья, то цифры получаются еще более разительные. За пять месяцев отправлено в Батум всего 3.134 т. п. или 15% годового вывоза. Два месяца совсем не производилась отправка нефтепродуктов. Эти данные разбивают легенду о бешеном вывозе, якобы производимом англичанами во все время интервенции. При этом надо иметь в виду, что не весь продукт, перекачиваемый в Батум, принадлежал англичанам. Так, согласно статье „Царицын—Астрахань и бакинская нефть“, напечатанной в „Азербайджане“, на долю английского командования приходилось 58% всех нефтепродуктов, отправленных из Баку в Батум за первые пять месяцев 1919 г. *) Допускаем, что большая часть частных грузов (некоторое количество, между прочим, шло также грузинскому правительству) перекупалась англичанами. Но это не меняет того факта, что сами англичане брали в оккупированном ими Баку не такое большое количество.

Объяснение этому факту уже было указано нами в „Введении“. Английское командование не торопилось с захватом нескольких десятков миллионов пудов нефти, так как исходило из перспективы полного включения Азербайджана в британскую империю. Сравнительная ценность этих двух вещей была настолько различна, что занятое сложной политикой образования новой колонии, командование не обращает должного внимания на возможности получения нефти по дешевке.

Но несколько иная картина получается тогда, когда выяснилось, что непосредственная оккупация в скором време-

*) „Азербайджан“, № 143 от 10 июня 1919 г.

ни прекратится. Надежды навсегда закрепить за собой Баку тускнеют. Теперь вспоминают, что, ведь, можно использовать свое выгодное положение. Вывоз нефтепродуктов повышается и держится в среднем на уровне 2.500 т. п. Вдобавок ассортимент вывоза меняется. Если в первые месяцы вывозилась, главным образом, дешевая сырая нефть и мазут для использования в качестве топлива на военных судах, то начиная с августа (месяц эвакуации Азербайджана) вывозится почти только керосин и ценные масла. Нефть и мазут исчезают из списков вывозимых товаров.

Такая „высокая конъюнктура“ держится и в 1920 году. Было вывезено в Батум всех нефтепродуктов по месяцам в 1920 г. (в тыс. пуд.):

Янв.	Февр.	Март	Апр.	(По день советизации 27 апреля)	В среднем за мес.
3226	1848	2522	2864		2.615

Как явствует из таблицы, средняя цифра последних семи месяцев 1919 года держалась на том же уровне и в 1920 году (с небольшим превышением).

Являлась-ли эта цифра максимально-возможной по техническим условиям? На этот вопрос приходится ответить отрицательно. Напоминаем читателю сказанное нами по этому поводу в „Введении“. Здесь добавочно укажем, что в период 1905—1914 г. г. средний ежегодный вывоз из Батума, что предполагает не меньший ввоз в Батум, равнялся около 40 миллионов пудов, что дает на месяц 3.300 тыс. пудов. Вывоз 1904 г., как мы уже говорили, равнялся 86,5 милл. пудов. что дает уже свыше 7 миллионов пудов. Из этого видно, что технические возможности позволяли вывозить значительно более, чем в действительности вывозилось. Укажем еще, что в октябре 1919 г. было вывезено 3.900 тыс. пуд., что на 56% превышает средне-месячную цифру. Из всего этого вытекает, что и в период намечавшегося ухода англичане не сумели использовать полностью возможности захвата нефти.

Причиной этому являлось, во-первых, уверенность англичан, что азербайджанским правителям удастся все-таки справиться с внутренними затруднениями. а Советская Россия не посмеет оказать помощь восставшему бакинскому пролетариату, так как Азербайджан признан Антантой. Мы полагаем, что эти

уверенность, вернее надежда, сыграла известную роль.

Во-вторых, использование английским командованием вопроса о вывозе нефтепродуктов, как средства давления на правительство Азербайджана. Чем больше затруднений имело последнее на месте, тем более заманчивым ему казались договорные отношения с Англией, которые намечались в парижских и лондонских совещаниях. Кроме того, во время частых местных конфликтов, например из-за требования платить азербайджанские вывозные пошлины (которые британский штаб отказывался оплачивать), из-за непредоставления достаточного количества цистерн для англичан и т. д., последние закрывали керосинопровод, прекращали всякий вывоз, и этим самым заставляли правительство идти на уступки. Но объем вывоза от этого страдал весьма ощутительно.

Переходим теперь к вопросу об условиях вывоза нефтепродуктов.

До ухода английских войск из Баку, вывоз происходил более или менее беспрепятственно. Но положение существенно меняется после эвакуации. Освободившись в августе от непосредственного давлении военных сил, азербайджанское правительство пытается с большим экономическим эффектом использовать нефтеэкспорт. Англичане брали нефть в кредит под расписки, погашать которые они и не намеревались (см. ниже). В это же время закупки итальянцев, французов и американцев оплачивались наличными деньгами. Поэтому мусаватисты пытаются оказать сопротивление британскому командованию, выставившему слишком высокие требования на поставки, так что ничего не оставалось для других покупателей. Сопротивление это, однако, напоминает „бунт на коленях“.

Посмотрим, как же обстояло дело.

Еще до своего ухода из Баку, англичане, захватив почти весь вывоз в свои руки, установили ряд затруднений для неанглийского вывоза. Забрав почти все нефте- и керосино-хранилища в Батуме, они предъявили требование о том, чтобы туда ввозились нефтепродукты только теми лицами, которые обладают наличной емкостью. Соответствующее разрешение на ввоз необходимо было получать у британского контролера в Баку, всячески тормозившего это дело. Наконец, уже после эвакуации, считая, что грешно не использовать свое выгодно

положение, британский штаб устанавливает пошлину со всех нефтепродуктов, которые ввозятся в Батумскую область. Создав себе этим денежный источник, он значительную часть своих покупок покрывают из таможенных поступлений.

До какой степени достигли затруднения, чинимые англичанами, показывает появившаяся в бакинских газетах заметка о сделке, заключаемой правительством с английским командованием, по которой последнее разрешает первому экспортировать несколько миллионов пудов нефти, за что английское командование получает половину вывезенного количества б е с п л а т н о. Хотя англичане и опровергали этот факт, однако из отчета комиссии азербайджанского правительства, ездившей урегулировать нефтяные затруднения с англичанами, видно, что названная комиссия действительно такое предложение выдвинуло, как единственное средство добиться столь нужного для получения валюты экспорта.

Покупая за бесценок нефть и керосин, англичане, следуя своей политике „самоокупаемости“, не хотели однако платить установленных в Азербайджане пошлин и акцизов. Рядом отношений азербайджанское правительство пытается принудить англичан к уплате причитающихся с них за пошлины и акцизы 36 милл. 700 тыс. рублей. Однако, англичане требуют, как спасители азербайджанской республики, соответствующих льгот и отказываются уплачивать эту сумму. Напрасно азербайджанское правительство указывает на право суверенного государства самому определять условия вывоза товаров. Только после долгих переговоров удастся добиться согласия английского штаба оплачивать эти налоги. Причем англичане, уже согласившись, пытаются предложить расписки, а не наличные деньги. Хотя исчерпывающих данных нет, но по тем документам, которые имеются на лицо, акцизную и пошлинную задолженность, исчисляемую только на 1 сентября в сумме 36 миллионов 700 тысяч, англичане так таки окончательно не признали и ее не оплатили, как, впрочем, и иные свои долги.

После ухода англичан из Баку предполагалось широкое развитие экспорта в Батум за счет нефтепромышленности и правительства. Эти мечты самым беспощадным образом были оборваны требованием начальника железнодорожной английской администрации, генерала Брофа, давать ежедневно 30 вагонов и 750 т. керосина ежемесячно (по керосинопроводу). Когда

азербайджанское правительство запротестовало, так как требование Брофа означало занятие англичанами, по мнению правительства, $\frac{2}{3}$ провозоспособности ж.-д., то после переговоров с английским представителем, майором Руль, было достигнуто соглашение о предоставлении всего 15 вагонов. Но несмотря на это, раздраженное сопротивлением азербайджанского правительства, английское командование прекращает работу керосинопровода и всячески тормозит вывоз нефтепродуктов. Наконец, договором 26 января 1920 г. вопрос получает разрешение: ежедневно отправляется 15 вагонов на адрес британского командования.

Но тут происходит обострение отношений в связи с батумскими пошлинами, установленными англичанами в свою пользу. Они достигли в апреле 1920 года 8 рублей для нефтепродуктов, доставленных по железной дороге, и 4-х руб.— по трубопроводу. Если дорогой керосин, перекачиваемый по трубопроводу, мог выдержать налог в 4 рубля, то для дешевой нефти это добавочное обложение по тогдашним ценам было весьма чувствительно *) и вывоз ее и мазута почти прекращается.

Не довольствуясь этим, майор Руль обвинил азербайджанское правительство в невыполнении контракта о ежедневной поставке 15 вагонов нефти и пригрозил прекратить вообще продвижение нефтегрузов до тех пор, пока не будут удовлетворены английские требования **). Кроме того, он заявил, что если правительственный керосин не будет иметь визы британского контроля в Баку, то он, как у частных лиц, будет облагаться пошлиной в троекратном размере. Все это, вместе с настойчивым требованием оплаты батумских пошлин, вывело наконец азербайджанских министров из себя. В письме министра внутренних дел к мининделу мы читаем следующие строки, долженствующие быть переданы верховному английскому комиссару в Закавказье Уордропу:

... если требования нефтяного представителя ***) полковника (майора?) Руля не будут изменены, азербайджанское пра-

*) Цена бакинского бюро по продаже нефтепродуктов тогда равнялась 32 руб. за пуд нефти.

**) Попов. Указ. статья. „Пролетарская революция“, № 9, за 1923 г., стр. 192—193.

***) В тексте: „правительства“—очевидная опечатка.

вительство принуждено будет вовсе прекратить всякий вывоз нефтепродуктов в сторону Батума, впредь до выяснения результатов обжалования перед Верховным Советом незаконных действий чинов британского правительства" *).

Протест был передан министру иностранных дел Уордрупу в значительно смягченном виде. Однако, несмотря на этот протест, притеснения англичан продолжались до последнего момента существования азербайджанского правительства.

Так как по мере приближения советских войск эксплуатация Баку становилась все более проблематичной, то английское командование старалось под конец забирать наиболее ценные продукты. В 1920 году вывозился, главным образом, керосин. Но в самые последние дни, когда безнадежность положения азербайджанского правительства стала очевидной, англичане стараются обеспечить себя также и топливом для флота. Поэтому письмом от 6 апреля мининдел извещался, что „Британская нефтяная администрация“ решила с 12 апреля перевозить только мазут (оправдывая эту меру, якобы, недоставкой контрактированного мазута). При этом 25% этого количества передавалось правительству для поставки французскому и итальянскому правительствам, а остальные 75 шли англичанам. Это, кажется, была последняя неприятность, учиненная „Нефтяной администрацией“ мусаватскому правительству перед его падением.

Как мы видели, в широком масштабе наладить вывоз англичане не смогли, но зато очень многого достигли в деле его удешевления. Но об этом мы еще поговорим дальше.

В связи с английской нефтяной политикой интересно осветить вопрос относительно нефтяных стремлений в Азербайджане других членов Антанты и позицию англичан в этом вопросе.

Итальянцы, несмотря на значительную прочность своих политических позиций в Азербайджане (в связи с возможностью прихода итальянских войск), не смогли создать себе здесь большого источника топлива. Деятельность их военной миссии во главе с полковником Габба свелась к ознакомлению с условиями возможного приложения итальянского капи-

*) Попов. Указанная статья. „Пролетарская революция“, № 9 195—196.

тала и к заключению договоров на относительно незначительное количество нефтетоплива.

Для французов, остро ощутивших во время войны зависимость успешности военных действий от наличия запасов бензина, вопрос об источниках нефти играл большую роль. Но серьезно думать о конкуренции на Кавказе с англичанами они не могли. Им пришлось ограничиться стремлением наладить закупку топлива для своего флота. Но и эта задача оказалась трудно осуществимой.

В ноябре 1919 года Баку посетила делегация французского морского министерства, имеющая целью закупку топлива для французского военного флота, в частности для 2 броненосцев и 12 других судов, действовавших против Советской России. Она указывала на ненормальность положения с цистернами, занятыми исключительно англичанами. Но соглашение с азербайджанским правительством по большинству пунктов было достигнуто *). Однако, вопрос был разрешен без хозяина. Соглашение нельзя было реализовать, так как англичане заставляли транспорт работать по своему вывозу. Выведенный из себя, начальник французской военной миссии, полковник Бертрен, пишет следующее письмо коммерческому представителю Азербайджанской республики, датированное 15 декабря 1919 года:

„Милостивый Государь! Обращаюсь к Вам со следующими вопросами: 1) На чем основано право английского командования в Батуме получать неограниченное количество цистерн для перевозки мазута из Баку в Батум. 2) Если есть давление со стороны англичан по этому поводу, то не можете ли Вы об'яснить в чем состоит это давление на общественные организации в Баку или Батуме“.*)

Нам неизвестно, какой ответ получил полковник Бертрен, но положение оставалось прежним. И когда 1 апреля французы попросили предоставить для нужд своего флота по 7 цистерн мазута в день, то министерство торговли и промышленности, ссылаясь на загруженность транспорта поставками англичанам и итальянцам, отказалось от запродажи в каком бы то ни было количестве на ближайшее время.

*) „Азербайджан“, № 251 от 20 ноября 1919 г.

+) Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 267, лист 23.

Звание „союзника“ не избавляло французов от того, что англичане не стремились делить с ними выгоды, получаемых от зависимого положения Азербайджана. Для характеристики положения приведем выдержку из статьи „Тан“—„Спор из-за топлива“, помещенной в „Азербайджане“ in extenso.

„Причина (того, что французские суда за нефтью идут в Америку, а не в Батум. А. Р.) заключается в следующем: чтобы доставить нефтяные продукты из Баку в Батум имеется: 1) нефтепровод, который функционирует, хотя и с некоторыми дефектами, 2) вагоны-цистерны, которые, хотя в недостаточном количестве, но все таки имеются. К несчастью, наши английские друзья контролируют и трубопровод и вагоны, и нефть не может быть ввезена без их согласия. В действительности, выдаваемые разрешения, кроме тех, которые отвечают британским интересам, простираются на настолько ничтожные количества нефти, что вывоз ее и нефтяных продуктов фактически стал английской монополией. Таким образом, кавказская нефть, прибыв в Батум, оказывается в действительности английской нефтью. Вследствие этого, Франция, вместо того, чтобы покупать мазут в Баку по 25 рублей за пуд и воспользоваться благоприятным положением курса, вынуждена платить за него в фунтах стерлингах. А к цене нефти присоединяется еще и фрахт, который тоже приходится уплачивать в английской валюте“. **) Газета французского империализма, уязвленная в особо чувствительном месте— „валюте“, вопрос о которой в 1919 г. стоял чрезвычайно остро, правильно передавала истинное положение вещей. Кавказ—для британцев, с этим приходилось считаться и победительнице Германии.

Все попытки французов улучшить положение давали чрезвычайно мизерный результат. Англичане, дотягивая через батумский сосок бакинскую нефтяную корову, не хотели в сколько-нибудь значительных количествах уступать кому бы то ни было вывоз нефтепродуктов. Такое положение сохранялось до самого конца исследуемого периода.

Еще более интересной представляется попытка американского „Стандарт-Ойл“ завязать непосредственные связи с бакинской промышленностью. Это, насколько нам известно, единственная, за изучаемый период времени,

**) „Азербайджан“, № 67 от 3-го апреля 1920 г.

конкретная попытка „Стандарт-Ойль“ внедриться в Баку, не считая, конечно, закулисных заграничных переговоров. Она тем более интересна, что в ней резко выявился на первый взгляд совершенно непонятный факт полного содействия, оказываемого британским командованием американскому тресту. Мы полагаем, что здесь была попытка дать взятку, попытка примирить американский империализм с британским господством в Баку, дачей возможности получать оттуда готовый продукт. Это было необходимо англичанам, сделать так как в это время в Париже шли переговоры о выдаче Англии мандата на Закавказье.

В виду некоторого парадоксальности факта, мы приведем текстуально выдержки из доклада азербайджанской комиссии, ведшей переговоры с майором Руль относительно некоторых спорных вопросов нефтевывоза, которых, как известно, всегда было более, чем достаточно. Дело происходило в июне 1919 г.

„Майор сообщил,—гласит отчет,—что в данный момент вопрос хранения и складов в Батуме переведен в другую плоскость, ибо азербайджанскому правительству сделано со стороны „Стандарт-Ойль-Компании“ очень серьезное предложение касательно вывоза нефти по выгодной цене. Майор Руль уверяет, что в случае согласия Азербайджана, власти английские и американские обеспечат перед (от?) всякой попыткой (ки?) помешать обоюдному выполнению договора. Поскольку будет подписан договор со „Стандарт-Компанией“, со стороны Англии будет дана всемерная помощь, как по реквизиции резервуаров, уменьшения до минимума пошудного сбора, так и противодействия итальянцам, если бы последние вздумали ставить какие-либо преграды, вплоть до прекращения кредита уделяемого Италии Соед. Штатами“. *) Далее идет угроза, что итальянцы после прихода начнут качать нефть исключительно для себя и потому необходимо немедленно заключить договор со „Стандартом“. Пункт об итальянцах чрезвычайно интересен тем, что вскрывает закулисную сторону подталкиванию англичанами своих итальянских собратьев по оружию к занятию Кавказа. Представляя Италии быть стражем на берегах Кас-

*) Архив Азистпарта. Фонд МИД. Дело № 17, лист 25, полулист 2, и след.

пия, они не слишком стремились предоставить ей экономические выгоды (Ср. гл. I, § 2).

Г. Томас, представитель „Стандарта“, сопровождаемый такими лестными и настойчивыми рекомендациями британского командования, быстро сговорился с азербайджанскими властями. Сделка заключалась в следующем: Азербайджан с 31-го июля 1919 г. по 31-го января 1920 г. поставляет в Батуме 100.000 тонн керосина по 33-34 доллара за тонну. После удачного завершения операции „Стандарт“ закупает на таких же условиях еще 100.000 тонн.**) Для Баку, нефте-и керосинохранилища которого были переполнены, такая крупная запродажа была чрезвычайно желательна. Томас собирался положить договор в карман, как неожиданно вся камбинация застопорилось.

В дело вмешивается британский нефтяной колосс, фирма „Шелл“. Если военное командование, повидимому по указке свыше, собирается, по соображениям высокой политики, дать керосиновую „взятку“ американскому империализму, вопреки желаниям английских нефтяников, то это только доказывает, что система связи правительства с трестами иногда не удовлетворяет последние. Поэтому „Шелл“ собственными средствами приступает к исправлению допущенной, по его мнению, ошибки.

Нам, к сожалению, неизвестны все детали механизма работы уполномоченного „Шелла“, нам неизвестно также, что сделали военные власти после вмешательства могущественного треста. Но нам известны следующие факты, отчасти вскрывающие работу английских нефтяных королей.

При обсуждении вопроса о запродаже керосина, в штабе бакинских нефтепромышленных фирм—Совете с'езда сделка вызвала сильные возражения. Намерение „Стандарта“ закупить 6 миллионов пудов свидетельствовала, по мнению нефтепромышленников, о недостатке керосина на мировом рынке. Поэтому запродажа такой партии сразу вряд ли желательна (?) и во всяком случае, если уже выпускать керосин на мировой рынок, то надо это делать не через конкурента, каковым является американский „Стандарт“, а непосредственно (читай: через „Шелл“). Эта нефтепромышленная оппозиция, бывшая с

**) „Нефтяное дело“, № 13-14 за 1919 год, стр. 41.

точки зрения самих промышленников, при колоссальных запасах нефти и вытекающем отсюда застое дел, совершенно бессмысленной, безусловно инспирировалась „Шеллем“, как несколько туманно излагается в „Нефтяном Деле“. Но так как дело вели все-таки не нефтепромышленники, а само правительство, то „Шеллу“ пришлось сделать нажим и там, что увенчивается блестящим успехом. Сделка со „Стандартом“ не подписывается из-за недоговоренности по пустячному поводу: „Стандарт“ требовал сдачи керосина после анализа, произведенного в Батуме, а азербайджанские власти настаивали на бакинском анализе. Смехотворность повода к расторжению сделки со стороны азербайджанского правительства очевидна, если принять во внимание переполнение хранилищ, отсутствие вывоза по Каспийскому морю и большую нужду в иностранной валюте, которой по первой части сделки должно поступить Азербайджану 3.300—3.400 тысяч долларов. Но этого хотел „Шелл“, и сделка была расторгнута. Так неудачно окончилась попытка американского капитала проникнуть в новую колонию британского империализма.

Прежде чем перейти к „экономической политике“ британского командования в ее финансовом разрезе, мы остановимся еще на итогах его деятельности в области нефти.

Как мы знаем, она прежде всего определялась борьбой против Советской власти. Даже после своего ухода англичане оказывали настолько большое давление, что мусаватское правительство не решалось приступить к отправке нефти в Астрахань.

Для бакинской нефтепромышленности, приноровленной к обслуживанию России, это означало медленное умирание. Несмотря на все усилия, увеличить значительно вывоз в другие места не удавалось. За весь 1919 год было вывезено по всем направлениям всего 40,5 милл. пудов, что составляло 18% добычи этого года, или 12% довоенного вывоза. Если сюда присоединить 12% расхода на месте, то мы получаем, что 70% добытой нефти должно было пойти в резервуар. Тоже продолжалось и в 1920 году. Как катастрофически нарастали запасы в бакинском районе показывает следующая таблица.

1919 год. На 1-ое число месяца было (в тысячах пудов):

Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май	Июнь
110850	127791	131115	?	146543	158277

Июль	Август	Сент.	Октяб.	Ноябрь	Декаб.
173486	186480	200226	210148	218905	226885 /

1 9 2 0 г о д.

Январь—240.790.

К моменту советизации запасы нефти достигали цифры 270-280 милл. пудов. Положение с нефтехранилищами поэтому приняло характер чрезвычайной остроты. Все хранилища были заполнены. Сливать нефть было некуда. Нефтепромышленникам для ослабления кризиса удалось добиться разрешения погрузки на суда без оплаты акциза и, таким образом, хотя вывоз был безнадёжен, все суда стояли наполненными. В некоторых случаях арендная плата за амбар достигала 5% в месяц. Это означало уплату более половины нефти в год за хранение. Так как прекращение добычи угрожало обводнением, то поднимался даже вопрос о выливании нефти в море. При этом, несмотря на опасность, связанную с прекращением добычи, много скважин перестало эксплуатироваться и вся добыча шла за счет наиболее рентабельных, которые даже повысили, в связи с этим, свой дебет. Бурение упало до ничтожной цифры в 6.200 саженей в год. Нечего говорить, что цена нефти достигла катастрофически низкого уровня. Чтобы дать конкретное представление о них (так как рубли были бумажные), мы укажем, что пуд нефти равнялся по цене двум коробкам спичек и не достигал в некоторые месяцы цены одного № газеты. Если бы такое положение продолжалось и в навигацию 1920 года, то крах бакинской нефтепромышленности был неминуем. Из двух душ, живших в груди британского командования, анти-советской и „нефтяной“, победила первая, так как с севера английским империалистам грозила такая страшная опасность, которая смогла смести все их достижения, в том числе и владение бакинской нефтью. Поэтому англичане допускали тяжелое положение бакинской промышленности, лишь бы обессилить Советскую Россию. Как побочный продукт такого положения, получалась тяга у бакинских нефтепромышленников к большему сближению с англичанами, как владеющих возможностями вывоза нефтепродуктов на Запад, которая давала возможность, путем разного рода соглашений, закреплять бакинскую нефтепромышленность за британским капиталом. Но на эту сторону дела проливают бóльший свет

финансовые махинации британского командования, к изложению которых мы переходим.

Как мы уже указывали, директивная идея британского командования состояла в своеобразном „режиме экономии“ за счет оккупированных местностей. Мы уже видели, как это проводилось в отношении экспорта нефти. То же самое происходило и в области финансов. Тут прежде всего обращает на себя внимание вопрос о финансировании нефтепромышленности и об источниках его.

Поскольку вывоз нефти и нефтепродуктов был ничтожен по сравнению с добычей, то большая часть продукции складывалась в резервуары и амбары. Таким образом, нефтепромышленники нормальным образом вести свои предприятия не могли. Англичане, желая сохранить такое положение до падения Советской власти, организовали субсидирование нефтепромышленности по следующему порядку. Промышленники отдавали вырабатывавшуюся нефть под залог. За это они получали соответствующие суммы для оплаты по табелям рабочих и служащих, плюс 33% на остальные расходы. Это давало возможность, хотя и с большими затруднениями, не прекращать производства.

Самым оригинальным в этой системе была правовая сторона дела: деньги, под давлением англичан, выдавало азербайджанское казначейство, а юридически они считались принадлежащими британскому командованию. Без визы управляющего нефтяной администрации, Д. Г. Вольтона, к слову сказать успевшего на своем посту приобрести задешево несколько нефтеносных участков, деньги на выдавались. Этим способом британская администрация ставила промышленность в полную от себя зависимость, не вкладывая ни одного пенса от себя.

Что означала эта система замены экспорта в Советскую Россию эмиссией азербайджанских бон на потребу британскому империализму, показывают некоторые цифры. В заседании парламента от 24 апреля министр финансов сообщил следующее:... „Ежемесячный расход правительства выражается в сумме приблизительно 135 миллионов рублей. Из них около 60 миллионов идет на финансирование нефтяной промышленности, около 35 милл. выдается английскому коман-

дованию и около 40 милл. на производство текущих государственных расходов“.*)

Итак, из бюджета „независимой“ Азербайджанской республики идет: на госнужды всего 29,6%, на нужды „дружественной державы“—26% и, по существу, той же державе для закабаления ею нефтепромышленности—44,4%. Почти половина бюджета! Таковы официальные данные. Понятно отсюда, что эмиссия, более чем в три раза превышающая государственную потребность, привела к быстрому обесценению денег, что заставляло в нарастающей степени прибегать к печатному станку.

На такие последствия субсидирования нефтепромышленности по английскому приказу, указывал премьер-министр Усуббеков на заседании парламента в своей декларации от 22 декабря 1919 г.*): „Для поддержания нефтяной промышленности и спасения ее от гибели, для обеспечения заработка рабочих, мы благоприятствовали нефтепромышленникам и выдали им ссуды в сумме сотен миллионов рублей. Для выдачи же этих денег, мы, естественно, налегали на печатный станок, что и повело к падению ценности денег“. **)

Но это было только часть финансовых „операций“ английского командования. Оно не брезгало и прямым захватом плохо лежащего имущества. При эвакуации Баку во время занятия города турками были вывезены ценности бакинского отделения б. Российского государственного банка. Исходя из того, что азербайджанское правительство являлось преемником всего имущества России, находившегося на территории Азербайджана, правительство требовало передачи всех этих ценностей госбанка себе. Иначе на этот вопрос смотрело английское командование. 10 декабря 1918 г. ген. Томсон опубликовал следующее заявление:

„Настоящим об'является для всеобщего сведения:

1) Я принял от полковника Бичерахова на хранение ценности, документы и деньги, принадлежащие отделению русского государственного банка.

*) „Азербайджан“, № 89 от 1 мая 1919 г.

*) После ухода англичан система субсидирования осталась. Уничтожить ее мог только экспорт в Советскую Россию. Но это не разрешали англичане до последних дней мусаватского правительства. Накануне советизации, впрочем, велись уже переговоры о вывозе нефти в Астрахань.

**) „Азербайджан“, № 273 от 24 декабря 1919 года.

2) Вышеупомянутое имущество находится теперь в здании русского государственного банка под охраной британских солдат“. *)

Далее идет перечисление состава комитета, который должен разработать проект дальнейшей деятельности банка. Состав этот подобран был так, что азербайджанское правительство имело в комитете минимум влияния.

Этот банк являлся буквально, „государством в государстве“. Находясь под покровительством британского штаба, его дирекция не считала нужным подчиняться требованиям азербайджанского правительства. К марту положение настолько обострилось, что дипломатическому представителю Азербайджана в Тифлисе Джафарову, министром-председателем была послана след. телеграмма:

„Прошу немедленно лично повидаться с генералом Томсоном и передать ему от моего имени, что после его отъезда между нашим Правительством и Британским командованием в Баку произошли весьма серьезные недоразумения на почве финансовых вопросов и взаимоотношений Правительства с Государственным банком точка Недоразумения эти сильно обострились и могут привести к весьма тяжелым последствиям точка Правительство стоит на совершенно правильной почве и вынуждено конфликт этот поставить на обсуждение Парламента точка Зная генерала Томсона за человека благожелательного Азербайджану и всегда справедливого, считаю долгом довести об этом до его сведения и прошу его экстренно принять меры к справедливому устранению этого конфликта. **)

Хотя Джафаров сообщил, что Томсон обещал все уладить, однако, мы знаем, что это было не так. Англичаие заставили азербайджанское правительство признать автономность банка и не претендовать на его фонды, достигавшие солидной суммы. Когда последнее попыталось получить хотя бы те ценности, которые были внесены в банк, накануне эвакуации „Диктатуры Центрокаспия“, из казначейства, то и тут не получает его просьба удовлетворения. Сумма этих последних ценностей достигала 23½ милл. рублей. На просьбу правительства о возврате их, как принадлежащих частным лицам, бри-

*) „Азербайджан“, № 56 от 10 декабря 1918 г.

**) Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 267, лист 1.

танский главный штаб ответил, что задача его—сохранение того положения, которое он застал на Кавказе. *)

Письмо от 25 июня 1919 года вскрывает корни такого отношения английского командования. Британский штаб пишет: „Пока не состоится решение Мирной Конференции, все довоенные российские ценности должны сохраняться для будущего Российского правительства“. **) Передавать ценности Азербайджану, которому, наоборот, ставится цель быть дойной коровой британского империализма, с точки зрения последнего означало выбрасывать деньги на ветер. Сохранение же их для „будущего российского правительства“, бывшего перед союзниками, в частности перед Англией, в долгу, как в шелку, означало по существу, немедленное прикармливание их англичанами. Это тем более было соблазнительно, что, например, если взять только упоминаемые ценности, принадлежащие частным лицам, то из $23\frac{1}{2}$ миллионов всего $5\frac{1}{2}$ миллионов было наличными деньгами, а 18—ценными бумагами, среди которых, вероятно, значительная доля имела отношение к бакинским нефтепромышленным предприятиям. Таким образом, еще через одну цепочку бакинская нефтепромышленность становилась в зависимость от британского империализма.

Перед эвакуацией, 21 августа, британский штаб за подписью командующего английскими войсками в Закавказье генерала Кори объявляет, что „с 23 числа бакинское отделение российского государственного банка перестает существовать под союзным контролем. С сего числа отделение с согласия азербайджанского правительства будет функционировать как отделение русского банка в пределах Азербайджана наравне с прочими акционерными банками“. Но спорные ценности, как впрочем и все остальное, были вывезены при эвакуации в августе, и когда правительство попыталось их получить из банка, оно услышало ответ, что эти ценности находятся вне пределов досягаемости азербайджанских властей—в британском казначействе.

Когда азербайджанское правительство вновь подняло вопрос об этих ценностях перед английскими властями, то полу-

*) См. письмо министра финансов от 7 сентября 1920 г., где излагается история с этими ценностями. Попов. Указ. статья, „Пролетарская революция“, № 9, стр. 202 и след.

**) Там-же, стр. 203.

чило от лорда Керзона, через британского верховного комиссара Уордроба, следующее извещение:

„Вопрос о ценностях (обеспечениях), принадлежащих государственному банку и принятых военными властями от генерала Бичерахова, в виду признания азербайджанским правительством государственного банка—отделением российского государственного банка и независимой организацией, был подвергнут дальнейшему обсуждению.

„В настоящее время правительство полагает, что эти обязательства могут быть возвращены государственному банку при условии возмещения всех счетов и претензий, которые могут быть предъявлены к будущему Российскому правительству тем или иным образом и под расписку, обеспечивающую интересы российского государственного банка“. (подчеркнуто нами. А. Р.). *)

Ничего большего добиться не удалось. Ценности были вывезены в Англию.

Мы переходим к третьей стороне финансового хозяйничанья англичан, наиболее откровенно-грабительской, к непосредственному позаимствованию из средств государственного казначейства Азербайджана. Верные своему принципу—все для себя, но все по возможности за счет населения, они добиваются от правительства выдачи им громадных по азербайджанскому масштабу сумм. Правительство национальной контр-революции широко раскрывает для них свой кошелек. Как мы уже знаем, по апрельским данным, из 135 милл. месячного бюджета выдавалось британскому штабу 35 милл. рублей (не считая 60 миллионов, выдаваемых до августа нефтепромышленникам тоже за счет английского командования). При этом, выдача денег производилась скрытным образом, незаконно, без разрешения парламента. В парламенте этот вопрос поднимался несколько раз. Когда 24 апреля правительство просило разрешить эмиссию в 510 милл., то выяснилось, что правительство уже выпустило после открытия парламента (7 декабря 1918 г.) на 300 милл. рублей бон, из коих, также без утверждения, выдает по 35 милл. рублей в месяц английскому командованию. „Зачем выдаются эти деньги,

*) Там-же, стр. 205.

для какой цели и на каких условиях?“—вопросал с отчаянием член парламента Эфенди-Заде. Докладчик бюджетной комиссии заверил, что, по имеющимся сведениям, все деньги, выдаваемые англичанам, гарантированы. Какая это была «гарантированность» мы увидим дальше.

Вообще, вопросы субсидирования англичан правительство не любило выносить на обсуждение в парламент. Слишком лакейскую роль оно играло при этом, отдавая безвозвратно сотни миллионов оккупантам. Когда депутат парламента правый гуметист Пепинов в одной из своих речей затронул эту тему, то председатель парламента сейчас же его оборвал, запрещая говорить «не на тему» *)

Как бы то ни было, но до своего ухода англичане успели получить свыше 170 миллионов рублей. Мы приведем итоговую справку об английской задолженности, включающей и те суммы, которые англичане отказывались платить за пошлины и акцизы. Сюда не входят расчеты за нефть и керосин, что значительно бы увеличило цифру. Данные на 20 января 1920 г.

„Ведомость долгам британского командования азербайджанскому правительству.

Выдано британскому командованию Бакинским отделением российского государственного банка по счету военных операций (и Бак. отд. российского банка от 15 октября п/г. за № 1970) с текущего счета министерства финансов	Руб.	45.500.000
---	------	------------

Выдано Бакинским отделением российского государственного банка разным учреждениям и лицам по предложению британского командования (п. Бак. российск. госбанка от 15 октября п. г.) с текущего счета министерства финансов	Руб.	63.099.119.07
---	------	---------------

Выдано разновременно в счет временного финансового соглашения из Казначейства	Руб.	67.500.000
---	------	------------

*) „Азербайджан“, № 60 от 20 марта 1919 г.

Причитается за акциз и пош-
лины Руб. 36.701.800.50
Руб. 212.800.919.57* *)

Добиться хоть какой-нибудь уплаты по этому счету было невозможно. Указанную сумму, которую британский штаб задолжал до своего ухода, азербайджанское правительство пыталось получить, хотя бы частично, для снабжения своей бедствующей в финансовом отношении делегации на Парижской Конференции. Еще до ухода английских войск из Баку, просило выдать своей парижской делегации 10.000 стерлингов, составлявших небольшую часть задолженности. Но у англичан были совершенно иные замыслы. Поэтому, 29 июля „его превосходительство министр финансов“ извещался британским штабом, что выдача 10.000 стерлингов военным министерством отклонена и что английский бригадный генерал очень сожалеет об этом и обещает еще раз обратиться в Лондон с напоминанием о необходимости платить долги.

Свои карты полностью раскрывает британское правительство уже в 1920 году. В письме мининделу Фатали Хан-Хойскому Уордроп пишет:

„Ваше превосходительство! Лорд Керзон поручил мне уведомить Вас о нижеследующем по поводу сумм, которые правительство его величества задолжало азербайджанскому правительству:

1) Правительство его величества признает, как долг, суммы, полученные заимообразно от государственного банка в Баку для прямых военных затрат на нужды британских войск на Кавказе. Счет этих сумм будет в скором времени урегулирован, и азербайджанское правительство будет тогда поставлено в известность об общей сумме долга.

2) Правительство его величества не считает себя ответственным за отнесение на его счет расходов, связанных с оказанием покровительства и помощи азербайджанскому населению (?) и соответственному этому подтверждает письмо

*) Попов. Указ соч.. „Пролетарская революция“, № 9 за 1923 г. стр. 206. Если перевести эту сумму на фунты стерлинги по майским (1919 г.) биржевым ценам (1 ф. ст. = 240 руб.), что преуменьшит забранную фактически сумму, то задолженность равнялась 886.666 ф. ст.

гёнерала Ньюкомба на имя председателя азербайджанского правительства от 29 сентября 1919 г.“ *)

Иными словами, большая часть долга (не считая акцизов), именно 130 миллионов рублей, вообще не считается долгом, а только $\frac{1}{1}$ (45 милл.) признает английское министерство иностранных дел подлежащим оплате, да еще после подсчета. Излишне прибавлять, что и эти деньги уплачены не были.

Что касается нефти, забираемой во все большем количестве, то и здесь на просьбу Азербайджана оплачивать частью кредитами в фунтах стерлингах, часть наличными, английское командование заявило категорический отказ и предложило вместо денег получить имеющееся у него в большом количестве оружие и снаряжение. Этот принудительный товарообмен правительства Ллойд-Джорджа—Керзона был вдвойне ему выгоден: сбывалось ненужное военное снаряжение по выгодной цене и укреплялся Азербайджан, все более становящийся единственной преградой против наступления Красной Армии, подходившей к Кавказу.

Верное своей политике согласия на все предложения английских интервентов, мусаватское правительство спешит согласиться и на эту операцию.

„Вследствие Вашего обращения от 15-го сего марта за № 20,—пишет мининдел Фатали Хан-Хойский 17 апреля,—сообщаю, что мое правительство принципиально находит возможным принять предлагаемый Вашим военным министерством порядок расчета за отпущенную и отпускаемую нефть для нужд Вашего правительства при условии, если будут приемлемы цены на предложенные предметы снаряжения и оружия, качества самих предметов и время их доставки в Азербайджан“.**)

Насколько нам известно, указанное оружие так и не было доставлено, и бакинская нефть заняла свое место в великой книге записей грабежей британского империализма.

Подведем итоги. Нефтяная промышленность, стоящая на краю гибели из-за искусственного лишения рынков ее,—разрушенный морской транспорт, эксплуатируемый, но не ремонтируемый англичанами,—обесценение денег и лавинообразная

*) Там же статья. № 9 за 1923 г., стр. 205.

**) Попов. Указ. статья, „Пролетарская революция“, № 9, за 1923 г. стр. 201.

эмиссия, под влиянием навязанной нелепой системы кредитование нефтепромышленности,—200 миллионов рублей, взятые по праву большой дороги цивилизованными джентльменами,—30 миллионов пудов нефтепродуктов, выкаченных на потребу английского флота, блокировавшего Советскую Россию—таковы результаты „экономической политики“ британских интервентов в Азербайджане. Политика англичан была политикой чистого паразита. За почти полуторагодовой период своей деятельности в Азербайджане они ничего не создали. Зато они сделали в деле эксплуатации страны достаточно много.

Тяжелое положение хозяйства для них было выгодно. Созданное их политикой, оно ставило в зависимость от британского капитала всю нефтепромышленность и государственный аппарат мусаватской буржуазно-помещичьей контр-революции. Когда эта ставка сорвалась, британские генералы и руководившие ими Керзоны, Ллойд-Джоржи и трестовики могли быть всетаки довольны, потому что они многое сделали для разрушения хозяйственной жизни ненавистой им Советской республики. Отрыв азербайджанской нефти от РСФСР причинил не меньше вреда, чем английские танки и снаряжение у Деникина. Разрушение нефтяной промышленности в Баку создавало трудности после советизации Азербайджана. В этом смысле британские генералы с полным основанием могли сказать: *fecit quod potui* (сделал, что мог). Их *potui* оказалась, однако, слишком слабой, чтобы сорвать могучую поступь революции. Вместо того, чтобы пожинать плоды своей „мудрой“ политики, они вынуждены были свернуться и убираться во-свояси. Красный ветер с севера смел плоды их „экономических“ экспериментов.

ГЛАВА III.

Азербайджан, Деникин и английские интересы.

Поведение англичан в связи с отношениями Азербайджана с Добровольческой армией, хотя представляют, подчас, большие трудности для объяснения, проливают ярчайший свет на истинные мотивы их деятельности. Нигде, как в этой области, вскрывается та линия британской политики, которая имела целью превратить Закавказье и Баку в английские территории, а Каспийское море—в английское море. Несмотря на сложность положения, обусловленного тем, что Деникин являлся английским рычагом, который имел задачей перевернуть вверх ногами Советскую Россию, политическая линия, долженствующая привести к господству британский империализм в Закавказье, проводилась, хотя по внешности зигзагообразно, но по существу достаточно твердо и определенно. Конкретное рассмотрение фактов периода с конца 1918 по начало 1920 года доказывает полностью эту мысль. К ним, поэтому, мы и переходим.

Оригинальность положения, получившегося в Баку в конце 1918 года, состояла в том, что кроме английских войск, там находились русские войска (Бичерахова), подчинившиеся командованию Добровольческой армии. Эта последняя, не будучи в состоянии прямо занять весь Баку и Азербайджан из-за враждебного к этому отношения англичан, превратила Баку в центр вербовочной работы. Тут формировались целые части (без оружия, правда), которые переправлялись постепенно на север, а в случае нужды должны были составить кадры, опираясь на которые Бичерахов смог бы развернуть свой отряд в значительную силу для свержения местного правительства.

Отношения этих формирований и азербайджанского правительства были исключительно враждебные. Последнее принимало всевозможные меры к удалению добровольческих, а также национальных армянских формирований из пределов области, так как они представляли перманентную угрозу существованию мусаватской республики.

Но сделать что либо самостоятельно, оно не могло уже по одному тому, что не имело в бакинском районе, согласно энзелийским условиям, ни одного солдата. Таким образом, вся борьба велась в плоскости давления на англичан, которые, по уже выясненным причинам, стали относиться к представлениям правительства не без сочувствия.

Уже в начале нового года достаточно определенно вырисовывается стремление британского штаба. Подпольная работа русских белогвардейцев для него не составляла секрета и штаб решает, что наступает время для того, чтобы окончательно показать, что деникинцам Баку не видать, как своих ушей.

„Политика Английского Командования крайне неопределенная и в последнее время неблагоприятна для Кавказской Армии“—пишет председатель ликвидационной комиссии Кавказско-Каспийского правительства от 6 февраля 1919 года.*) И далее он приводит ряд фактов, показывающих, что, действительно, отношение англичан стало враждебным. Оно начало сказываться даже в таких вопросах, как передача добровольцам военного имущества. На первый взгляд такое отношение непонятно. Английское правительство щедро снабжало Деникинскую армию вооружением и аммуницией. Но положение в Закавказье было иное. Вооружать части, находящиеся в Баку, это означало создание себе же затруднений в будущем. Поскольку вопрос о передаче Баку деникинцам был одним из важных элементов британской политики, постольку предоставление складов оружия наличным добровольческим отрядам, создавало опасность, что добровольцы, вопреки желанию английских опекунов, попытаются взять власть с свои руки. Этого как раз и не могли допустить теперешние господа положения. Они начали постепенно создавать такое положение для добровольческих отрядов, которое подготовило их полную эвакуацию. И, в первую голову, поставило английские караулы к тем складам, которые содержали оружие.

Почувствовав перемену ветра, мусаватское правительство осмелело и начало настойчиво домогаться высылки добровольцев. Хан-Хойский обратился к Томсону с нотой, где перечислили факты формирования добровольческих и армянских (с добровольческой ориентацией) частей и требовал не-

*) Азгосархив. Фонд Воен. Мин. Дело № 118, лист 5.

медленного прекращения этой работы и высылки указанных организаций. Томсон поспешил заверить „его превосходительство“, что „мобилизация русских войск не происходит. По всей вероятности запись офицеров для службы в армии генерала Деникина вызвала впечатление, что производится воинский набор“. *) Это, конечно, была неправда, так как части формировались. Но хорошо звучит и само признание, что в Баку существовала специальная организация по вербовке офицеров в армию Деникина. Эта вербовка производилась не только против согласия азербайджанского правительства, но и под идейным лозунгом свержения этого правительства. Все же Томсон заявил, что он принял шаги для предупреждения нежелательных явлений, упомянутых в письме Хойского. Английский генерал мог позволить себе переменить точку зрения на дальнейшее формирование добровольческих частей, так как вербовка русских офицеров в армию Деникина уже выкачала, за несколько месяцев, всех тех, кто хотел ехать к нему. Единственный серьезный аргумент, с точки зрения английских интересов, отпал. Дальнейшее пребывание добровольческих организаций в Баку не столько укрепляло Деникина для борьбы с большевиками, чему англичане весьма сочувствовали, сколько усиливало его в Закавказье, подготавливая официальное присоединение последнего к России. Это было уже вне британской программы. Поэтому, добрый пинок британского сапога должен был разрешить это противоречие.

В конце февраля Томсон приступил к выполнению обещанных им, в ответе Хан-Хойскому, мер. Но прежде, чем ликвидировать русские белогвардейские отряды, необходимо было провести одну деликатную операцию.

Дело в том, что во главе этих войск стоял Лазарь Бичерахов, имевший определенные заслуги перед Англией по мессопотамским и персидским военным действиям и удостоившийся даже чина генерала английской службы. Поход на Баку был совершен Томсоном формально под знаком вступления на „Российскую территорию“ и об этом же говорил Бичерахов в своих первых листовках, разбрасываемых с ведома британского штаба. Произвести предполагаемую операцию, которая в пер-

*) Отчет о заседании парламента. „Азербайджан“, № 38 от 20 февраля 1919 г.

вую голову должна ударить Бичерахова, как командующего русскими войсками, казалось неудобным. Поэтому, как прелюдию к действию, Бичерахова удаляют из Баку. Ему об'являют, что его хочет видеть английский король, срочно, под английской охраной, отправляют в Батум, где удостоенному высокой милости генералу приходится ожидать в бездействии несколько недель дальнейшей отправки. Цель была достигнута. Бичерахов был сплавлен.

На его место приехал от Деникина генерал Пржевальский. Последний не обладал заслугами Бичерахова. С ним можно было не церемониться. Томсон приступает к давно задуманному ходу.

28-го февраля генерал Пржевальский получает ультиматум английского штаба о выводе белогвардейских войск из Азербайджана в 24 часа, к четырем часам пополудни первого марта. Несмотря на предшествующие симптомы, добровольческое командование было ошарашено, но спорить не приходилось. Мечты о „русском Баку“ разлетелись в прах. Новые формирования, бичераховские войска и сам штаб эвакуировались в назначенный срок. „Поддерживание и содействие англичан сепаратизму этнографических групп Закавказья является в настоящее время фактом несомненным“—писал несколько позже в разведывательной сводке от 19 марта тайный агент Добрармии капитан Чернышев. И тут же меланхолически прибавляет: „Можно сказать, что Азербайджан двинулся по пути Грузии, с той лишь разницей, что выждал попутного ветра со стороны господствующей ныне силы в Закавказье“...*)

Первый период отношений мусаватского правительства и Добровольческой армии, период борьбы в самом Баку, закончился. Деникинцы отступили. Мусават торжествовал. Однако, это не была победа Мусавата. Изгнание русских белогвардейцев являлось простым следствием игры английских интересов. Последние требовали „самостоятельного“ Азербайджана, независимого от России, какой бы последняя не была и, следовательно, легко подчиняемого Англией. Изгнание Пржевальского с добровольческими войсками являлось одним из шагов в этом направлении.

*) Архив Азистпарта. Дело Смысловой, лист 88,—полулист 1 и 2 и лист 89, полулист 1.

Но вскоре положение вновь осложняется. На первый план выплывает вопрос о Горской республике, в частности о Дагестане.

Для того, чтобы разобраться в действиях английских интервентов, а также в инспирированных ими мероприятиях азербайджанского правительства, необходимо иметь в виду следующее. Перед английскими генералами стояли в России две задачи. Первая, основная, главная—ликвидация Советской власти, установление власти буржуазии и помещиков,—все это, конечно, при руководящем влиянии Великобритании. Другой, дополнительной, но также весьма интересующей их задачей, являлся непосредственный захват наиболее лакомых окраинных кусочков, вроде Кавказа и одновременно ликвидация русского влияния на Ближнем Востоке.

Эти две задачи иногда противоречили друг другу и тогда получалась интересная игра сил. Конкретными носителями английской политики на местах были специально командированные генералы. А так как определенная задача, поставленная тому или иному из них, заставляла зачастую идти на мероприятия, противоречащие деятельности других генералов, то получались конфликты, дезавуирования и, как следствие, ломанная, по внешности, кривая английской политики, если ее брать по частям.

Подобное обстоятельство необходимо иметь в виду особенно при рассмотрении вопроса о Дагестане и Горской республике в целом, так как здесь сталкивались интересы двух ветвей единой британской политики, и представители английского правительства при штабе Деникина вступали иногда в конфликт с генералами, орудовавшими на Кавказе.

Только вскрытие британских архивов дает возможность с документами в руках изложить подробно эту, закулисную, сторону событий. Но те факты, которые можно почерпнуть из архивов мусаватского правительства и из газет того времени, дают достаточную возможность показать в основных чертах скрытую борьбу по данному вопросу.

Продвижение Добровольческой армии в юго-восточную часть Предкавказья, в область республики горцев, началось еще в конце 1918 года и особенно усилилось весной 1919 г. Причины, по которым Деникинская армия стремилась занять этот район, заключались прежде всего в том, что овладение им

значительно расширяло плацдарм, на котором можно было развернуть борьбу против Советской России. Занятие дагестанского побережья давало возможность добровольцам, при условии получения вооруженных судов от англичан, организовать блокаду Сов. России и превратить Каспийское море из средства коммуникации Красной Армии в свою собственную коммуникационную линию. И наконец, — последнее, но не по важности, — занятие Горской республики открывало перспективы мобилизацией горских народов получить многочисленную конницу, игравшую такую значительную роль в гражданской войне. Одним словом, с точки зрения организации и усиления антибольшевистских войск, занятие всей территории Горской республики было чрезвычайно важно.

Однако, если со стороны британских генералов, прикомандированных к штабу Деникина, последний получал всевозможное содействие, то дело совсем иначе обстояло и на Кавказе и в Лондоне. Еще в письме на имя горского правительства от 27 ноября 1918 года генерал Томсон писал, что независимость Горской республики гарантируется впредь до решения Мирной Конференции в Париже. Это оказалось невыполнимым, так как, повидимому, ни Деникин, ни прикомандированные к нему английские генералы, пойти на это не хотели. В Горскую республику вторгается Добровольческая армия и, дополняя чисто военные методы, подкупам и изменами, постепенно начинает овладевать территорией горских народов. К лету 1919 года вырисовывается перспектива полного овладения всей республикой.

И тут мы присутствуем при очень интересной комбинации английских генералов, действовавших в Закавказье. Ими делается попытка сохранения для англичан Дагестана. При британской политике „Кавказского кордона“ и стремлении продолжить его на все Каспийское море, захват побережья Дагестана представлял значительный интерес. *)

*) Весьма возможно, что попытка расширить сферу своего влияния на Дагестан, являлась частью реализации английского плана захвата Грозного, нефтяные поля которого очень интересовали британский капитал. Напоминаем читателю фразу Савинкова, приведенную нами выше. О таких планах также говорит Лукомский в своей статье „Деникин и Антанта“. Он сообщает интересный факт, что Деникин, опасаясь захвата Грозного и Владикавказской англичанами, дал в начале февраля (1919 г.) приказ своим частям

Поэтому, вопреки интересам Деникинской армии, делаются усилия не дать Дагестан в руки добровольцев.

Для этого инспирируется движение за присоединение Дагестана к Азербайджану. Последний уже рассматривался, как зависимая страна, и, таким образом, присоединение к нему Дагестана было равносильно — в перспективе — полному присоединению последнего к Британской империи.

Мы имеем в своем распоряжении данные относительно переговоров начиная с конца июня, хотя нет никаких сомнений, как мы покажем далее, что инспирации азербайджанского правительства в этом направлении начались значительно ранее.

Когда, в указанный месяц, председатель азербайджанской делегации был у английского эксперта по кавказским делам — проф. Симпсона и жаловался на наступление Деникина, то Симпсон, выразив сомнение в возможность существования республики горцев, прибавил: «Но Дагестан ваш и Деникин к вам не придет». И тут же заявил по поводу продвижения Добровольческой армии в Дагестане: «Он (т. е. Деникин. А. Р.) перешел предел данных ему полномочий». Между прочим, в этом разговоре вскрылись маленькие недостатки британского механизма, причина которых указана выше. „Кстати,—заявил Топчибашев,—насколько слышно, ваши также помогают Добрармии“ (в Дагестане. А. Р.). „Видите ли—ответил Симпсон,—военные всегда любят своих коллег и наши, действительно, немного увлеклись действиями Добровольческой армии, теперь этого не будет“... (подчеркнуто нами. А. Р.).*) Уверенность Симпсона имела некоторые основания. Когда представитель азербайджанского правительства при союзном командовании, А. Таиров, имел беседу по этим вопросам с генералом Мильном, то последний ему заявил, что о движении Деникина на Дагестан он узнал в начале июня и

пающим на Горскую республику войскам срочно занять эти города до прихода туда англичан. „Дабы не было каких либо недоразумений или трений —пишет Лукомский,—в случае, если бы Грозный со своими нефтяными промыслами был занят британскими войсками, начальнику отряда, направленного на Грозный, было приказано его занять до прихода британских войск. Это было исполнено“.—Сб. сост. С. А. Алексеевым „Деникин—Юденич—Врангель“, стр. 101.

*) Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 10, лист 12.

тотчас послал протест и сообщил своему правительству. Заявление Мильна соответствовало действительности, так как через несколько дней, прибыло решение британского правительства по этому поводу, ставящее все точки на i.

11 июня ген. Кори, командующий английскими войсками на Кавказе (взамен уехавшего в мае Томсона), сообщил министру председателю Н.-б. Усуббекову, что британское правительство установило следующую демаркационную линию между Добровольческой армией и закавказскими республиками: „От устья реки Бзиб к северу от этой реки до границы Сухума, оттуда к востоку по областям Сухумской, Кутаисской, Тифлисской, Дагестанской, до точки, находящейся на пять миль к югу от Петровско-Дагестанской железной дороги, оттуда на юго-восток, параллельно, но на пять миль южнее Петровска. Генералу Деникину предписано не допускать перехода его войск на юг от этой линии, а Кавказские республики не должны продвигаться на север от нее“ (подчеркнуто нами. А. Р.).*) Этим решением, если бы оно смогло быть проведено в жизнь, большая часть Дагестана включалась в сферу влияния Азербайджана (читай: Англии).

В связи с этим встает вопрос о характере сделанного генералом Кори заявления. Так, напр., А. Попов, уже упоминаемый нами выше, в своей работе об английской интервенции рассматривает установление демаркационной линии, как простой обман. По его мнению, англичане не желали, чтобы Добровольческая армия в действительности соблюдала это разграничение. Азербайджанскому же правительству оно сообщалось для успокоения последнего, а вовсе не для претворения в жизнь. **) Подтверждением этого взгляда служит тот факт, что в действительности „линия Кори“ не заставила Деникина отступить на север и даже наоборот—его войска продолжали закрепление за собой всего Дагестана вплоть до азербайджанской границы.

Посмотрим, насколько обосновано это утверждение.

Но прежде выясним, не являлся ли этот шаг попыткой закрепить отношения с Азербайджаном расширением его тер-

*) Азистпарт. Фонд МИД. Дело № 26, лист 53.

**) Попов. Указанная статья. „Пролетарская революция“, № 8, 1923 г., стр. 120 и след.

ритории. Азербайджанское правительство первоначально претендовало на признание его в пределах, не включающих Дагестан. Все заявления Мирной Конференции, карты и пр., говорили об Азербайджане, а не о Дагестане, представляемом отдельной горской делегацией. Поэтому, если британское командование хотело установить хорошие отношения с Азербайджаном, для этого не было крайней надобности в предоставлении ему Дагестана. Если даже стать на эту точку зрения, то понятно, что обещание Дагестана, с последующим попустительством Деникину при его занятии, могло не улучшить, а ухудшить англо-азербайджанские отношения. Так что эта версия должна отпасть.

Но что получится если принять взгляд А. Попова? Если англичане хотели, чтобы Деникин занял Дагестан, то зачем было громогласно опубликовывать, что ему „предписано“ не занимать эту территорию? Ведь подобное заявление ослабляло политические позиции Добровольческой армии. Мало того, оно санкционировало деятельность азербайджанского правительства по политической подготовке к занятию Дагестана. Разговоры Симпсона еще более убеждали и стимулировали к развитию этой деятельности, которую мы ниже опишем и которая мешала закреплению добровольцев в завоеванной стране. Таким образом, эта точка зрения приводит нас к неразрешимым противоречиям. Вдобавок, нужно отметить следующий факт. Так называемая „линия Кори“ опубликовывалась и препровождалась заинтересованным сторонам не от имени ген. Кори, а от имени британского правительства. Следовательно, это был, по мнению англичан, достаточно фундаментальный акт, чтобы можно было идти сознательно и заранее на его невыполнение Деникиным. Зная и желая, как полагает А. Попов, что это решение Деникин отбросит, как ветошь, пошло бы британское правительство на опубликование разграничения от своего имени, что должно было подорвать его престиж? Мы полагаем, что нет.

Нам представляется, что об'яснение лежит в иной плоскости. Установлением демаркационной линии на севере Дагестана англичане несколько расширяли свою закавказскую базу. Это расширение должно служить трем целям: 1) создать предварительное укрепление закавказской оборонительной линии. 2) Еще более закрепить господство англичан на Каспий-

ском море, включая в подчиненные им территории значительный новый отрезок береговой линии. 3) Приблизить англичан к грозненской нефти.

Английские планы, однако, сорвались. Демаркационная линия Деникиным не соблюдалась. Несмотря на „предписание“ британского правительства, его войска не очищали спорную территорию. Чем можно об'яснить такое непослушание „предписаниям“ Черчилей и Бальфуоров, которые держали в своих руках судьбу самого Деникина? Прежде всего тем, что Деникин знал разницу между британской заинтересованностью в Дагестане и в Закавказье. Он понимал, что наступление на последнее грозило ему тяжелым конфликтом с Лондоном и по этому, несмотря на сугубое желание занять Закавказье, он не посмел приступить к этой операции. Дагестан же не представлял такого значения для англичан и поэтому Деникин предполагал,—и оказался прав в этом,—что занятие им Дагестана не приведет к таким катастрофическим последствиям. Судя по всем данным, англичане, действительно, не считали осуществление своего дагестанского плана настолько жизненно-необходимым, чтобы за него итти на серьезную борьбу с Деникиным. Но если бы возможно было добиться его осуществления без особых усилий, для них, по вышеперечисленным мотивам, представлялся этот проект заманчивым.

При этом Деникин мог использовать веский аргумент, что занятие Дагестана должно увеличить его политическое влияние и дать добавочное количество войск, если ему удастся создать, опираясь на реакционные элементы, соответствующий порядок. Нужно учесть также то, что дагестанский вопрос всплыл в период больших успехов на антисоветском фронте, что также должно было повысить и самоуверенность Добровольческого командования и его политический вес в переговорах с англичанами. И, наконец, мы имеем некоторые основания полагать, что английские представители при штабе Деникина не сочувствовали установлению „линии Кори“ и из'ятию Дагестана из сферы действий Добровольческой армии. Совокупность этих обстоятельств обусловила ту сравнительную легкость, с которой Деникину удалось сломить планы британского правительства по расширению сферы его непосредственного влияния.

Посмотрим теперь на другую сторону. При очевидно сочувственном отношении англичан, азербайджанское правитель-

ство, взявшее на себя „почетную“ задачу проведения британского влияния на Кавказе, сочло необходимым вести активную политику в Дагестане. Поскольку парижские советы Симпсона и взгляды местного британского командования совпадали и завершились даже официальным выступлением лондонского кабинета по разграничению территорий, постольку почва для выступления в духе защиты Дагестана от Добровольческой армии и последующего присоединения к Азербайджану была подготовлена.

Уже в а п р е л е мы имеем первые сведения относительно конкретных шагов, подготовлявших включение Дагестана в мусаватскую республику. Руководителей последней в первую голову интересовали те настроения среди дагестанцев, опираясь на которые можно было вести дальнейшую кампанию. Дипломатическому представителю в Дагестане даются соответствующие строго секретные задания. По этому вопросу завязывается оживленная переписка. „Сообщите, — пишет заместитель мининдела Зиатханов в шифрованной телеграмме от 30 апреля,—дальнейшие результаты о присоединении Дагестана. В виду серьезности вопроса нужно будет серьезное обсуждение“. *) Подобный же запрос посылался еще 15 апреля и на этот последний Ахвердов, дипломатический представитель Азербайджана при Республике Горцев отвечает: „Телеграмма (Ахвердова, относительно присоединения Дагестана. А. Р.) вызвана просьбой многих общественных деятелей, ожидавших ответа начать работу. Почва готова, в присоединении Азербайджану видят дальнейшее благополучие страны в виду полной безнадежности оборонительных сил и неспособности правительства спасти положение. **) В письменных докладах, полученных от того же Ахвердова, также сообщалось, что значительная часть округов определенно высказывается за присоединение к Азербайджану, так как в этом видят единственный путь спасения от добровольцев.

Ведшиеся тогда же переговоры Хан-Хойского с генералом Томсоном еще более укрепляли азербайджанское правительство в его дагестанских планах.

Томсон, правда, категорически заявил, что формирование отрядов добровольцев, посылаемых в Дагестан против Дени-

*) Архив Азистпарта. Фонд МИД. Дело № 24, лист 24.

**) Там-же, лист 6.

кина, развивают большевизм в Азербайджане и поэтому он предлагает прекратить их образование. Английский генерал не хотел создавать новых затруднений для деникинцев. Тем более, что отряды, формируемые в Азербайджане против Деникина, участвовали не столько в защите Дагестана, сколько в защите Горской республики в целом. А по этому вопросу, мнение Томсона, как и мнение английского правительства, было в пользу Деникина.

Далее мы приводим заявление Томсона по дагестанскому вопросу Хан-Хойскому во время переговоров с последним.

„Совершенно в ином положении (по сравнению с Азербайджаном, независимость и безопасность которого от наступления Деникина гарантирована. А. Р.), по словам генерала,— гласит отчет Хан-Хойского,—находится вопрос о независимости Горской республики. По словам Томсона, ему совершенно неизвестно решение своего правительства, но по его личному мнению, положение Горской республики непрочное и она вероятно распадется, так как Северный Кавказ населен различными народностями, взаимоотношения которых неопределенны и у которых наблюдается различное отношение к'большевизму и при этом некоторые народности не признают даже власти Горского правительства.

Что же касается Дагестана, то по мнению ген. Томсона, он должен быть присоединен к Азербайджану, что, вероятно и будет, с которым Дагестан связан экономическими, топографическими и другими условиями“ (подчеркнуто нами А. Р.). *)

Мы видим, что вопрос о Горской республике стоит совершенно иначе, чем о Дагестане. Генерал, конечно, говорил заведомую неправду, когда указывал, что мнение правительства Англии ему неизвестно. Судьба Горской республики была предрешена (сравни с взглядами Симпсона). В ином положении находился вопрос о Дагестане, который совершенно определенно передавался Азербайджану. **) Правда, здесь воз-

*) Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 286, лист 3, полулист 1. Доклад Хана-Хойского министру председателю Усуббекову.

**) По этому вопросу, кроме всего вышеприведенного, имеется авторитетное в данном вопросе—заявление самого Деникина. Вот что он пишет в своих „Очерках русской смуты“ в главе „Азербайджан“: „К тому же неко-

никало, как указано выше, известное расхождение между английскими генералами и мусаватским правительством из-за добровольческих отрядов.

Деятельность азербайджанского правительства в Дагестане усиливается. Оно идет даже дальше приказаний англичан и не прекращает ни посылку добровольцев, ни денежного снабжения борющимся горцам. И только переходит („независимое“ государство!) на нелегальные виды помощи антиденикинской борьбе.

Следующая зашифрованная телеграмма зам. мининдела Заатханова Ахвердову вскрывает совершенно определено намерение азербайджанского правительства:

„Оповестить широко,—гласит она,—население Дагестана, о тех успехах, коих достигло азербайджанское правительство благодаря принятым дипломатическим и военным (?) мерам. Деникин должен очистить Дербент и уйти за демаркационную линию. Сочувствуя вполне идее воссоздания Горской республики, наше правительство предполагает временно занять, после ухода добровольцев, своими частями Дагестан. Работайте в этом направлении и сообщите настроение населения. Частно переговорите с генералом Халиловым *) и сообщите его отношение к нам. Постарайтесь подготови́ть почву для безболезненного прибытия наших частей“. **)

Телеграмма датирована 16 июня, т. е. через пять дней после сообщения о решении относительно демаркационной линии. Мусаватисты считали вопрос решенным, так как заверения о Дагестане с английской стороны были вполне определенные и недвусмысленные.

Несмотря на всю подготовительную работу, вопрос о присоединении Дагестана повис в воздухе, т. к. в порядок дня Деникиным был поставлен штык. Это создало совсем новое положение и взаимоотношения Азербайджана с Деникиным

ре последовала известная уже нота ген. Кори, требовавшая отвода добровольческих войск до линии в пяти верстах южнее Петровска, и определенное заявление бакинского английского командования, что пока мы не исполним требования британского правительства, англичане добровольцам нив чем помогать не будут“ (подчеркнуто нами. А. Р.). Эти выдержки не оставляют никаких сомнений насчет действительных планов и активности британского командования в Закавказье.

*) Правитель Дагестана, назнач. Добрармией.

**) Архив Азистпарта. Фонд МИД. Дело 26, лист 57.

приняли очень обостренный характер. Но для рассмотрения непосредственных отношений Азербайджана и Добрармии необходимо будет вернуться несколько назад.

Нужно сказать, что после высылки добровольческих войск в марте 1919 года из Баку, отношения эти оставались довольно напряженными. Однако, не без влияния, повидимому, англичан, особого обострения их не было. Больше даже того. Одновременно с наступлением на горцев и Дагестан, Деникин пытается установить некоторый *modus vivendi*. Так, напр., 3 июня представитель Добрармии полковник Лазарев передал азербайджанскому правительству следующую ноту:

„На основании полученной мной телеграммы от Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России имеют честь сообщить Вам следующее:

Командование Вооруженными Силами Юга России (Добровольческой Армии) заявляет, что по отношению к Азербайджану оно никаких агрессивных действий предпринимать не собирается, а допускает и признает его самостоятельность.

Когда Россия будет освобождена от большевиков, то входить в соглашение с вновь образовавшимися государствами на территории бывшей Российской империи будет делом Народного Собрания или той верховной власти, которой все вооруженные силы, борющиеся против большевиков, передадут свои права“. *)

Что подразумевалось под термином „Азербайджан“ мы увидим далее, а теперь только укажем, что данная нота не совсем точно передавала не скажу: истинные намерения Добрармии, но даже то, что сам Деникин хотел сказать. В своих воспоминаниях он пишет, что полковник Лазарев опустил первую фразу присланной ему телеграммы. Она гласила: „Мы считаем Азербайджан частью России“. Взятая в целом эта декларация весьма противоречива („часть России“ и „признаем самостоятельность“). Но нет никакого сомнения в том, что само командование Добровольческой армией исходило в своих помыслах прежде всего из текста опущенной фразы. Ввиду того, что Лазарев пошел на это, по всей вероятности, под давлением англичан, при которых он был аккредитован в Баку, то прямо дезавуировать его заявление было неудобно

*) Архив Азистпарта. Фонд МИД. Дело № 26, лист 15.

Однако, вскоре он был смнен и на его место назначен полковник Палицын, не допускавший таких самовольных действий.

Через пару дней, при передаче нового заверения относительно ненападения на Азербайджан, представитель Добр-армии попутно указал, что границы мусаватской республики Деникин считает линию Закаталы—ст. Кизил-Бурун. Этим обесценивались все предыдущие мирные заявления Деникина. Кизил-Бурун—4-я станция по железной дороге на север от Баку. Таким образом, согласно деникинской географии, весь Кусаринский уезд, прикрывавший Баку с севера, подлежал занятию добровольцами. Что намерения этих последних были совершенно определенные, это видно из речи генерала Эрдели, напечатанной в „Азербайджане“ (№ 123) от 17 июня, где последний, заявляя, что добровольцы дойдут до линии Кизил-Бурун—Закаталы, прибавил, что если азербайджанцы не позволят, то это будет сочтено за об'явление войны. Угрозы эти вызвали очень большую тревогу правительства. Оно тем более было напугано, что некоторые факты указывали на то, что как будто добровольцы деятельно готовят занятие этого круга. Еще 29 мая начальник уезда Хойский тревожно телеграфирует, что „Деникиным отпущено сорок миллионов рублей на подкуп лезгин кусарского района. Необходимо кусарский район усилить полицейский надзор“. *) Положение тем более складывалось плохо, что азербайджанская армия создавалась с большим трудом и действительных военных сил у правительства не было. А Хойский почти ежедневно шлет телеграммы в таком духе: „Путь из Петровска до Ростова восстановлен Деникиным. Силы его в Петровске увеличиваются с каждым днем“. **) При этом он настойчиво подчеркивает слабость оборонительной линии Азербайджана. Было отчего обеспокоиться. Тогда же Деникин отдал тайный приказ, через своего представителя при английском командовании в Баку, русскими офицерами, находящимися на азербайджанской службе, чтобы они немедленно оставили ее и переходили в Добровольческую армию.

До начала июня азербайджанское правительство мало предпринимало активных шагов по организации противодей-

*) Азгосархив. Фонд Мин. Внутренних Дел. Дело № 299, лист. 57.

**) Там же, лист 90.

ствия деникинскому наступлению. „Стамбул заснул перед бедой“—как его поэтически упрекали. Но теперь он начинает просыпаться.

5 июня в парламенте был большой день. Премьер-министр Усуббеков огласил переписку, имевшуюся „между Добр-армией, азербайджанским правительством и англичанами. Почувствовав, что положение создается очень опасное, парламент принимает решительную резолюцию, которой устанавливал новый орган власти—„Комитет Государственной Обороны Азербайджанской Республики“, с очень большими полномочиями: об'явление всеобщей мобилизации, военного положения, образование добровольческих отрядов, из'ятие из действия законов и неограниченное израсходование денег.

Тревожное положение побудило мусаватистов срочно заняться подысканием союзников. В Тифлис экстренно выезжают мининдел Джафаров, военный министр Мехмандаров и начальник штаба Сулькевич для заключения военного соглашения между Грузией и Азербайджаном. Приводим важнейшие пункты договора, подписанного шестнадцатого июня:

1. Договаривающиеся государства обязуются выступать совместно всеми вооруженными силами и военными средствами против всякого нападения, угрожающего независимости или территориальной неприкосновенности одной из обоих договаривающихся республик.

3. Настоящее соглашение носит строго оборонительный характер.

6. Договаривающиеся стороны обязуются солидарно выступать и вести дипломатические переговоры, направленные к охране независимости и суверенных прав обоих государств.

9. Если до истечения срока, указанного в § 5 (3 года. А. Р.) создастся Лига Народов, гарантирующая независимость и неприкосновенность всем государствам, входящим в ее состав, то, с момента вступления договаривающихся республик в Лигу Народов, настоящее соглашение утрачивает силу.

10. Третьей Закавказской Республике, Армении, предоставляется право в двухнедельный срок со дня официального сообщения настоящего договора заявить о своем согласии присоединиться к нему.

§ 10 договора не был проведен в жизнь, так как „Ара-ратская республика“ отказалась присоединиться к нему. Этот

отказ понятен. Договор, и по времени своего заключения и по политическим отношениям того периода, явно был направлен против Добровольческой армии. Интересы Армении, как их понимали тогдашние ее правители—дашнаки, заключалась в сугубой ориентации на Добрармию, как оплоте против Турции, с одной стороны, и против „маленькой Турции“, как называли дашнакские газеты Азербайджан, с другой. Таким образом, не только не удалось добиться присоединения Армении к этому договору, но даже не было гарантии, что последняя не встанет рядом с Добровольческой армией в случае выступления последней против Грузии и Азербайджана.

Эта последняя опасность, видимо, не являлась тайной для самих азербайджанских политиков. Так, в рапорте председателю Комитета Государственной Обороны военный министр Мехмандаров писал, что „военное соглашение с Грузией укрепило наш фронт при обороне границы с Дагестаном и Арменией“ (подчеркнуто нами А. Р).*)

Что касается Грузии, то ее положение в отношении Добрармии было аналогично азербайджанскому. Столкновения с Деникиным на Черноморском побережье происходили очень часто при попустительстве английского командования, которое хотя его и не пускало в Грузию, но становилось часто на его сторону в пограничных конфликтах. Поэтому, хотя наиболее вероятным представлялось столкновение Азербайджана с Деникиным, Грузия охотно шла на заключение подобного соглашения и посылала значительные партии добровольцев (солдат и офицеров) и вооружения на помощь горцам.

Заключение договора с Грузией, мобилизация общественного мнения, произведенное большевистской и, отчасти, „социалистической“ печатью, придало значительную уверенность правительству, тем более, что от англичан последовало новое уверение в том, что Деникин не будет допущен в пределы Азербайджана. При этом, несмотря на такое сильное обострение отношений и подготовку к военным действиям, как раз в это время велись усиленные переговоры, по инициативе англичан, относительно соглашения. Генерал Бриггс, начальник английской военной миссии при штабе Деникина, организывает свидание в Екатеринодаре представителя азербайджанского пра-

*) Рапорт от 26 июня. Азгосархив. Фонд Военного Министерства. Дело № 45, лист 3.

вительства при кубанском правительстве Рустамбекова с генералом Деникиным. Он добивается согласия обеих сторон на обмен дипломатическими представителями и создания атмосферы взаимного доверия, нужного для закрепления деникинского тыла и обращения всего внимания на большевистский север.

Из этого дела, однако, тогда ничего не вышло, в виду сильной враждебности сторон, в связи с незавершенной еще операцией Деникина в Горской республике. Такое враждебное отношение однако не входило в расчеты англичан и они пытаются сгладить и здесь противоречия.

Конечно, нервозность, проявляемая Азербайджаном в связи с возможным нашествием добровольцев, использовывалась во всю британской дипломатией. Как мы знаем, на этот период падает начало переговоров, в Париже о дальнейших судьбах мусаватской республики, и англичане пытаются оформить свое овладение Азербайджаном. Деникинский кошмар должен был быть лошадиной дозой давления, оказываемого на господствующие классы Азербайджана, чтобы создать большое рвение в деле включения в Британскую империю. Но для этой цели им вовсе не нужно было перманентное обострение азербайджано-добровольческих отношений и, кроме того, в руках английской дипломатии и военного командования в Закавказье находилось достаточно других средств политического давления. Нужно учесть также другую сторону дела: отвлечение внимания Деникина на юг уже никак не вязалось с британскими интересами. А в это время как раз происходило громадное расширение фронта Деникина в сторону Украины и все силы необходимо было бросить туда.

Поэтому английское командование, как по сию, так и по ту сторону Кавказского хребта, принимает меры к урегулированию спорных вопросов.

К этому надо добавить следующее: уже в мае наметился уход британских войск с Кавказа. Не означая ни в коем случае отказа от старой политики закрепления последнего за английским империализмом, этот уход все же ослаблял английскую позицию в деле разрешения пограничных споров. А так как после эвакуации только мирные отношения Деникина с Азербайджаном могли гарантировать сохранение англо-кавказского кордона, то, следовательно, англичанам, до своего

ухода, необходимо было установить какой нибудь *modus vivendi* между Деникиным и закавказскими республиками.

Прежде всего необходимо было покончить с вопросом о Дагестане. Как мы уже выяснили, значение Дагестана было несравнимо с теми задачами, которые ставили англичане в Закавказье. Поскольку наступление Деникина создало иное фактическое положение, постольку менее хлопотный путь заключался в том, чтобы признать это новое положение и из него исходить. Признанием деникинского захвата Дагестана оказывалось определенное давление на мусаватское правительство, которое, будучи уведомлено о новом решении британцев, не решится за свой страх и риск идти на столкновение с Деникиным.

Поэтому, в конце июля или в начале августа британское командование сообщает, что теперь устанавливается новая демаркационная линия между Деникиным и „Закавказскими штатами“. Она проходит по северной границе Азербайджана, и, конечно, в отличие от заявления добровольческого командования, включает Кусаринский уезд в Азербайджан. Однако, теперь уже Дагестан входил в сферу влияния Деникина. Азербайджан, конечно, опротестовал это решение, но, по существу, это выступление англичан значительно сбавило энергии у мусаватских политиков в их присоединительной горячке и, так как открыто нарушить запрет лондонских хозяев они не решались, то перешли полностью на подпольное участие в дагестанской борьбе против Добровольческой армии.

После того, как дагестанский вопрос был, таким образом, по мнению англичан, снят, можно было приступить к дальнейшим шагам по установлению добрососедских отношений между Добрармией и Азербайджаном с таким расчетом, чтобы к моменту эвакуации все спорные вопросы оказались бы разрешенными.

Как следствие такого плана, с августа открываются в Баку переговоры между азербайджанским правительством и представителем Добрармии генералом Баратовым. В виду того, что предстоящий уход англичан очень озабочивал мусаватское правительство *), оно было весьма предупредительно.

*) Азербайджанское правительство, как помнит читатель, совместно с Грузией, настаивало в Париже на сохранение оккупации Закавказья, так как понимало, что деникинская угроза делается более реальной в случае ухода британских войск.

Как штрих отметим, что когда генерал Баратов, представлявший режим, стремящийся совсем уничтожить азербайджанскую республику, был ранен в ногу бомбой, брошенной революционером в Тифлисе, то Усуббеков поспешил лакейской телеграммой выразить свое чувство возмущения.

По изложению самого Усуббекова, переговоры шли о следующем: Азербайджан настаивал, чтобы Дагестан составил нейтральную зону (уже не присоединение; англичане „присоветовали“ умеренность) между Азербайджаном и Добрармией и должен быть очищен от добровольческих частей; заключается торговый договор, устанавливается прямое железнодорожное сообщение. По всей вероятности шли переговоры о товарообмене и уже, конечно, о признании Деникиным независимости закавказских государств. Азербайджан, при этом, выставлял обязательным условием, заключение одновременно соглашения и с Грузией, как с союзницей. Усуббеков ничего не говорит, о том, чего же добивалось Добровольческое командование. Имеются косвенные данные, что последнее желало получения помощи мусаватского правительства в борьбе против большевиков. Такое утверждение, помимо общих соображений, вытекает, например, из аналогичных попыток начальника британской миссии при штабе Деникина генерала Хольмена (сменившего генерала Вриггса с 12 июня 1919 года). Мы приводим его несколько далее.

Соглашение в конце концов не было подписано. Виновником тому было командование Добровольческой армией, которое явно затягивало переговоры по мере развития своего наступления против Сов. России и не хотело идти на серьезные уступки. Но английские генералы не унимались. Их усилия, наоборот, увеличивались в связи с новым оборотом дела. В октябре, в связи с непрекращающимися восстаниями в Дагестане, которые ставили Добрармию в очень тяжелое положение, заставляя посылать все новые войска, в то время, как подходил кульминационный пункт борьбы на противобольшевистском фронте, вновь всплывает дагестанский вопрос. Определенное соглашение с Азербайджаном могло бы дать известный козырь в руки Добрармии, в смысле морально-политического оправдания ее захватов и тем самым помогло бы ее сторонникам из среды дагестанских помещиков и князей вести борьбу против восстающих крестьянских масс.

Поэтому генерал Хольмен при переговорах с представителем Азербайджана заявил по этому поводу следующее:

„Дагестанское восстание носит не национальный, а большевистский характер, что установлено из целого ряда документов, обнаруженных у пленных. Эти документы устанавливают связь Дагестана с Астраханью, почему это восстание не может пользоваться расположением к себе... Дагестан есть неотъемлемая часть России, верховная власть принадлежит Деникину и дагестанцам будет предоставлено право самоуправления“.*)

Далее Хольмен выразил опасение по поводу вооружения Азербайджана, что создает тревожное настроение, и в заключении закинул удочку относительно того, не дадут ли азербайджанцы свою живую силу Деникину для борьбы с общим врагом—большевиками. Эта часть беседы указывает, что англо-деникинские круги не прочь были привлечь Азербайджан к более активным действиям против Сов. России.

Хольменом же была организована встреча представителя Азербайджана (при кубанском правительстве) с генералом Лукомским. Последний, по существу, ничего нового не сказал, ограничившись повторением прошлых заявлений, относительно того, что Добармия „мыслит Азербайджан, как самостоятельное и независимое государство, но эта мера временная... Как Азербайджан, так и другие новообразованные государства являлись и являются частью России, судьбу которой в праве решить только Учредительное Собрание“ (подчеркнуто нами. А. Р.). **) Как видим, и царские генералы не брезгали прикрываться маркой Учредительного Собрания, когда это давало им выгоду.

Относительно нейтрализации Дагестана Лукомский не хотел даже и разговаривать. Принципиальное согласие, которое по этому поводу выразил Баратов в Баку, превратилось в Таганроге, где находилась тогда ставка Деникича, в свою полную противоположность. Сам Деникин, повидимому, еще более отрицательно относился к этим переговорам. Явившегося к нему азербайджанского представителя он попросту отказался принять без объяснения причин.

*) Азгосархив: Фонд МИД. Дело № 286, листы 28 и 24—26.

**) Там же лист 13, полулисты 1 и 2.

Его отношение к Азербайджану, в котором, по его мнению, все было „искусственно“, начиная с названия, носило всегда характер плохо скрываемой враждебности. Правда, благодаря британским „советам“ Добровольческая армия не пыталась занять Азербайджан, если не считать деятельности бичераховских войск до мартовской их высылки. Но усилия Хольмена добиться соглашения остались тщетными. Продвижения Деникина на север, победы над Красной Армией возбуждали мысли о кое-какой эмансипации от англичан в этом деле. Поэтому, хотя, по настоянию Хольмена, с представителем Азербайджана разговаривали (а иногда, как в случае с Деникиным, указывали на дверь), но дело оформления признания независимости не подвигалось. Само собой понятно, что, с точки зрения мусаватистов, только то соглашение достойно было внимания, которое гарантировало неприкосновенность и самостоятельность Азербайджана. Отсрочка до все-российского Учредительного Собрания означала подчинение будущей России, т. е. полное уничтожение тех результатов контр-революции, которые дали возможность тюркской буржуазии и помещикам создать самостоятельный эксплуататорский аппарат.

Таким образом, так как безусловное и немедленное признание Азербайджана от имени России никак не входило в планы добровольческого командования, переговоры осенью 1919 года в Таганроге окончились ничем. Открывается новый период открытой враждебности, достигающей кульминации в конце года, с тем, чтобы смениться дружбой ранее борющихся сил. Но период „дружбы“ мы будем рассматривать уже в последней главе, так как эти отношения всецело связаны с введением нового фактора—Красной Армии.

Теперь же обратимся к предпоследнему периоду—периоду нового ожесточения отношений Добрармии и Азербайджана. Еще во время переговоров в Таганроге, заранее обреченных на неудачу, Добровольческая армия ведет дипломатическое наступление на Азербайджан. Предлог для этого был выбран достаточно древний. Полковник Палицын передал в конце сентября „объявление азербайджанским властям от Добрармии*),

*) Такой заголовок должен был подчеркнуть не-государственный, по мнению Деникина, характер азербайджанской власти.

из которого явствует, что согласно статье 8 Туркманчайского договора России с Персией, заключенного 10 февраля 1828 года, только Россия имеет право держать военные суда на Каспийском море, а торговые суда—только Россия и Персия. Поэтому от Азербайджана требуется, чтобы его суда плавали под русским флагом, а военные—вообще не показывались в море.

Это бессмысленное заявление, опротестованное Азербайджаном перед представителями союзников, однако значительно переполошило мусаватских правителей. Подобное „объявление“ в тогдашних условиях означало попытку найти предлог для столкновения.

Для азербайджанского правительства такая перспектива тем более была страшна, что, как мы уже указывали, лучшую и большую часть военных судов англичане, уходя в августе, передали Деникину, вопреки протестам Азербайджана. С английской точки зрения этот акт был вполне разумен, так как положительная сторона такой передачи—усиление Деникина в борьбе с Советскою властью—достигалась полностью, а возможная опасность употребления этих средств для захвата Азербайджана представлялась мало вероятной. При громадной зависимости Деникина от Англии, он вряд ли решился бы на игнорирование категорического английского запрета. История с Дагестаном, как мы уже выяснили, не может опровергнуть это объяснение, так как степень заинтересованности, а, следовательно, и активности в проведении своих планов, в этих двух вопросах у англичан была различна. Дагестан не стоил ультиматума, а из-за Азербайджана англичане смогли бы посодействовать с Деникиным.

Однако, эти соображения, не могли успокоить мусаватское правительство. Истинные планы британского командования были ему неизвестны. Зная ту помощь, которую последнее оказывало Деникину, оно могло предполагать, что поскольку переговоры в Париже и Лондоне не закончились оформлением подмандатных отношений Азербайджана к Англии, постольку последняя может счесть для себя выгодным, по тем или иным соображениям, разрешить Деникину оккупировать республику мусаватистов.

Опасность настолько казалась близкой, что начальнику бакинского укрепленного района генеральный штаб предписал,

чтобы все суда бывшей Каспийской флотилии, находящиеся в порту, были готовы... к в з р ы в у. Иными словами, в случае появления флота Добрармии, предполагалась немедленная капитуляция Баку. Таково было паническое настроение, вызванное агрессивностью Деникина.

Интересно отметить, в связи с примирением английских генералов с занятием Дагестана Деникиным, что их отношение к деятельности азербайджанского правительства, направленной в сторону оказания помощи восставшим горцам, стало еще больше враждебным. Азербайджанскому правительству, как мы уже говорили, пришлось в этом отношении перейти на почти подпольную работу.

Для характеристики этого положения изложим вопрос относительно грузинских добровольцев. Грузины в отношении Добрармии держались более решительно и твердо. Несмотря на всю их услужливость перед британским командованием, что так выпукло видно из стенограмм переговоров грузинского правительства с английскими генералами *), по сравнению с азербайджанским правительством они действовали гораздо энергичнее и открытее. В Тифлисе формировались отряды добровольцев, которые, через Азербайджан, отправились на помощь восставшим горцам. Но, ведь, англичане против этого. И вот, Комитет Государственной Обороны Азербайджана на своем заседании от 20 ноября по поводу прибытия на ст. Акстафа эшелона с грузинскими солдатами и офицерами выносит следующие решения: „Прибывших на ст. Акстафа солдат и офицеров в е р н у т ь о б р а т н о. Поручить Министру Иностранных Дел войти в сношение с правительством Грузии и повлиять в смысле недопущения о т к р ы т о г о п е р е е з д а грузин—добровольцев через Азербайджанскую границу (подчеркнуто нами. А. Р.).**) Их боязнь чем нибудь показать активную враждебность к Добрармии достигла такого размера, что представители горцев во время их визита в Тифлисе к американскому представителю генералу Харборду, жаловались на полувраждебное отношение Азербайджана к делу горской независимости.

*) См. „Красный Архив“, том 21. 1927 г.

**) Азистпарт. Фонд МИД. Дело № 20, лист 53. См. аналогичный случай 11 декабра—Фонд Военного Мин. Дело № 34, лист 54.

Конечно, это было не совсем так, поскольку дело шло о независимости Горской республики от Деникина. Но давление англичан, от которых зависело всецело существование самого Азербайджана, и которые категорически выступали против ослабления сил Деникина, созданием южного фронта в Дагестане, заставляло, по внешности во всяком случае, отмежевываться от антиденикинских предприятий. Даже больше того. Несмотря на враждебное отношение Добрармии, принимаются меры к улаживанию всех спорных вопросов с ней. Так Комитет Государственной Обороны 29 октября принимает следующее важное решение:

„Отправить к генералу Деникину чрезвычайную миссию, обсудив предварительно этот вопрос в Сеньерен-Конvente и предложить министру иностранных дел предпринять соответствующие шаги в целях восстановления в правах агента нашего в Петровске“. *)

Последняя часть постановления касается инцидента, который произошел с представителем азербайджанского правительства при Горской республике, высланным генералом Эрдели из Дагестана без объяснения причин. Но Добрармия уже не шла ни на какие уступки. Это становилось все яснее даже и мусаватским политикам. „Мы знаем,—писала передовица № 240 „Азербайджана“,—что для нас давно спрятаны когти и что торжество добровольческих идей нам ничего хорошего не сулит“.

Наконец, 9 ноября происходит формальный разрыв. Деникин издает приказ, являющийся, по существу, объявлением о прекращении всех сношений.

„Ввиду враждебного отношения азербайджанских властей к русской армии и ввиду вероломного покушения азербайджанских войск на земли Армении, приказываю всем офицерам русской службы, состоящим при азербайджанских войсках, покинуть их ряды“. **)

Для того, чтобы уяснить смысл этого приказа, надо иметь в виду, что на азербайджанской службе, действительно, находилось большое количество русских офицеров и чиновников и

*) Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 287, лист 11.

**) „Азербайджан“, № 264 от 6 декабря 1919 года. Ср. тайный аналогичный приказ в конце мая.

их уход мог бы ударить чрезвычайно болезненно по работе госаппарата. Но приказ Деникина не оказал никакого влияния. Большинство русских чиновников и офицеров сильно нуждалось и за теплые места давно „продали шпагу свою“. Интересно отметить, что упоминаемый нами уже организатор контрразведки Добрармии в Азербайджане в своих донесениях, после высылки добровольческих отрядов из Азербайджана в марте, тогда же предлагал провести эту меру, чтобы не дать возможности государственному организму ненавистой республики окрепнуть.

Разрыв отношений поставил Азербайджан перед прямой угрозой военных действий. Правительство принимает ряд мер. Военный министр очень озабочен наличием большого количества сочувствующих Деникину русских элементов, в виде хорошо вооруженных молокан Шемахинского, Геокчайского и Ленкоранского уездов, которые, по его мнению, поднимутся, как один человек, как только Деникин вступит в пределы Азербайджана. Он предложил их разоружить заблаговременно, но такая операция требовала отвлечения слишком больших сил от внешнего фронта, где положение оказывалось весьма тревожным, и ее пришлось оставить. Нач. ген. штаба Сулькевич (б. крымский премьер) сообщает начальнику кубинского отряда, что по имеющимся сведениям ожидается десант добровольцев на Апшеронском полуострове с одновременным наступлением на Самурчай (пограничная река Азербайджана с Дагестаном. А. Р.). Военный министр приказал усилить разведку и вывести спешно Кубинский полк и батарею на позицию. Все имеющиеся силы перебрасываются на линию от северной границы и до Баку, так как возможна высадка в любом пункте. На помощь маленькой армии, рассыпающейся от из рук вон плохого снабжения и громадного дезертирства, срочно формируются добровольческие отряды, создаваемые, однако, с большим трудом и в весьма небольшом числе. Подготавливаются отряды рабочих для разборки железно-дорожных путей, в случае наступления с севера.

Наконец, как финал своего дипломатического натиска, Деникин об'являет 19 ноября, под страхом предания военно-полевого суду по обвинению в государственной измене, полную экономическую блокаду, так как он не может „допустить“, чтобы самочинные образования Грузии и Азербайджана, отно

сящиеся явно враждебно к русской государственности и возникшие во вред русским государственным интересам, получали продовольствие за счет освобожденных от большевиков голодающих местностей России“. *)

Приказ этот был „последней тучей рассеянной бури“. Толчок, полученный Добрармией от советских войск, был настолько силен, что она, беспрерывно катясь на юг, уже не могла помышлять о создании нового фронта. В Дагестане делаются безуспешные попытки договориться с повстанцами, чтобы заключить хотя бы какое нибудь временное соглашение, дабы развязать себе руки на севере. Тем более уже не приходилось думать о нападении на Азербайджан.

Подводя итоги этому периоду отношений Азербайджана с Добрармией, мы должны сказать, что с точки зрения действительных хозяев положения, вышеописанные столкновения представляли ничто иное, как мышиную возню. Деникин хотел напасть на мусаватскую республику, он обладал вполне достаточными военными силами как на суше, так и на море и вместе с тем, несмотря на его яростно враждебный тон, он не мог осуществить своих угроз. Добровольческая армия не сделала ни одной попытки действительно перейти границы Азербайджана, так как это означало ввергнуться в сферу влияния своих английских покровителей. **) Со своей стороны, мусаватское правительство, бессильное в военном отношении, дезориентированное в действительной политике англичан, соблюдая декорум, вынуждено было огрызаться, как будто у него за спиной стояла какая либо сила. И над всей этой грызней, по существу не дееспособных—поскольку речь шла о данном круге вопросов—организаций, стояли представители британского империализма, выискивая способы максимального извлечения пользы для своих планов: британского Кавказа, британского Каспийского моря, британской нефти в Баку.

*) „Азербайджан“, № 267 от 10 декабря 1919 г.

**) Для деникинского правительства не были неизвестны истинные намерения англичан в Закавказье. Через всю статью ген. Лукомского „Деникин и Антанта“, уже цитированную нами выше (Сб. под ред. С. А. Алексеева—Деникин—Врангель—Юденич. Сборник этот был получен нами уже во время печатания нашей книги и не мог быть поэтому использован в первых главах) проходит красной нитью мысль, что англичане стремились

Вся эта траги-комедия могла продолжаться и дальше, если бы в борьбу сил не вмешалась еще одна—революционный пролетариат, в лице бакинских рабочих и Красной армии выбросивший всех—и дееспособных и недееспособных—за пределы Кавказа и Каспийского моря. Но прежде, чем эта сила проявилась в полной мере, ее влияние начало сказываться на изменении отношений борющихся элементов, заставляя забывать раздирающие их противоречия для об'единения против общего врага, одинаково безжалостного и к белым генералам, и к помещичье-буржуазной националистической контр-революции, и к жадной своре цепных псов британского империализма—генералов его величества короля Великобритании.

прибрать для себя Закавказье и Дагестан в ущерб и против интересов России. Приводим только одно из многих соответствующих мест:

„Если бы британская политика имела целью лишь поддержать порядок в Закавказье, как в зоне, примыкавшей к Персии и Турции, то не было никакой надобности поддерживать азербайджанское и горское правительства в вопросах, которые явно противоречили интересам России, а в частности вооруженных сил на юге России.

Первоначально указанная демаркационная линия, отделяющая зону влияния командования Добровольческой армии от Азербайджана, не вызывала протеста, и британское правительство не могло сомневаться в искренности заявления генерала Деникина, что он ее не нарушит при условии, если Азербайджан не будет вести агрессивной политики.

И здесь, как в отношениях британских представителей к Грузии, чувствовалось, что великобританское правительство имеет в виду особо поддерживать интересы Азербайджана и Дагестана на случай, если в будущем будет создана буферная зона между Россией, с одной стороны, и Турцией и Персией, с другой стороны.

В частности получалось отчетливое впечатление, что британское правительство особо заинтересовано в бакинских нефтяных богатствах и не желает допустить, чтобы Баку оказалось в зоне влияния Добровольческой Армии (стр. 107).

ГЛАВА IV.

Бакинский пролетариат в борьбе против интервенции и контр-революции. *)

Одновременно с занятием Баку, интервенты взяли в железные тиски бакинский пролетариат. Учреждение английского генерал-губернаторства являлось не только следствием своеобразных отношений с местным правительством, но также — боязни предстоящей тяжелой борьбы, долженствующей привести рабочих к покорности новым господам положения. Было трудно предполагать, что слабое, не пользующееся авторитетом, мусаватское правительство сможет обуздать многочисленные рабочие массы и ввести их в фарватер интересов оккупантов. Поэтому, с первых шагов, британский штаб взял на себя „почетную роль“ передового борца с бакинским пролетариатом, вначале только эпизодически прибегая к помощи правительства.

Первой задачей английского командования являлось создание системы колониального террора, долженствующего отбить всякое желание у рабочих в чем бы то ни было не соглашаться с оккупационными властями. В самый день прихода британских войск, генерал Томсон подписывает обязательное постановление, устанавливающее в Баку военное генерал-губернаторство. Этим же приказом организуется особая полиция союзных держав, во главе которой становится зарекомендовавший себя еще в Персии по этой части полковник Ф. П. Коккерель. **)

*) В данной главе мы даем только очерк открытой массовой борьбы бакинского пролетариата. Помимо того, что эта борьба велась при ближайшем участии, а с весны 1919 г. — гегемонии большевистской партии, последняя проводила большую подпольную работу по разложению английских войск, срыву блокады Сов. России и т. д. Исследование всей подпольной деятельности партии в период мусаватского правительства и английской интервенции посвящена особая работа, подготовляемая истпартом ЦК и БК АКП (6).

**) „Азербайджан“, № 42 от 22 ноября 1918 г.

Вслед за организацией властей было издано дополнение к первому приказу, перечисляющее, что не позволено делать жителям оккупированного города. Запрещалось иметь оружие, запрещались собрания и „уличные скопища“, с т а ч к и р а б о ч и х и п о д с т р е к а т е л ь с т в о к н и м. И так как в полуколониальной стране,—а именно так рассматривали интервенты Кавказ,—можно было не стесняться, то меры воздействия избирались соответствующие. За нарушение указанных (и других подобных) запрещений устанавливались:

- а) т е л е с н ы е н а к а з а н и я,
- б) тюремное заключение,
- в) денежные штрафы,

или комбинации вышеуказанных наказаний. А для более тяжелых—с м е р т н а я к а з н ь через организованные немедленно военно-полевые суды. *)

Не довольствуясь этим обязательным постановлением от 22 ноября, опубликованного 24-го, устанавливалось, что приведение смертных приговоров, выносимых военно-полевыми судами будет производиться п у б л и ч н о. И действительно, по сообщению газет, на одной из площадей („Парапет“), в самом центре города, были возведены две виселицы и устроен земляной вал для расстрелов.

Под влиянием просьб правительства, боящегося такими зверскими мерами с самого начала восстановить резко против себя рабочий класс, Томсон через две недели отменил обязательное постановление в части, касающейся телесного наказания и публичной смертной казни. **) Зато он компенсировал себя тем, что район действий своих каторжных приказов, ранее ограниченный городом Баку в узком смысле слова, распространил и на все нефтяные промысла („окружность, радиусом в 15 верст, считая центром правительственную почву“).***)

*) „Азербайджан“, № 42 от 22 ноября 1918 г. и „Азербайджан“, № 43 от 23 ноября 1918 г.

**) На „демократическом совещании“, организованном мелко-буржуазными партиями во главе с эс-эрами, происходило большое говорение по поводу публичности смертной казни. Удивлялись, как это „культурные англичане“, у которых имелась у себя в Англии *Magna harta libertatis u Habeas corpus* решили пойти на установление колониального режима в „свободной России“, и кончили тем, что не решились принять резолюцию протеста. Поговорив, разошлись. Мы увидим дальше, дело было не только в „страхе иудейском“.

***) „Азербайджан“, № 53 от 6 декабря 1918 г.

В осуществление всех этих правил, английский штаб вместе с мусаватским правительством начал проводить в широких размерах аресты лиц, деятельность которых казалась ему опасной для его планов. Установился обычай, что революционных рабочих держали подолгу в тюрьме без предъявления обвинения, стремясь таким путем дезорганизовать рабочее движение. Конечно, главная забота падала на изъятие большевиков, которые только позднее смогли завоевать себе хотя бы полулегальное существование. При этом, так как зачастую „ликвидация“ революционеров в Баку была сопряжена с опасностью обострения положения, то в 1918-1919 г. г. широко применялся метод высылки в сторону Петровска, т. е. фактически передача в руки добровольческой контр-разведки для расправы. Несмотря на установившуюся систему террора, политическая активность рабочей массы отнюдь не замирала. Наоборот даже. Откровенная картина господства контр-революции, возглавляемой мусаватским правительством в союзе с иностранными оккупантами, располагавшимися в Баку, как в завоеванном городе, послужил к выпрямлению политического сознания пролетариата. Этому же способствовало тяжелое экономическое положение рабочих, принужденных жить в условиях беспрестанного повышения цен, вызванного лавинообразно нарастающей эмиссией дензнаков.

Правда, в конце 1918 года и в начале 1919 года рабочая масса шла еще за мелко-буржуазными партиями. Меньшевики и, главным образом, эс-эры пользовались значительным влиянием среди бакинского пролетариата, а среди тюркской части его играли некоторую роль мусаватисты. Ряд политических уроков, преподанных англичанами и азербайджанским правительством, уже через несколько месяцев (к весне 1919 года) ликвидировал подавляющее влияние указанных партий и установил идейно-политическую и организационную гегемонию большевистской партии.

Подъем политического сознания рабочих, готовность их вести борьбу за уничтоженные оккупантами и азербайджанским правительством завоевания революции, привел уже в декабре 1918 года к воссозданию своеобразного политического центра бакинского рабочего движения, с перерывами существовавшего с 1917 года, Центральной Рабочей Конференции.

ЦРК особая форма политического боевого органа бакинских рабочих, своего рода Совет Рабочих Депутатов, прино-

ровленный к политическим условиям 1919-1920 г. г. в Азербайджане. Он выбирался по предприятиям по определенной норме, дополнялся представителями социалистических партий, и руководил всей борьбой бакинского пролетариата вплоть до провозглашения Советской власти в Баку.

15 декабря открылось первое заседание с числом членов в 241, представлявших до 20,000 рабочих. Эта дата означала начало нового периода—организованной борьбы рабочего класса. Понятно, что с точки зрения английского командования, работа конференции, сразу принявшей политический характер, не являлась приемлемой. Не решаясь, однако, на закрытие ЦРК, что означало жесточайший конфликт со всем рабочим классом, Томсон решил прощупать настроение, пытаясь оновременно обезглавить поднимающееся движение. Во главе Конференции стояли тогда лидеры местных эс-эров и меньшевиков. В ночь на 21 декабря их арестовали английские власти. Это были следующие лица: Сако Саакян (с. р.), Абрам Велунц (с.-р.) Яков Штерин (с.-р.), Александр Аракелян (дашнак) и Витол (м-к). Сперва и азербайджанские власти и Коккерель заявили, что они ничего не знают об арестах. Томсон же об'явил, обратившимся к нему представителям Рабочей Конференции, что он „расследует дело“, обещая сообщить результаты только 6 января. На заседании Конференции, созванной 23 декабря, выяснилось, что некоторым из арестованных уже давно начальник английской полиции Коккерель угрожал высылкой в Индию, что, между прочим, уже приводилось в исполнение: все арестованные были вывезены в Энзели, как первый этап на пути в более далекое путешествие.

Один из эс-эров, выступающий по поводу ареста, с большой горечью говорил, что арестован тот самый Велунц, который в свое время ездил в Энзели (к Денстервилу, в июне 1918 года), приглашая английское командование занять Баку, и всегда выступал перед рабочими за единый фронт с англичанами. Поистине тяжело было переживать такую черную неблагодарность этим не за страх, а за совесть работающим на капиталистов „социалистам“.

На этом же заседании Центральная Рабочая Конференция постановила об'явить забастовку и избрала Стаечный Комитет, тут же приступивший к работе. Лозунгами стачки были: 1) Немедленное освобождение арестованных товарищей и

2) Полная свобода собраний, слова, печати, неприкосновенность личности и организаций. *)

С самого начала забастовке грозила большая внутренняя опасность, так как руководившие Конференцией соглашательские партии боялись разрастания движения. Один из докладчиков**) прямо поставил вопрос. Он сказал:..., я призываю вас, товарищи, к забастовке-протесту. Она должна быть двухдневной или трехдневной—краткой, но организованной... Окончательный бой даст не бакинский пролетариат отдельно, а в тесном союзе с демократией других стран, Англии, Франции, Германии и т. д. Вот почему наша забастовка не может быть забастовкой до победного конца, а должна рассматриваться как забастовка протеста“.***)

Если бы Конференция согласилась с указанной точкой зрения, то забастовка была бы заранее обречена на неуспех. Конференция, однако, объявила бессрочную забастовку, которая прошла чрезвычайно организованно и закончилась полной победой.

Борьба открылась 24 декабря. Ровно в 10 часов утра гудки заводов и судов известили, что забастовка началась. Немедленно приостановили работу работники водного транспорта, почти все нефтяные районы, почта, телеграф, железная дорога, банки и пр. Телефон некоторое время работал, так как телефонистки были заперты администрацией и к ним приставили английский караул. Военная флотилия прислала Стачному заявление о сочувствии забастовке.

На другой день к забастовке присоединились Раманы и Белый Город, в которых, благодаря плохой информации и недоставлению листовок, забастовка началась недружно. Попытки английского командования пустить в ход электрическую станцию закончилась смертью трех солдат, после чего остальные отказались продолжать делать опасные опыты. Вообще, на второй день забастовка являлась в буквальном смысле „мертвой“.

*) „Известия Бак. Стач. Ком.“, № 1. Всего вышло 3 номера от 25 26 и 27 декабря.

**) Фамилии по конспиративным соображениям не были опубликованы.

***) Там-же.

Все просьбы британского командования по смягчению забастовки отклонялись. Англичане просили у Стачкома экстренный поезд, но получили отказ. Тогда они попросили разрешения отправить пароход в Энзели за продовольствием, но Стачком, понимая, что здесь на лицо попытка внести дезорганизацию в ряды бастующих, и эту просьбу не удовлетворил.

Не выходила не одна газета, за исключением „Известий Стачкома“, типография которой, после выпуска первого номера была опечатана властями, но в виду открывшихся переговоров о ликвидации забастовки вновь открыта.

26 декабря на квартире английского наемника, Л. Бичерахова, состоялась встреча представителей Центральной Рабочей Конференции с генералом Томсоном. Последний, „спасая лицо“, настаивал только на том, чтобы забастовка прекратилась до освобождения арестованных. Со своей стороны, почувствовав, что бакинский пролетариат не отступит, он пошел на полное удовлетворение всех выставленных ЦРК требований. Арестованные будут немедленно привезены из Энзели в Баку и освобождены. Все организации в будущем устраивают публичные собрания явочным порядком с извещением полиции, а закрытые—без извещения. Никаких новых репрессий. Политические аресты производит только союзная полиция*), по ордерам, с пред'явлением обвинения в 24 часа. Свобода печати. Участники забастовки не подвергаются никаким репрессиям.

В 12 часов 29 декабря по призыву Стачкома также дружно, как началась, окончилась забастовка. Она сыграла большую роль в борьбе бакинских рабочих. Победа над английскими генералами показала силу рабочих для них самих. А содержание конфликта вскрыло те колониально-рабские условия жизни, которые хотели создать британские культуртрегеры для пролетариата. Это подняло сознательность рабочих масс и заострило их внимание на борьбе с британским империализмом. При этом, угодливая роль, которую играло мусаватское правительство во всем том инциденте, вскрыло его истинную сущность, показало его зависимость от британского командования и полное нежелание удовлетворить тре-

*) Это требование характерно для возглавлявших тогда ЦРК м-ков и эс-эров, не признававших Азербайджан и полагавших, что английские империалисты будут себя вести более демократически.

бования бакинского пролетариата. Поскольку мусаватисты подчеркивали демократический характер своей партии, то разоблачение того, что представляло из себя правительство, возглавляемое членами той же партии, помогало оторвать от нее турецких рабочих.

Использована ли была забастовка полностью? Мы думаем, что нет. Тот под'ем, который получился благодаря одержанной победе, создавал условия для продолжения и развития наступления на господствующую силу, тем более, что положение рабочего класса оставалось чрезвычайно тяжелым. Но руководители ЦРК не хотели наступать. Забастовка, по мнению с.-р. и м-ков, являлась актом оборонительным от „маленьких недостатков“ механизма британского империализма. Но поднять рабочую массу на борьбу вообще против этого «механизма», разорвать о представителями «западной демократии», на это итти бакинские м-ки и эс-эры отказывались, пытались занять пролетариат политикой малых дел. Поэтому, предварительной задачей бакинского пролетариата в его борьбе с интервенцией и услуживающей ей мусаватской контр-революций, являлась внутренняя перестройка рядов и смена руководителей.

Эта работа получила завершение несколько позже, весной 1919 года.

Значительную роль в этом процессе высвобождения рабочих масс от политического влияния м-ков и эс-эров сыграло отношение последних к забастовочному движению. Под влиянием большой победы, одержанной в декабре, бакинский пролетариат, экономическое положение которого было чрезвычайно тяжелое, открывает широкую забастовочную кампанию, охватывающую многие производства. Вся первая треть 1919 года заполнена этими забастовками. Меншевики, стоящие во главе профессиональных союзов, считали, что они могут достичь большего путем переговоров и всячески тормозили развития забастовочного движения, так портившего хорошие отношения с британскими генералами. Совет Профессиональных Союзов издал прокламацию к рабочим, предлагавшую им воздержаться от сепаратных выступлений, так как „подобного рода выступления не только не приносят пользы самим выступающим, но, наоборот, приносят вред всему остальному бакинскому пролетариату, дезорганизируя его

ряды и расстраивая планомерность ведения коллективной организованной борьбы“.

Эта прокламация, изданная в феврале, не оказала никакого влияния на уменьшение забастовочного движения, так как пролетариат отказывался умирать от голода, дожидаясь, когда меньшевикам удастся добиться путем безнадежно затягиваемых переговоров сносных условий существования.

Известную политическую анти-интервенционную роль сыграла кампания за освобождение жен и детей расстрелянных англичанами в Закаспии 26 бакинских комиссаров во главе со Степаном Шаумяном. Английское командование всячески пыталось обелить своих офицеров, давая публикации об их полной непричастности к этому зверскому убийству. Томсон даже позднее вызвал к себе (в Тифлис) эс-эра Чайкина, опубликовавшего заявление, об участии английского капитана Тиг-Джонса и др. в расстреле и пытался терроризировать того, правда безуспешно, дабы добиться отказа от изобличающих заявлений.

Рабочей Конференции пришлось заняться уже только последствием этого подлого дела британского империализма. Не довольствуясь расстрелом „26-ти“, английское командование держало в тюрьме жен и детей убитых, рассматривая их в качестве заложников, могущих быть обмененными на арестованных в Советской России англичан. Многие из этих невинных жертв были тяжело больны и медленно умирали.

23 февраля ЦРК вынесло политическую резолюцию, третий пункт которой гласил: „Настаивать перед командованием на переводе в Баку—для освобождения—жен и детей арестованных (расстрелянных. А. Р.) большевиков, а также матросов“*)

Еще накануне этого, 19 февраля, председатель Конференции Чураев имел беседу с генералом Томсоном о судьбе жен и детей „26-ти“ и о команде указанного в сноске судна „Алескерие“, находящегося в Энзели. При этом, желая найти общий язык с английским генералом, Чураев внес явно предательское предложение, заявив, что жен и детей „26-ти“, как

*) „Искра“, № 42 от 25 февраля 1919 г. О матросах речь идет в связи с захватом англичанами советского судна Красного Креста „Алескерие“. Матросы и персонал судна находились под арестом в Энзели.

ни в чем неповинных необходимо немедленно освободить, а в качестве компенсации, для того, чтобы иметь заложников для обмена на английскую миссию, арестованную в Астрахани, судьбой которой интересовался Томсон, он предложил задержать тех 13 человек, которые имелись на арестованном советском госпитальном судне.**) Такая остроумная меньшевистская комбинация понравилась английскому империалисту и он через некоторое время провел ее в жизнь. Советских граждан с госпитального судна объявили заложниками, а родственники расстрелянных комиссаров были в марте освобождены и привезены в Баку. Этот эпизод, в связи с упорным нежеланием освободить родных „26-ти“, вскрыл лучше, чем разоблачение Чайкина, кто в действительности являлся вдохновителем убийства „26-ти“, лишившего бакинский пролетариат его лучших, незаменимых вождей.

Весна и лето принесли с собой большое обострение борьбы бакинских рабочих против политики интервентов. Это тем более было неприятно последним, что удары направлялись против основной задачи британской политики—ликвидации Советской власти. Борьба эта не окончилась победой. Рабочим не удалось провести свои требования в жизнь. Но в то самое время она произвела окончательный перелом в настроении рабочих масс, помогла закрепить гегемонию большевиков и тем самым подготовила полную ликвидацию интервенции и контр-революции в Азербайджане.

Как мы знаем, 28 февраля английский штаб ультимативно потребовал в 24 часа очищение бакинского района со стороны Добрармии. Такой не совсем любезный шаг не был продиктован недружелюбными чувствами к Добрармии вообще. Англичанам не нравилось только поползновение последней на Закавказье, в частности на Баку. Как мы выяснили выше, это противоречило принципу, лежащему в основе британской политики—Кавказ для англичан.

Однако, та борьба, которую деникинцы вели против особенно ужасного с точки зрения британских колониальных интересов врага—большевиков, всячески поддерживалась. Поэтому, чиня препятствия к получению военных материалов из бакинских складов в период пребывания добро-

*) „Искра“, № 40 от 22 февраля 1919 г.

вольческих отрядов в Баку, английский штаб после эвакуации добровольцев был озабочен снабжением их военными средствами. В связи с этим, одновременно с изгнанием деникинцев из города, стал вопрос о переброске в Петровск, занятый Деникиным, находящейся в Баку автоколонны с большим автомобильным имуществом и военной флотилией, могущей противостоять советскому флоту. Намерения англичан заключались в передаче и автоколонны и флота Деникину. *) Поскольку, однако, личный состав этих организаций отказался участвовать в гражданской войне, английский штаб приступил к захвату флота и автоколонны в свои руки.

Флоту ультимативно предложили разоружиться. В ночь на первое марта военный флот, не пожелавший подчиниться ультиматуму, вышел в море, за остров Нарген, находящийся против Баку.

В самом флоте, как и среди „социалистических“ партий, шла большая борьба за выбор соответствующего решения. Меньшевики и эс-эры связывали свою позицию с общей политической ориентацией. Они не признавали самоопределившегося Азербайджана и вели агитацию в духе „единой и неделимой России“, хотя и демократического толка. Русский национализм настолько определял их идеологию, что заставлял скатываться на позицию деникинских защитников. „Не может быть двух мнений насчет того, что меры, принятые английским командованием в отношении Каспийского флота и даже в отношении отряда Пржевальского, являются по существу мерами против Российской демократии“ (подчеркнуто нами. А. Р.),—так начинается передовица от 5-го марта органа бакинских меньшевиков „Искры“. Ясно, что подобный подход порождал путаницу в головах матросов флота, у которых она подогревала шовинизм и склоняла их к соглашению с главным носителем великорусского шовинизма—Деникиным.

Большевистская партия предложила, как наилучший исход, переход флота на сторону Советской России. Так как на

*) Ген. Лукомский, в вышецитированной статье жаловался, наоборот, на то, что англичане тормозили передачу флота Добармии. Это, возможно, объясняется тем, что добровольческое командование стремилось получить флот немедленно, а Томсон, с одной стороны, не хотел форсированием обострить отношения с пролетариатом, а с другой стороны, не хотел расставаться с флагом до своей эвакуации.

Каспийском море, кроме бакинской флотилии и советского флота никаких вооруженных судов не было, то проведение в жизнь этого плана дало бы возможность чрезвычайно усилить борьбу против интервенции и контр-революции и значительно бы приблизили победу Красной Армии. Но как раз этого то и боялись не только Томсон, Деникин и мусаватисты, но и руководившие еще ЦРК меньшевики и эсеры. Это, ведь, означало под'ем гражданской войны, чего они, как чорта, боялись.

... „В Астрахань уйти можно,—говорил на Конференции один из лидеров меньшевиков Рохлин,—но где же гарантия, что большевики его не пошлют на Баку? И получилась бы старая история, началась бы блокада, а так как здесь сил теперь гораздо больше, история затянулась бы на несколько месяцев, причем пришлось бы опять пережить все забытые уже ужасы“. *)

Таким образом, единственное революционно-целесообразное решение было отвергнуто и руководители Конференции пустились в поиски „синей птицы“—несуществующего „демократического“ держателя военного флота, который не дал бы возможность принять последнему участия в гражданской войне „со всеми ее ужасами“.

Такая „держава“ нашлась в виде „демократических партий“, обретающихся в Баку, и в этом смысле ЦРК выдвинул требование перед Томсоном. Попытка договориться с последним непосредственно окончилась неудачей, так как флот быстро капитулировал и пришел в порт на разоружение, как того требовал Томсон. Это заставило пойти на пред'явление ультиматума со стороны ЦРК.

В то же время обострилось положение с выплатой жалованья рабочим. Как мы знаем, англичане выдавали нефтепромышленникам деньги на уплату жалованья, так как, благодаря блокаде Советской России, промысла работали на резервуар. Деньги эти англичане брали безвозвратно у азербайджанского правительства, с которым как раз в это время произошел конфликт. Мусаватисты сделали попытку несколько ослабить свое положение дойной коровы, но с этим не были

*) „Азербайджан“, № 47 от 4 марта 1919 г. Отчет об экстренном заседании ЦРК от 2 марта.

согласны оккупанты. На этой почве произошла задержка с выдачей денег, приведшая к забастовке у Нобеля и на других предприятиях. Это обстоятельство расширило конфликт с английским командованием. 6 марта, во исполнение постановления ЦРК, в британский штаб был передан ультиматум под угрозой всеобщей забастовки. Он гласил следующее:

„1) Полное невмешательство англичан в наши внутренние дела;

2) Немедленное освобождение арестованных моряков;

3) Немедленный расчет и разрешение на выезд моряков;

4) Прекращение арестов;

5) Имуущество судов должно быть отдано под контроль и наблюдение демократических организаций и политических партий.

В случае неисполнения требований Стачком об'являет забастовку и вся власть переходит к нему“.*)

Пункт первый имеет прямое отношение к вопросу о хозяйничаньи штаба в финансах Азербайджана, а также к продолжающемуся вмешательству в политическую жизнь, руководство борьбой против забастовок и т. д.

Здесь же выставляется требование о передаче флота под контроль социалистических партий и демократических организаций. Мы уже говорили, что на передачу флота РСФСР мелко-буржуазные руководители ЦРК не шли. Что касается Азербайджана, то, при обсуждении вопроса о передаче флота, меньшевистский лидер Рохлин заявил, что ни Деникину, ни Азербайджану передать его нельзя, так как разница между ними только в том, что „Деникин язва всероссийская, а Азербайджан—язва местная“, и поэтому о передаче флота последнему не может быть и речи.

Томсон, в своем ответе на ультиматум ЦРК, обходя вопрос о выводе флота, заявил, что морякам будет уплачено жалование и что арестов и обысков, в которых его упрекает ЦРК, он не производил.

Цинизм британского генерала дошел до того, что сказав об отсутствии арестов в пункте 4 своего ответа, он писал во втором, что так как ему угрожают забастовкой, то арестованные моряки не будут освобождены, пока угроза заба-

*) „Искра“. № 50 от 7 марта 1919 г.

ставки не снимется. Но верхом „наивности“ являлась та часть ответа, которая касалась пункта о невмешательстве во внутренние дела:

«Непонятно,—гласит этот раздел ответа Томсона,—что подразумевается под „вмешательством англичан во внутренние дела».

Благодаря вмешательству британского командования, Вам гарантирована свобода прессы (с конфискациями и нажимами!), речи (с последующими арестами!), собраний (с полицейским чином и разгоном!), уплата всех недоимок жалованья и правильная через месяц выдача жалованья (при падающей, благодаря английской политике, валюте и с задержками!). Англичане помогали снабжать продовольствием (гнильем и завалью!) город Баку и понижать цены (путем реквизиции!), а также организовать помощь голодающему населению (?) и лазареты. Ваше требование, чтобы англичане немедленно разрешили бы вопрос Каспийской флотилии и русского автотранспорта, является требованием их вмешательства во внутренние дела. Освобождение женщин и детей из Асхабада *) также внутреннее дело, приведенное в исполнение британским командованием. Желаете ли вы, чтобы все это прекратилось (? **) Остроумный британский генерал пытался попросту жонглировать словами. Понятно, что прежде, чем прекратилось бы вмешательство англичан, ЦРК настаивала, чтобы они ликвидировали результаты прежних „вмешательств“ и, прежде всего, освободили военную флотилию. Мы не касаемся списка „благодеев“, которые, как видит читатель из нашего „подстрочного комментария“, носили весьма сомнительный характер.

В новом письме ЦРК от 8 марта уточнились требования, выдвинутые в первом. Письмо требовало письменного обязательства британского штаба, что разоруженная Каспийская флотилия остается интернированной в Баку, с тем, что двигатели судов и части вооружения будут храниться в особом помещении под контролем совета профсоюзов. Автомашины обращаются на нужды города. Пункт о невмешательстве был сформулирован в более решительном и революционном духе. „Невмешательство англичан,—гласил он,—в российские дела в форме

*) Родные „26-ти“. См. выше, стр. 127—128.

**) „Искра“, № 51 от 8 марта 1919 г.

отказа от борьбы против революционной демократии России и самоопределившихся ее народов, как непосредственно, так и в виде поддержки контр-революционных сил“. Угроза забастовки временно снималась. *)

Более заостренный и четкий характер требований являлся результатом сдвига в рабочей массе и в самой ЦРК, где все более выявлялось разочарование тогдашним руководством и переход масс под знамя большевиков. Мартовская борьба показала окончательно, что меньшевики и эс-эры не желали полностью использовать арсенал пролетарского оружия и ведут соглашательскую линию. Их постоянная готовность вести бесполезные переговоры с оккупантами, разжигала настроение, затягивала борьбу, дезорганизовывала ряды бойцов и приводила в конце концов к поражению. Поэтому состав Конференции стал быстро меняться, так как предприятия начали посылать представителей большевистски настроенных и значительная часть прежних делегатов стала ориентироваться налево. Это дало возможность коммунистам завоевать важнейший центр бакинского рабочего движения. 11 марта, по настоянию коммунистов, произошли перевыборы президиума, почти целиком заполненного отныне коммунистами. Были выбраны: Микоян (комм.), Мирзоян (комм.), Караев (комм. Гуммет **), Агаев (комм. Гуммет), Чураев (м-к, вскоре перешедший к большевикам), Коваль (комм.), Ильин (с-р.), и кандидаты: Гогоберидзе (комм.), Велунц (с-р.), Анашкин (комм.). ***)

На том же заседании 11 марта было принято следующее решение:

- „1) Объявить политическую забастовку.
- 2) Забастовка должна быть бессрочной.
- 3) Подготовку к забастовке возложить на новый президиум и Стачком, предоставив им право указать срок начала и конца забастовки“.

Вокруг этого решения развернулась борьба. Меньшевики, как в декабре, настаивали на том, чтобы забастовка была

*) „Искра“, № 58 от 18 марта 1919 г.

**) Левый (коммунистический) Гуммет — организация турецких большевиков, расколовшихся в 1919 г. с меньшевистским Гумметом. Левый Гуммет работал под руководством бакинской организации РКП и в январе 1920 г. слиялся с последней на 1-ом съезде АКП (б).

***) Там-же.

срочная и насильственный характер протеста. Они считали, что нельзя сейчас решаться на борьбу с английским командованием. Их лидер, Рохлин, предложил „объявить срочную забастовку... в виде протеста и идти на дальнейшие переговоры или выпустить декларацию, что забастовка будет объявлена тогда, когда бакинский пролетариат найдет нужным, а не тогда, когда это желательно английскому командованию“. За мнимой радикальностью предложения о предоставлении выбора момента забастовки пролетариату скрывалось нежелание принять бой тогда, когда он был необходимым, чтобы не дать окончательно закабалить себя интервентам и мусаватскому правительству.

Эс-эры занимали более левую позицию и примкнули к резолюции большевиков. Их вождь Велунц, один из столпов „Диктатуры Центрокаспия“ — могильщик Бакинской коммуны и виновников расстрела „26-ти“, побывавший, однако, сам под английским арестом в декабре, заявив о необходимости борьбы с международным империализмом, высказался в том смысле, что Стачком исчерпал все возможные средства для мирного улажения конфликта и что теперь ЦРК должна сказать свое слово о забастовке.

Уже после принятия резолюции представитель партии Мусават заявил, что его партия забастовку поддерживать не будет, так как это грозит гибелью рабочему классу. Речь шла, конечно, не о рабочем классе, а о мусаватской республике, которой угрожал подъем борьбы пролетариата.

Коммунисты одержали на этом заседании полную победу. Их политическая победа была закреплена, как мы указали, организационно избранием нового президиума ЦРК и Стачкама, долженствующих по иному руководить массами.

Английский штаб после такого решения ЦРК пошел на уступки. В „Искре“ от 15 апреля (№ 56) помещено отношение от Вольтона, заведующего рабочим вопросом в штабе, что ввиду того, что забастовка отменена ЦРК, матросы военной флотилии освобождаются, суда разоружаются и остаются в Баку. Он также сообщил, что матросам будет уплачено жалованье.

После 15 марта, когда был прислан ответ штаба о капитуляции по вопросу о судах, линия борьбы изменилась. На первый план стал вопрос об уплате задержанного жало-

ванья (за февраль).^{*)} Так как ни для кого не составлял секрета тот факт, что задержка жалованья происходила из за споров азербайджанского правительства с британским штабом относительно принадлежности ценностей, находящихся в бакинском отделении б.государств. банка России, относительно того, за чей счет выплачивать авансы нефтепромышленниками и т. д., то есть из за притязаний штаба на удержание в своих руках финансовых „командных высот“, то изменение направления конфликта не изменило действующих в нем лиц. Бакинский пролетариат попрежнему боролся против интервентов и их политики.

Как уже указывалось, бастовал целый ряд предприятий. Эти стачки производились без предварительной санкции Стачкома, который даже вынес в начале неодобрение бастующим рабочим за несогласованные действия. Но теперь Стачком дал свою санкцию и ввел эти частичные забастовки в арсенал своей борьбы.

На объединенном заседании президиума ЦРК совместно с представителями социалистических партий, Совпрофа и районных представителей Стачкома от 15 марта, после ожесточенной борьбы была принята резолюция, предложенная коммунистами. Она гласила:

1) Пока не будут фактически выплачены деньги, забастовки (частичной) не прекращать.

2) Без распоряжения президиума Конференция забастовки не прекращать.

3) Потребовать уплаты за забастовочные дни.^{**)}

Была принята следующая резолюция, как основа для воззвания к бакинскому пролетариату:

„Центральный Стачечный Комитет города Баку и его районов, усматривая в невыдаче рабочим нефтяной промышленности жалованья интриги английского командования, азербайджанского правительства и нефтепромышленников, играющих на чувствах рабочих и вызывающих, таким образом, се-

^{*)} К разрешению финансовых разногласий власть имущие, помимо угрозы всеобщей забастовки, подталкивались забастовками на отдельных предприятиях, в частности забастовкой „Электротока“, вергнувший весь город в темноту. „Не станем на работу, пока не придет артельщик с деньгами заявили „электротоковцы“.

^{††)} „Искра“, № 59 от 19 марта 1919 г.

цам, пекарням и телеграфу. Все остальные предприятия, как государственные, так и частные, бастовали, включая железную дорогу. В районах прошли с под'емом траурные митинги, собравшие до 3000 человек (напр., в Маиловском театре). Та кампания печати, которая велась под флагом разоблачения руководства расстрелом со стороны английских офицеров, наконец сама забастовка протеста, вывела английский штаб из себя и он ополчился против газет. Прибегнуть к закрытию не было возможности, так как политическая ситуация значительно отличилась от ноября-декабря 1918 года. Поэтому пришлось ограничиться более мелкими уколами. 18 марта британский штаб прислал в газеты новое очередное опровержение участия Тиг-Джонса в расстреле „26-ти“, которое заканчивалось следующей фразой: „Рейтеровские сообщения, которые доставлялись вам безвозмездно, впредь доставляться не будут, так как нельзя ожидать, чтобы английское командование оказывало Вам любезность в то время, как Вы производите необоснованные и ложные нападки на английских офицеров в печати». *) Это обращение было напечатано в органе меньшевиков „Искра“ и органе эс-эров „Рабочее Знамя“.

Не довольствуясь этим и не имея возможности самим открыто напасть на рабочую прессу, они решили открыть эту возможность для всецело находящегося под их влиянием азербайджанского правительства. Но газеты, согласно декабрьскому соглашению (1918 год), находились под „покровительством“ британского штаба. Теперь последний решает снять эту гарантию. За подписью командующего войсками в Баку Шателворта в газеты было передано краткое официальное сообщение. Оно гласило:

„Вследствие злоупотребления абсолютной свободой, обеспеченной бакинской прессе прокламацией генерала Томсона от 26 декабря 1918 года, защита прессы британскими властями снимается. Из названной же прокламации подлежит из'ятию нижеследующее:

„На газеты в административном порядке не будет налагаться никаких кар. Газеты не будут наказываться иначе, как мною“.

Этим самым бакинские газеты предоставлялись мусаватскому правительству на поток и разграбление. С усердием,

*) „Искра“, № 61 от 27 марта 1919 г.

достойным лучшего применения, последнее обрушилось на левый сектор, поставив себе задачей закрывать большевистские газеты в возможно кратчайший срок. *)

Мартовская победа бакинских рабочих абсолютно не улучшила их положение. Помимо того, что задержки в выплате жалованья происходили часто и после мартовской борьбы, что вызывало много частичных стачек, экономическое положение оставалось чрезвычайно тяжелым. Добиться даже незначительного повышения зарплаты удавалось с большим трудом, а курс денег, а, следовательно, и реальная зарплата падали ежедневно. Многие категории рабочих голодали в буквальном смысле этого слова и настаивали на развертывании борьбы за улучшение материальных условий своего существования. Вновь, как и в 1917 году, на первый план выступает коллективный договор, долженствующий, наряду с изменением правового положения рабочего класса, выравнить заработную плату в соответствии с непрерывно падающим курсом денег. Требование коллективного договора или, как его сокращенно называли, „Коллектива“ — таков один из двух основных лозунгов бакинского пролетариата.

Но вопрос об экономической, — а это было главное, — части колдоговора упирался в вопрос о вывозе нефти. Положение бакинской промышленности было катастрофическое. В баках находилось до 150 мил. пудов нефти и нефтепродуктов, что равнялось почти годовалой тогдашней выработке. Промышленность жила ссудами правительства и работала на 3/4 на резервуар. Таким образом, проведение в жизнь колдо-

*) Забегая несколько вперед, мы перечислим кары, которые обрушились на большевистские газеты: Первой газетой большевиков был „Набат“, издававшийся под маркой профсоюза печатников. № 1 вышел 10 марта, № 10 был конфискован 5 мая и издание приостановлено до 16 мая, когда газета вновь начала выходить. 8 июля „Набат“ был закрыт на 51 номере. На другой день, 9 июля, вышел „Молот“, прикрытый 14 августа на № 31 за призыв к забастовке протеста против Деникина и против отказывающегося бороться с последним мусаватского правительства. 19 августа начал издаваться „Пролетарий“. Он просуществовал всего 10 дней и был закрыт 29 августа на № 8. Следующая большевистская газета, „Рабочий Путь“, существовала почти столь же малый срок, а именно, с 30 августа по 9 сент. (№№ 1—9). 14 сентября вышел первый номер „Бедноты“, закрытой 26 окт. на 30 номере. Вновь наладить большевистский орган удастся только к 7 дек., когда начала выходить газета „Новый Мир“, закрытая 21 февр. на № 51. С тех пор большевистские организации не имели легальной прессы.

говора упиралось в вопрос об открытии товарообмена с Советской Россией. РСФСР использовывала все время те запасы, которые Бакинская Коммуна за время своего существования, путем всемерного нажима, успела перебросить в размере около 80-ти миллионов пудов и которые, в буквальном смысле слова, спасли ее (РСФСР). Поэтому она охотно бы пошла на товарообмен, о чем, конечно, прекрасно знало и мусаватское правительство. Вот эти два требования—„коллектив“ и товарообмен с Советской Россией, и были тем знаменем, под которым выступил в мае бакинский пролетариат.

Вполне понятно, что политическое значение требования товарообмена с Сов. Россией было громадно. Бакинский пролетариат открыто выставил лозунг, долженствующий не только улучшить его положение, но и оказать большую помощь Сов. Республике. Это была прямая пощечина всей линии британских генералов и они ее так и восприняли. И та борьба, которую вел бакинский пролетариат за это требование, даже окончившаяся неудачей, сыграла громадную революционизирующую роль, установив духовную связь между Сов. Россией и бакинским пролетариатом, борющимся за нее.

Отношение господствующих слоев не было единодушно. Орган Совета Съезда нефтепромышленников „Нефтяное Дело“ в каждом номере подчеркивал жесточайшую необходимость вывоза нефти в Астрахань. Этим он выражал мнение широкой массы нефтепромышленников. Правда, соображения политического характера, иными словами наличие непримиримых в этом отношении англичан, лишило его мужества сказать,— что, впрочем, сквозило сквозь строки,—что вывоз необходимо организовать даже в советскую Астрахань, ибо иначе неизбежен крах нефтепромышленности.

Мусаватское правительство, еще в апреле говорившее о необходимости наладить товарообмен с Советской Россией, также являлось сторонницей вывоза в Астрахань, но его останавливало два обстоятельства. Основное—это запрет англичан. Не говоря уже о непосредственных переговорах, о которых, к сожалению, не осталось никаких документов, достаточно будет для характеристики этой стороны дела привести, хотя бы следующее объявление англичан (нами использованное уже, но не приводимое целиком), недвусмысленно запрещающее всякий товарообмен с Сов. Россией. Оно, впрочем, только констатировала установившуюся практику.

„Великобританское управление водным транспортом об'являет по приказу Великобританского штаба,—все суда найденные от линии Петровск—Форт-Александровск будут считаться вражескими и потому захватываться“. *)

Другой немаловажной причиной боязни товарообмена являлось предположение,—нужно сказать, вполне справедливое,—что экономические отношения Баку с Астраханью создадут и политические связи, что будет способствовать революционизированию рабочего класса в Азербайджане.

Не вполне понятно, что центральную роль в борьбе против товарообмена играли сами англичане. Для них это был один из важнейших вопросов военной и экономической изоляции Сов. России. Торговля Баку с Астраханью означала начало краха всей их политической линии на Каспии и Кавказе. Поэтому они всеми силами боролись против каких либо уступок бакинским рабочим.

Чрезвычайно выпукло точку зрения британского империализма выражала передовица „Азербайджана“.

„Вдумываясь глубже в лозунги выставленные забастовочным Комитетом,—писала газета,—приходится констатировать безнадежную нелепость и детскую наивность политической части их. У англичан, воюющих с Астраханью или что тоже с Московским правительством, рабочие требуют выдать этому правительству ценный и главный продукт питания его военной мощи—нефть. Они требуют, чтобы англичане помогли оправиться и окрепнуть своему врагу, чтобы англичане сами себя высекли. До такого явно абсурдного требования ни одна уважающая себя политическая серьезная сила не опустится, не рискуя вызвать всеобщий смех. Пропусти англичане нефть в Москву, они выковали бы меч, поднятый против них. Заработали бы советские фабрики и заводы, заработала бы железная дорога, водные пути, заработало бы все, что только способно было бы усилить и укрепить большевистский фронт.

Выгодно ли это англичанам?

Выгодно ли это Азербайджану?

Конечно нет,—кто враг самому себе“. **)

*) „Азербайджан“, № 69 от 3 апреля 1919 г.

**) Статья „В Слепую“... „Азербайджан“, № 97 от 12 мая 1919 г.

Пспутно она вскрывает истинные отношения между британским штабом и азербайджанским правительством. Читая эту статью, забываешь, что это официальный орган республики, претендовавшей на звание „независимой“, так как собственно излагается не азербайджанская, а английская точка зрения и защищаются английские интересы.

Переходим к изложению подготовки майской борьбы. В первых числах апреля собрался с'езд профсоюзов Закавказья, Закаспия и Дагестана (Представителей грузинских профсоюзов не было). На заседании 11 апреля была принята резолюция, предложенная коммунистами по докладу большевика Анашкина о текущем моменте, которая всецело ориентировала бакинский пролетариат на развитие гражданской войны против контр-революции и английских империалистов.

18 апреля произошло чрезвычайно важное заседание Рабочей Конференции. Выяснилось, что несмотря на все обещания, британский штаб отправляет Добровольческой армии орудия с разоруженных судов на пароходе „Армения“.

ЦРК приняла решение, чтобы орудия погруженные на пароход „Армения“ не были отправлены, с тем, чтобы бороться за это вплоть до забастовки. После этого Конференция перешла к заслушиванию доклада о коллективном договоре и товарообмене. Выяснилось, что промышленники в принципе согласны на новые ставки, но ставят это в зависимость от получения повышенных ссуд от правительства. *) Таким образом, опять колдоговор ставился в зависимость от изменения экономической кон'юнктуры, так как путь указанный промышленниками был явно утопичен, в виду полного нежелания азербайджанского правительства согласиться на увеличение эмиссии для повышения ссуд и попыток даже снизить последнее. Оставался один выход: имеющуюся нефть продавать вне зависимости от политических соображений. ЦРК приняла две резолюции, которые определили дальнейший ход событий.

Первая резолюция говорила о „Коллективе“. Она гласила:

*) По правовым требованиям расхождение было полное. Нефтепромышленники принимали только несколько пунктов предложенного рабочими колдоговора.

„1) Коллективный договор отстаивается в редакции рабочей комиссии.

2) Коллективный договор пред'является министру труда и нефтепромышленникам.

3) Срок для ответа назначается двухнедельный.

4) После этого срока никакие переговоры не ведутся и соглашение не принимается. Президиум, в свою очередь, принимает определенные средства борьбы за колдоговор.“ *)

В тесной связи с этой резолюцией стоит второе решение относительно товарообмена, как логическое ее дополнение.

„Рабочая Конференция“,—гласила эта резолюция,—предлагает президиуму вступить в переговоры с властью имущими, чтобы они начали переговоры с Астраханью по вопросу о товарообмене. Президиум должен всемерно способствовать этим переговорам и обеспечить, чтобы суда возвращались из Астрахани обратно и продукты бы там же оплачивались“. **)

Эти две резолюции намечали единственно возможный выход для бакинского пролетариата, который должен был одновременно нанести сокрушительный удар интервенционным планам англичан и несколько улучшить положение рабочих. Так как „власть имущие“, не хотели вступать в переговоры с Астраханью, а вместе с тем падал и „Коллектив“, то забастовка становилась неизбежной.

Первомайское празднество, совпадавшее с кануном истечения срока ультиматума ЦРК, прошло с большим подъемом. Бакинский рабочий выступал под лозунгами, заостренными против английского империализма и российской контр-революции. Даже меньшевистская „Искра“ взяла левый тон. Газета вышла с аншлагами: „Долой империализм и контр-революцию! Вся власть рабочим и крестьянам! Да здравствует Советская Россия и социалистическая революция!“ Правда, эти лозунги, не были плодом действительного решения начать серьезную борьбу, но они показательны для настроения бакинских рабочих, к которому приспосабливались меньшевики.

Последнее заседание ЦРК перед забастовкой было 4 мая В связи с тем, что конференция собралась новая, выбранная

*) „Искра“, № 84 от 24 апреля 1919 г.

**) Там-же.

после реорганизации, президиум был переизбран. Были выбраны следующие товарищи: Караев (комм. „Гуммет“), Анашкин (комм.), Микоян (комм.), Губанов (комм.), Ибрагимов (комм. из персид. комм. организации Адалет), Азим-Заде (комм. Гуммет), Ильин (с.-р.) Докладчик Микоян, изложив предшествующую историю борьбы за колдоговор, сообщил, что промышленники дали отрицательный ответ по вопросу о ставках. „А без договора, без (новых. А. Р.) тарифных ставок рабочие не могут работать. Но если даже договор и ставки будут приняты капиталистами, они аннулируются положением промышленности. Если не торопиться с вывозом нефти... то промышленность совершенно остановится“... „Против нас—продолжал докладчик,—только английское командование. Английское командование решило задушить рабочее движение. Мы должны вступить с ним в решительный бой“ (подчеркнуто нами. А. Р.).*)

ЦРК подавляющим большинством голосов принимает резолюцию об об'явлении забастовки: „Бакинская Рабочая Конференция,—гласила она,—выслушав доклад президиума по вопросу о коллективном договоре и товарообмене с Астраханью для спасения бакинских рабочих и всего населения Азербайджана от неминуемой голодной смерти, полного финансово-хозяйственного краха страны и во избежание остановки нефтяного производства вследствие невывоза огромных нефтяных запасов,—постановляет общей экономической стачкой во что бы то ни стало добиться принятия коллективного договора и вывоз нефти в Астрахань. Время, как об'явления, так и прекращения и порядок ведения стачки поручается определить президиуму конференции совместно с центральным стачечным комитетом“.**)

Еще 30 апреля был избран Центральный Стачком, в который вошли все видные руководители бакинского пролетариата, в большинстве большевики. Забастовка была назначена на 6 мая, но на водном и железно-дорожном транспорте ее об'явили 5-го, так как английское командование собиралось перебросить военные материалы Деникину. Началась забастовка очень дружно, охватив почти все предприятия города. Но часть промыслов работала, потому что некоторые группы

*) „Искра“, № 92 от 6 мая 1919 г.

**) Там-же.

тюркских рабочих отказывались примкнуть к своим товарищам. Вокруг этой части бакинского рабочего класса разворачивается борьба, так как мусаватисты стремились сорвать забастовку именно с этого конца.

Важнейшим средством борьбы азербайджанское правительство и мусаватская партия сделали квалификацию стачки, как акта, направленного против независимости Азербайджана. Они ее представляли орудием национальной борьбы, заостренной против самостоятельности тюркского государства. Требование бастующих установить товарообмен с РСФСР, как средство спасения бакинской промышленности, мусаватисты представляли средством оказания помощи РСФСР для того, чтобы последняя могла наладить экспедицию против Азербайджана. Не довольствуясь этим, азербайджанское правительство применило совсем уже провокаторский прием. В бакинском порту стояла баржа „Белая“, на которой находилось большое количество оружия, снятого с парохода „Демосфен“ при его разоружении. Об этом азербайджанское правительство знало. И вот эту то баржу используют для громадного „бума“. Приморский район оцепляется, оружие вывозится с баржи и объявляется, что баржа служила центральным складом большевиков и прибыла из Астрахани для свержения мусаватского правительства. В этой провокации истинным было только то, что „Белая“ действительно прибыла из Астрахани, но в период Бакинской Коммуны вместе с отрядом Петрова, т. е. до появления самого азербайджанского правительства в Баку.

Нужно признать, что агитация в этом направлении сделала свое дело, отколов некоторые слои тюркских рабочих от забастовки. Не довольствуясь этим, правительство переходит к широкому применению террора, арестовывая и избивая активных работников. Правительство выпустило 6 мая прокламацию за подписью премьера Усуббекова, суммирующую как все мусаватские инсинуации, так и проводимый против рабочих террор. Вот важнейшие выдержки из нее:

„1) Признавая объявленную Рабочей Конференцией всеобщую забастовку политической, преследующей цели, направленные против основ Азербайджанской республиканской государственности и руководимой чуждым Азербайджанской демократии большевистски настроенными элементами и агента-

ми Российской Совдепии, правительство призывает всех сознательных граждан-рабочих воздержаться от объявленной безответственными элементами забастовки и продолжать работу.

3. ...Правительство объявляет, что за дни забастовок никому из бастующих жалование выдаваемо не будет.

4. Основываясь на существующем военном положении, Правительство.. предваряет, что... всякое агрессивное действие против существующего законного порядка в корне будет пресекаться, а нарушители нормального течения работ в правительственных, общественных и частных учреждениях будут караться по законам военного времени".*)

В Балаханах, Раманах и Забрате рабочих попросту избивали и заставляли насильно становиться на работу. Благодаря допущенной ошибке, разрешению курсировать водным и ученическим поездом, правительству удалось захватить часть железнодорожников и заставить их обслуживать движение для своих целей.

9 мая правительство наносит решительный удар. Накануне этого дня представители Исполнительного Комитета Микоян, Караев и Коваль вели переговоры с министром труда Сафикюрдским, который соглашался пойти на некоторые уступки. *) Переговоры должны были продолжаться. Во все время их Сафикюрдский гарантировал неприкосновенность членов Стачкома. Однако, 9 мая в 12 часов дня, несмотря на министерское обещание, весь состав Стачкома арестовывается и, таким образом, бакинский пролетариат обезглавливается. Было арестовано 44 человека **.)

Был избран новый Стачком в числе 21 чел., который, впрочем, через некоторое время также подвергся аресту в полном составе. Арест Стачкома, несмотря на все тяжелые последствия, не смог бы ликвидировать стачки. Но этим воспользовались меньшевики и эс-эры, которые, опираясь на колебание в некоторых слоях пролетариата, забили отбой. Еще накануне арестов, 8 мая, на заседании правления объединенного союза рабочих нефтяной и металлической промышленности, находящегося в

*) „Азербайджан“, № 93 от 8 мая 1919 г.

*) Переговоры Сафикюрдского со Стачкомом начались по инициативе первого.

**) „Искра“, № 93 от 14 мая 1919 г., где приводится полный список 44-х.

руках меньшевиков, была принята резолюция, предлагавшая Стачкому 9 мая прекратить стачку. Мы приводим все мотивы, которыми руководствовалось правление, чтобы показать, что соглашатели предлагали прекращение забастовки тогда, когда имелся, по их же мнению, ряд признаков возможной победы. Мотивы эти были следующие: 1) Объявление английской оккупации, 2) тюркская масса откололась от своей буржуазии, 3) правительственные сферы пошли на переговоры и чувствуется замешательство в их рядах, 4) в то же время центристачком не имеет силы углубить и расширить работу, 5) вероятно поражение.

Последнее уже больше из области психологии, а не фактов. Мы видим, что сами меньшевики констатировали ряд благоприятных фактов, могущих привести к победе, но вопреки этому предлагали капитулировать.

11 мая по инициативе правого гуммета созывается межпартийное совещание в составе меньшевиков, эс-эров и правых гумметистов. Присутствовал и представитель партии большевиков, который предложил забастовку не ликвидировать, а постараться ее расширить, включив, так называемые, предприятия третьей категории (жизненно-необходимые) и, таким образом, сделать ее буквально всеобщей. Но все остальные члены совещания высказались за прекращение забастовки. В этом же духе ими была организована агитация,

Таким образом, забастовка была взорвана изнутри и тенденции к ее ликвидации, которые только намечались и могли быть преодолены, получили оформление в виде выступления меньшевиков, эс-эров и правых гумметистов. Это в значительной степени предрешило исход забастовки. 13 мая Стачком призвали к ее прекращению. Листовка заявляла, что хотя бакинский пролетариат потерпел поражение, но он не разбит и обладает силами для дальнейшей борьбы. Каково было действительное настроение рабочих видно из того, что весь Белый и Черный город протестовал против прекращения забастовки.

Хотя пролетариат не добился своих целей, он, действительно, не был разбит. Резолюция ЦРК, принятая 18 мая, отмечала, что „считая минувшую забастовку не концом, а началом борьбы... и сознавая, что причины минувшей забастовки не устранены, а

еще больше обострены, бакинские рабочие не слагают оружия, не отказываются от борьбы, а успешно готовятся к новому бою“*). Что это не были только слова доказывает июньская борьба бакинского пролетариата, о которой речь впереди.

Весь май тянулась борьба за арестованных во время стачки. Азербайджанское правительство, сиюсь доказать английскому штабу, что оно и без его вмешательства справится с бакинским пролетариатом, медлило с освобождением арестованных руководителей рабочих. Рабочая Конференция, видя это, постановила 25 мая, что в случае дальнейшей задержки в освобождении, будут использованы все средства вплоть до новой забастовки. Через неделю. 2 июня, произошло освобождение последних из арестованных, часть которых была выслана в Грузию (предполагалась высылка в Петровск и в Закаспий, что означало смерть в руках добровольцев, но после категорических протестов представителей ЦРК была отменена).

Не нужно предполагать, что сами английские власти молча наблюдали борьбу бакинского пролетариата, направленную на срыв их политики. Со своей стороны они принимают весьма энергичные меры, которые, конечно, по своему обыкновению считают излишним даже согласовать с азербайджанским правительством. В разгар забастовки, 8 мая, в Баку расклеивается „Объявление генерала Мильна жителям Закавказья“ Текст его таков:

„Так как:

Английские войска оккупировали Закавказье для того, чтобы:

1) обеспечить выполнение условий перемирия между союзниками и Турцией и

2) для того, чтобы поддержать закон и порядок до окончательного решения территориальных вопросов нынешней мирной конференцией,

То:

Я, нижеподписавшийся, будучи Главнокомандующим Английскими силами в Закавказье, сим объявляю:

Обязанностью жителей является совершенно спокойное поведение, и, елико возможно, занятие своими делами. По-

*) „Искра“. № 97 от 18 мая 1919 г.

сколько они будут действовать таким образом и воздерживаться от всяких действий, вредных для английских и союзных сил, они никогда не будут привлекаться ни к какой ответственности Английскими военными властями, их жизнь будет вне опасности, их собственность и свобода будут в полном уважении, но если они отклонятся от исполнения своего долга в этом отношении, то необходимость военного времени вызовет самое примерное наказание; а поэтому:

Всякое лицо, которое совершает, или пытается совершить действие враждебное или вредное Английским или Союзным силам или какому нибудь представителю этих сил, или действие могущее быть полезным их врагам, включая сюда какие бы то ни было повреждения всяких железных дорог, путей сообщения, мостов, телеграфных или телефонных проводов, водяных сооружений, военных складов и т. д. кому бы они не принадлежали, или вообще переступить какое нибудь из предписаний сего об'явления, будет передано военному суду и наказано смертной казнью, или каким нибудь меньшим наказанием в зависимости от обстоятельства дела“. *)

Документ этот по истине великолепен и вполне выдержан в англо-колониальном духе. Британский генерал спешит сообщить, что те, кто: „елико возможно будет заниматься своими делами“, т. е. не совершать никакого правонарушения, не будет привлекаться к ответственности английскими властями. Следовательно, у жителей Закавказья должно быть до этого приказа опасение, что, при режиме английской оккупации, они и безвинно могут быть привлечены к ответственности. Такие меры, как „законы военного времени“, военный суд и смертная казнь должны быть веским напоминанием бакинскому, как, впрочем, и всему закавказскому пролетариату, что британские генералы не забыли свою зверскую колониальную практику и готовы утопить рабочих в крови, если интересы английского империализма будут поставлены под угрозу. Это об'явление придало твердость азербайджанскому правительству и дало ему возможность отказаться выполнить требования майской забастовки.

*) „Азербайджан“, № 94 от 9 мая 1919 г. Об'явление Мильна было также опубликовано в Батуме. Протест грузинского правительства напичкал жителей Тифлиса от лицемерия этого документа.

Впрочем, для мусаватистов публикация ген. Мильна имела не только десницу, но и шуйцу. В нем говорилось об оккупации Закавказья и это ставило под сомнением тот призрачный суверенитет, которым Азербайджан, по мнению мусаватистов, все таки обладал. Поэтому они опротестовали те указания „объявления“ из которых явствует, что суверенитетом пользуются не закавказские правительства, а английские генералы. Мы полагаем, что разговор, который произошел между ген. Томсоном и Хан-Хойским в Тифлисе 11 мая подтверждает нашу мысль, что цель англичан была в данном случае иная и „объявление“ Мильна направлено было исключительно против рабочего движения. Приводим отрывок из доклада Хан-Хойского премьер-министру Усуббекову:

„Генерал (Томсон) сказал, что, повидимому, объявления эти старые и что, вероятно, переводчик неправильно перевел, так как никакой оккупации нет и есть лишь временное занятие, не грозящее нашей независимости, а сделанное в виду поддержания порядка“. И сейчас же следует фраза: „Генерал интересовался ходом забастовки в Баку и высказал свое удовольствие, узнав, что она ликвидирована решительными мерами нашего правительства“. *) Мы видим, таким образом, что объявление Мильна вовсе не стремилось создать какое нибудь новое положение в Закавказье и поэтому одиозная для азербайджанского правительства часть заявления дезавуировывается. И мы считаем не случайным, что сейчас же, вслед за разговором об „объявлении“, речь пошла о забастовке. Тут видна определенная связь двух явлений. Эту нашу мысль подтверждает один документ, имеющийся в делах Министерства Иностранных Дел. Это нечто вроде юрисконсультского доклада, в 13 пунктах разбирающего сущность „объявления“ Мильна. Мы читаем в пунктах 10 и 11-ом:

„10) Не будь забастовки, объявленной Центральным Стачком, где при удаче его программы обыватель лишен был всего, кроме одного — воздуха, пожалуй не появилось бы объявление генерала Мильна, отпечатанное еще давно, 7-го марта с. г. Объявление это, несомненно, относится к забастовщикам, которые оставили водный транспорт и работы на предприятиях обслуживающих вооружение судов и т. п.

*) Азистпарт. Фонд МИД. № 54, стр. 15. полулист 1.

11) Следовательно, не будь этих чрезвычайных обстоятельств, вызванных забастовкой, пожалуй не было бы подобного нежелательного об'явления, согласно которому все лица, бастующие в предприятиях, обслуживающих нужды войск, могли быть привлечены и судимы по законам военного времени, как лица совершающие враждебные действия против Союзных войск и полезных их врагам". *)

Этим юристконсультским раз'яснением как будто исчерпываются все сомнения на счет того, куда был направлен огонь британского штаба.

В связи с тем же террористическим „об'явлением“, мы хотели еще только указать, что майское его применение проливает свет на первоначальные замыслы английских генералов, связанные с ним. Документ первоначально был датирован 20 марта (7 по ст. ст.). 20 марта—период завершения борьбы бакинского пролетариата из за военного флота и уплаты жалованья и день демонстрации против зверского преступления английских убийц „26-ти“. Борьба могла вспыхнуть вновь в расширенном виде. И британские генералы на всякий случай заготовили этот документ, чтобы в случае нужды ставить к стенке бакинских рабочих на „законном основании“.

Не успели ликвидироваться последствия майской забастовки, как перед пролетариатом во весь рост стал вопрос о деникинской опасности. Войска Добрармии, начавшие решительное наступление в феврале, к июню заняли всю территорию Горской республики (за исключением горных частей), в частности Дагестан. Создавалась угроза продвижения Деникина в пределы Азербайджана, тем более, что деникинцы довольно недвусмысленно говорили о занятии Баку, нужном им для борьбы с большевиками и, во всяком случае, официально утверждали, что граница с Азербайджаном проходит около ст. Кизил-Бурун, т. е. недалеко от Баку. Опасность деникинского вторжения настолько реально чувствовалась, что на заседании Бакинского Комитета РКП все активные члены партии были разбиты на 3 категории, из которых первая уже теперь должна покинуть город, так как неминуемо была бы повешена Деникиным при взятии Баку. **)

*) Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 262, лист 4, полулист 2 и лист 5, полулист 1.

**) Архив Азистпарта. Протоколы. книга Бак. К-та РКП (б) за период с 11 июня по 8 ноября 1919 г.

С другой стороны, азербайджанское правительство вело переговоры и больше рассчитывало на запрещение англичан Деникину двигаться в пределы Закавказья, нежели на собственную армию. Но рабочим массам не было дела до того, хотели ли англичане пустить Деникина в Закавказье или нет. Они видели хорошо ту широкую помощь, которую английское правительство оказывало Деникину в его борьбе против народов Северного Кавказа и Советской России. Никакой гарантии, что эта помощь не будет оказана ему для продвижения на Кавказ не было, и как раз, в связи с этим, мы считаем нужным указать, что действительно такое положение могло создаться. В случае победы рабочих масс в Азербайджане, британский штаб первый призвал бы Деникина в Баку, так как не надо забывать, что борьба против большевиков была и оставалась главной задачей британской политики на ближнем Востоке. Занятие Деникиным Баку, правда, нарушало британский план изоляции в будущем буржуазно-помещичьей России от британских колоний и полуколоний и бакинской нефти, но при той зависимости, в которой находился Деникин от англичан, перед последними открывались широкие договорные перспективы, могущие многое исправить. Этакое положение, во всяком случае, было для англичан гораздо более приемлимым, нежели Советская власть в Азербайджане.

Поэтому, с точки зрения интересов рабочего класса, борьба против Деникина означала уничтожение контр-революционной гарантии мусаватского правительства и фактический срыв британской политики, как в области борьбы против Советской России, так и в области превращения Азербайджана в колонию английского капитала. Эта борьба началась в период разговоров об уходе англичан из Закавказья, и мусаватское правительство делало все возможное, чтобы задавить это движение рабочего класса, дабы доказать британскому правительству, что власть тверда, большевизм Азербайджану не угрожает и что в качестве полуколонии последний не будет доставлять хлопот Англии.

25 мая ЦРК приняла резолюцию о деникинской опасности. Констатируя наличность реальной опасности деникинской оккупации Азербайджана, что свело бы на нет те жалкие остатки свободы, которыми пользовался еще рабочий класс и попросту физическое истребление рабочих Баку, резолюция от-

мечает, что мусаватское правительство связанное с англичанами, не принимает никаких мер борьбы. Поэтому, главная роль в борьбе падает на пролетариат, который должен немедленно заняться организацией революционной борьбы Баку.

Этой же резолюцией было принято важное тактическое решение. Один из ее абзацов говорил следующее:

„Азербайджанское правительство, считающее себя представителем тюркской демократии, взявшее на себя обязательство защищать независимость Азербайджана и имеющее в своем распоряжении государственный аппарат, перед лицом надвигающейся опасности, готовящей стереть с лица земли, как тюркскую демократию, так и независимость Азербайджана, обязало наперчь все свои силы, поднять на ноги тюркскую демократию, мобилизовать все живые и технические силы для отражения этой опасности. В этой борьбе весь бакинский пролетариат, всеми достойными и имеющимися в его распоряжении средствами и способами будет поддерживать азербайджанское правительство, если оно действительно, на деле будет бороться против деникинских банд“.*)

Правильна ли была такая позиция, не отдавала ли она пролетариат на службу мусаватскому правительству?

Мы думаем, что решение являлось весьма разумным в тот момент. Правительство не хотело бороться с Деникиным, но в это самое время оно и партия Мусават пытались монополизировать лавры защитников независимости Азербайджана. Резолюция ЦРК припирала их к стенке, заставляя либо действительно начать борьбу, либо открыть свое истинное лицо. А так как на действительную борьбу с Деникиным азербайджанское правительство не могло решиться, то ему пришлось расстаться с ореолом защитника независимости Азербайджана. Такая тактика имела громадное значение, особенно в борьбе за тюркскую часть пролетариата, которую мусаватисты улавливали на приманку „независимости“. При этом нужно иметь в виду, что если бы, паче чаяния, правительство пошло на борьбу с Деникиным, то резолюция ЦРК давала возможность мобилизовать трудящиеся массы под своими лозунгами и, в процессе этой борьбы, имея организованные и вооруженные кадры, сделать „передвижку власти“ в руки

*) „Искра“, № 103 от 27 мая 1919 г.

рабочего класса. Вместе с тем партия большевиков в это время начала широко популяризировать лозунг независимости Азербайджана, в виде независимости Советской Азербайджанской республики, выбивая этим самым важнейший козырь в руках контр-революционного Мусавата.

Первой задачей являлась в анти-деникинской кампании мобилизация общественного мнения бакинского пролетариата вокруг лозунга борьбы с Добрармией. 6 июня президиум ЦРК решает об'явить стачку—протест против занятия добровольцами Дагестана, но вопрос переносится на санкцию Пленума. Однако, выяснилось, что мусаватисты и правые гумметисты пытаются забежать вперед и призвать от своего имени бакинских рабочих об'явить забастовку. Переговоры с ними привели было к соглашению об отсрочке забастовки. Но 12 июня оказалось, что мусаватисты и гумметисты печатают листовки с призывом к забастовке на 13 июня. Это обстоятельство заставило президиум ЦРК со своей стороны призвать рабочих к забастовке, которая охватила все предприятия 13 июня.

В общем, забастовка удалась. Митинги, собранные в тот день, прошли с большим успехом. Но большевикам не удалось повести за собой весь бакинский пролетариат, особенно в его тюркской части. Среди рабочих было недовольство неожиданным об'явлением забастовки. Нужно сказать, что президиум ЦРК в данном вопросе шел, отчасти, в хвосте мусаватистов, дав им инициативу назначения дня. Благодаря этому рабочие не были достаточно хорошо подготовлены и мусаватистам удалось часть их отколоть под свои знамена. Значительную роль сыграл саботаж меньшевиков в профсоюзах, которые мотивировали свое нежелание помочь забастовке поздним извещением и несогласованием с ними этого вопроса.

Азербайджанское правительство, которому активные операции против Деникина, требовавшиеся революционным пролетариатом, вовсе не улыбались, так как это означало разрыв с англичанами, пыталось в двояком отношении использовать политический под'ем масс 13 июня. С одной стороны, оно надеялось в этой демонстрации анти-деникинских чувств найти поддержку в своей дальнейшей дипломатической работе, в частности перед британским командованием. С другой стороны, оно пыталось закрепить свое положение среди рабочих масс, дачей значительного удовлетворения этим чувствам. Де-

ло в том, что как раз в это время, азербайджанское правительство получило письмо ген. Кори, отдававшее Дагестан в сферу влияния Азербайджана. Оглашение этого письма, перед приходшей к правительству демонстрацией, значительно могло поднять его авторитет, правда, среди тех только, кто доверял истинности этого сообщения. А тогда же оно было взято под сомнение, так как была известна роль англичан в деле помощи Деникину. И позднейшие события, когда Деникин так таки и не очистил Дагестана, согласно «линии Кори», как будто подтверждало это предположения.*) Таким образом, эта сторона дела не улучшила, а ухудшила положение правительства, так как создалось впечатление, что его глава попросту солгал демонстрации.

День 13 июня значительно поднял анти-деникинское и анти-английское настроения бакинского пролетариата. Вот как расценивала сама ЦРК, несколько преувеличивая, результаты этого дня:

„Заслушав доклад президиума о стачке-протесте, назначенной президиумом на 13 июня, Рабочая Конференция находит, что спешное об'явление всеобщей стачки-протеста 13 июня диктовалось необходимостью не допустить изолированного выступления мусульманских рабочих, не допустить победы шовинистических замыслов партии Мусават, стремившейся использовать выступление мусульманских рабочих в своих классовых и националистических целях.

Неорганизованное и неподготовленное выступление бакинского пролетариата, в значительной части неоповещенного о готовящейся стачке, оправдало тем не менее все ожидания президиума Рабочей Конференции превратить 13 июня, назначенное партией Мусават, как день своего торжества, в день полного и окончательного краха мусаватских расчетов, в день блестящей победы бакинского пролетариата, проявившего непоколебимую стойкость и революционную сплоченность своих пролетарских рядов.

Рабочая Конференция всецело одобряет решение Президиума об об'явлении стачки 13 июня“.**)

*) Как мы выше выяснили, соответствие этого письма действительным намерением английского правительства не вызывает, в настоящий момент, никаких сомнений.

**) „Искра“, № 117 от 17 июня 1919 г.

Одновременно с этим делается попытка организовать весь закавказский пролетариат на борьбу с Деникиным. Еще 5 мая посылается Тифлисскому Совету Рабочих Депутатов следующая телеграмма:

„В виду надвигающейся деникинской опасности и необходимости обороны Закавказья от наступления черной реакции считаем необходимым объединение пролетариата всего Закавказья и координацию его действий. С этой целью Президиум Бакинской Рабочей Конференции берет на себя инициативу созыва чрезвычайного Съезда Советов и Рабочих Конференций, где нет таковых—представителей профессиональных союзов Закавказья. Съезд должен быть созван в Тифлисе не позже 15 июня. В случае согласия, предлагаем для подготовки Съезда наметить представителей, которые вместе с нашими составят организационную комиссию. Ждем срочного ответа“.*)

Закавказский Рабочий Съезд, без сомнения, сыграл бы большую роль, придав широкий размах борьбе против угрозы деникинского наступления. Тифлисские м-ки в начале не отвергали эту идею, думая использовать съезд для укрепления своих внутренних позиций. Представителями ЦРК для переговоров были признаны высланные в Тифлис большевики — Стура, Анашкин, Губанов и бежавший туда Микоян (кроме них Чураев, меньшевик, переходивший как раз в это время на сторону б-ков). Грузинские м-ки выдвинули требование, чтобы организации, собирающие анти-деникинский рабочий съезд, предварительно признали учредительное собрание Грузии и ее правительство. Это признание, с их точки зрения, несколько компенсировало тот конфликт, который неминуемо создавался бы с британским командованием. Хотя в нашем распоряжении нет соответствующих документов, но мы думаем, что именно влияние британского штаба в конце концов заставило грузинских м-ков сорвать этот съезд. Представитель большевиков, Гогоберидзе на заседании ЦРК с представителем Тифлисского Совета правильно отметил, что „нельзя бороться с Деникиным, гуляя под руку с Томсоном и Кори“.

Какое значение придавала Рабочая Конференция этому съезду видно из резолюции, принятой 15 июня. Конец ее таков:

*) Караев. Из недавнего прошлого, стр. 25.

„Бакинская Рабочая Конференция считает необходимым создание на Съезде руководящего центра объединяющего рабоче-крестьянские массы Закавказья в их борьбе с мировой и местной контр-революцией“.*)

Вполне понятно, что проведение в жизнь этого положения, возможно было не вместе с интервентами, а помимо и против них. Поэтому руководители Тифлисского Совета поспешили сорвать съезд.

Приближавшийся уход англичан в августе вновь поставил с большей силой перед бакинским пролетариатом вопрос о деникинской опасности. Существовало опасение, что англичане, уходя, заменят себя Деникиным. Перед рабочим классом стал вопрос о подготовке к новой борьбе. Большевистские организации и ЦРК решают провести однодневную забастовку протеста против деникинской угрозы и организовать митинги по районам. Забастовка была назначена на 14 августа. Ее цель заключалась не только в том, чтобы поднять анти-деникинские настроения рабочих, но и разоблачить нежелание азербайджанского правительства готовить решительную борьбу с Деникиным.

В ответ на это, правительство, под предлогом приезда персидского шаха, запрещает забастовку и угрожает применением оружия. Для него срыв забастовки был необходим, главным образом, в связи с переговорами с англичанами. Доказать, что Азербайджан вполне „культурная“ республика и расправляется с рабочими не хуже западно-европейских государств, являлось в этот момент начинающегося включения республики мусаватистов в Британскую империю крайне необходимым. Мобилизуются все для того, чтобы силой сорвать забастовку. Условия ее проведения хорошо описаны в статье большевистской газеты „Пролетарий“, вышедшей взамен закрытого за призыв к забастовке „Молота“:

„Азербайджанские власти постарались: градоначальник объявил, что все „инициаторы“ будут высланы, премьер-министр, очевидно, остался недовольным такой маленькой угрозой, и объявил, что будет применена вооруженная сила.

Эс-эры бегали по районам и запугивали русских рабочих, что мусульмане их не поддержат, а в случае прихода

*) „Искра“, № 117 от 17 июня 1919 г.

своего Деникин будет расстреливать за эту забастовку протеста.

Мусаватисты запугивали мусульман-рабочих, что русские выступают против самостоятельности Азербайджана и провоцируют это выступление, чтобы дать повод Деникину под видом борьбы с большевизмом в Баку занять последний. Агенты Деникина об'ясняли русским рабочим, что „гнет и унижение“, которые они теперь переносят—тому виной Азербайджан, а вот придет Деникин—русская власть—и русским рабочим будет легче.

В день 14 августа рабочий клуб был оцеплен полицией, все рабочие районы были заняты полицией и войсками, вызванными из окрестностей, были установлены пулеметы, а мусаватисты в этот день были вооружены.

Накануне записывали всех бывших в тот день на работе рабочих, на другой день тщательно проверяли, кто из них не пришел, последним угрожало увольнение“.*)

Под соединенными усилиями эс-эров, мусаватистов и азербайджанского правительства забастовка срывается.

„Священный поход“ контр-революционных сил окончился временной победой, но это была в буквальном смысле Пиррова победа. Августовская сорванная забастовка поставила вопрос о переходе к иным средствам борьбы. Изгнать интервентов и уничтожить агентуру их—мусаватское правительство было невозможно одним применением стачечного оружия. Стачка могла потрясти англо-мусаватское господство, но не уничтожить его. Это убеждение—главнейший результат забастовки.

Августовская забастовка кончает период широкой массовой открытой борьбы. Последняя, не переставая быть массовой, уходит в подполье, проявляется в скрытом виде. На очередь дня становится подготовка вооруженного восстания.

*) „Пролетарий“, № 1 от августа 1991 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Азербайджан, Советская Россия и крах английской политики.

Основная задача британских империалистов—ликвидация Советской власти, сказывалась во всех действиях англичан на всех участках противосоветского фронта. В частности, их директивы, даваемые мусаватскому правительству в этом отношении, сводились к активному противодействию каким-либо формам обоюдывыгодных взаимоотношений Азербайджана с республикой Советов. Кратчайший путь к увековечиванию британского господства во всем районе Передней Азии, включая Кавказ с омывающими его Черным и Каспийским морями, лежал через красную Москву. Поэтому первым словом, сказанным британскими интервентами, было категорическое запрещение каких-либо сношений с последней.

Азербайджанское правительство до тех пор, пока оно еще не попало в орбиту британской политики, делало некоторые шаги по завязыванию экономических отношений с РСФСР, поскольку старые торговые связи повелительно требовали их реставрации для удовлетворения неотложных экономических нужд. Однако, под влиянием категорических требований интервентов, оно полностью отказалось от ведения торговли в направлении Астрахани. Только с конца 1919 года начинают слышаться новые нотки в связи с разгромом Деникина, ослаблением позиции англичан и все более рельефно вырисовывающейся перспективой появления Красной Армии на Кавказе. Эта кривая завершается накануне советизации, происшедшей в ночь с 27 на 28 апреля 1920 года, первыми запродажами нефтепродуктов через Центросоюз для РСФСР, что означало крах интервенционистской политики, основанной на полной блокаде и вытекающем отсюда истощении топливных и смазочных ресурсов Советской России. Практического

значения эти сделки уже не имели, так как через несколько дней восставший бакинский рабочий передал в распоряжение соответствующих советских организаций свыше 2¹/₂ сотень миллионов пудов нефтепродуктов, вынужденно накопленных за время английского господства.

Первые сведения об азербайджано-советских отношениях, имеющиеся в нашем распоряжении, правда чрезвычайно отрывистые, относятся еще к ганджинскому периоду мусаватского правительства, т. е. ко времени до захвата Баку турецкими войсками. Это — письмо представителю Азербайджана в Грузии от 13 сентября 1918 года, в котором излагается отношение правительства к некоторым существующим государственно-политическим образованиям. К сожалению, документ наполовину зашифрованный и не представляется возможным восстановить полностью его текст.

Приводим из этого письма места, относящиеся к нашему вопросу:

„Что касается Москвы, то наше желание (шифр) установить связь с Москвой . . . Наше желание жить в постоянной дружбе с Россией вообще, в частности с Советской властью.*)

При всем злобном отношении буржуазно-помещичьего блока тюркской контр-революции к Советской России, бессильная маленькая республика не помышляла о враждебных действиях. Оставьте меня в покое — вот что только хотели мусаватистские заправилы первое время, желая вплотную заняться выгодной и верной операцией по эксплуатации собственных рабочих и крестьянских масс. Во всяком случае эту телеграмму стоит запомнить, чтобы оценить тот переворот, который произошел в сознании мусаватских политиков после появления британского флага на бакинском рейде.

В сентябре того же года, уже после переезда в Баку, велись переговоры в вполне доброжелательном духе с уполномоченным Московского Областного Продовольственного Комитета И. П. Орловым, который имел поручение от советских продовольственных органов организовать товарообмен с Закавказьем.

*) Архив Азистпарта. Фонд МИД. Дело № 1, лист 67, полулист 2.

Дипломатический представитель Азербайджана в Грузии даже направил через того же Орлова отношение в Наркоминдел с предложением обменяться дипломатическими представителями для того, чтобы иметь возможность широко развить товарообмен между Азербайджаном и РСФСР.*)

Нам не удалось выяснить, насколько осуществились предполагаемые товарообменные операции (можно думать, что дело не вышло из стадии предварительных переговоров, но самый ход переговоров и относящаяся к ним переписка показывают, что азербайджанское правительство, озабоченное продовольственным вопросом и снабжением страны предметами фабрично-заводского производства, вполне искренно сочувствовало организации постоянных торговых сношений с Советской республикой.

Это, так сказать, предистория исследуемых нами в этой главе отношений. Появление в ноябре 1918 года войск его величества короля Великобритании совершенно меняет картину. Основной тон задает уже не терроризированное мусаватское правительство, стоявшее в позе „чего изволите“, а генерал Томсон, который на все попытки продолжать налаживание торговых взаимоотношений наложил свое солдатское вето.

Мы знаем уже из второй главы, что британское командование запретило всякое движение по Каспийскому морю севернее линии Петровск—форт Александровск и об'явило, что будет рассматривать неисполняющих это приказание суда, как враждебные, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поскольку весь военный флот находился в английских руках, совершенно ясно было, что Томсон имел достаточно сил для полной реализации своей угрозы.

18 декабря 1918 года публикуется его *profession de foi*—программа, которую английский генерал предложил всем народам Кавказа. Обращенная к населению Северного Кавказа, она в такой же степени относилась и к Закавказью. В виду того, что эта прокламация намечала политику британского командования в части его антисоветской, контр-революционной деятельности, мы приводим ее целиком:

«Заняв гор. Баку, во главе английских войск, я нахожу необходимым обратиться к народам Северного Кавказа, которые борются с коварными соблазнами большевиков.

*) См. Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 14, листы 3, 68, 73, 77, 79.

Большевизм изобретен германцами для уничтожения России. В настоящее время большевизм угрожает и самим германцам в их собственной стране. Зная, что большевистская анархия не приносит народам свободы, германцы энергично борются с ней.

Разбив общего врага на полях сражения, англичане и их союзники нашли необходимым оказать помощь России в деле восстановления порядка. Те войска, которые находятся под моим командованием в г. Баку, являются лишь передовой частью союзной армии, которая в скором времени займет Кавказ. Наша обязанность охранять порядок во всей стране и помогать местным народам в деле уничтожения большевизма.

Поэтому я призываю вас: соединяйтесь и боритесь с большевизмом во всех его видах. Будьте уверены, что союзникам, которые разбили Германию, не трудно будет помочь вам водворить у себя дома порядок и жить в мире и благоденствии.

Существуют вопросы, по которым вы не ладите между собой; они порождают распри, которые тянутся уже целые века. Не пришло время обсуждать эти вопросы: все они будут разрешены на предстоящей Всемирной Конференции.

А теперь у нас общее дело: боритесь с большевизмом и анархией совместно—в единении сила. Союзники—враги большевизма. Они находятся здесь, чтобы обеспечить справедливость и мир для всех. *)

Итак, „изобретенный германцами для уничтожения России большевизм“—вот враг. Поддержка союзников обеспечена только тем, кто будет вести активную борьбу против большевиков. И для этого—единый антисоветский фронт. Споры прекратить, все равно все вопросы будут разрешены конференцией Антанты. Такова программа Томсона, таково политическое кредо английского генерала.

Для оценки действия этого документа нужно сказать, что успехом на Северном Кавказе он не пользовался. Зато в Закавказье, в Грузии и Азербайджане, прокламация Томсона получила живейший отклик. Меншевистская Грузия и мусаватский Азербайджан быстро сошлись во мнениях с английскими генералами, и первые заявления и проекты завязыва-

*) „Азербайджан“, № 63, от 18 декабря 1918 г.

ния взаимоотношений с Москвой, сменились враждебными и злобными взглядами.

А несколько позднее, после майской забастовки, поставившей конкретно в поле зрения мусаватских политиков пролетарскую республику, официоз правительства категорически заявлял, что Советская Россия не меньший враг, нежели угрожающий поглотит Азербайджан Деникин. По мнению газеты, империализмом пахнет одинаково и от Деникина и от Советов. Необходима твердая враждебная политика против Советской России, как и против ее агентов—бакинских большевиков. *) Такое отношение красной нитью проходит через весь 1919 год. Инспирируемое англичанами, подталкиваемое своим классовым положением, ошеломленное бурным ростом симпатий бакинских рабочих к большевизму, мусаватское правительство со смешанным чувством следило за успехами советских войск в конце 1919 года, которые как будто бы уничтожили деникинскую опасность, но одновременно создавали еще горшуню.

Поэтому, несмотря на все пережитые от Деникина неприятности, по отношению к русскому белогвардейскому движению устанавливается дружелюбный тон по мере того, как разгром Деникина Красной Армией заставляет объединяться все контр-революционные силы против общего врага.

Конечно, белых ругают, доказывая, что они сами подготовили себе гибель своею непримиримой политикой по отношению к окраинам. Конечно, радуются, что период ультиматумов прошел. Но при всем том протягивается рука дружбы к бывшему противнику перед лицом рабоче-крестьянской армии. Общность социальной базы деникинского и азербайджанского правительства сказались. Передовица „Азербайджана“ от 28 декабря так прямо и ставит вопрос:... „не исключена возможность и такой ситуации, когда у нас с добровольцами окажется о б щ и й в р а г“... (подчеркнуто нами. А. Р.). **)

*) „С точки зрения Азербайджана,—читаем в газете,—для трезвого человека, способного логически мыслить и зрело рассуждать „из кожи не надо лезть“, чтобы доказать, что Деникин и Советская Россия одно и то же, т. е. тот же империализм, жаждущий поглотить Азербайджан“. „Что ни левая ни правая, Россия не могут отказаться от Азербайджана, другими словами от Баку, это истина, тысячу раз повторена...“ „Азербайджан“, № 139 от 24 июня 1919 г.

**) „Азербайджан“, № 282 от 28 декабря 1919 г.

То, чего добивались англичане летом этого года, когда генерал Хольмен безуспешно требовал посылки на помощь Деникину живой силы азербайджанской армии, очень легко могло получиться через полгода, когда Деникин уже стремительно бежал на юг.

Вопросы будущей борьбы с советскими войсками с декабря становятся на первый план. Английские представители развивают бешенную энергию по подготовке отпора Красной Армии, которая угрожала свести на нет все предшествующие достижения британского империализма. Постоянным импульсом для их деятельности были сведения, получаемые из всех пунктов при помощи, в частности, знаменитой „Интеллидженс Сервис“, остатки деятельности которой в Баку имеются в местных архивах, говорящие о наличии революционных настроений на всем протяжении азиатских владений Англии, в особенности же в Персии.

Так как грузинское правительство вообще было более решительно и активно, то организация нового противосоветского фронта началась с Тифлиса, но получила вполне сочувственный отклик в Баку. Ниже мы приводим шифрованную телеграмму зам. дипломатического представителя Азербайджана в Грузии Векилова, полученную в Баку 4 января 1920 года. В ней полностью вскрывается суть противосоветских наступательных планов закавказских республик.

„Вчера, в разговоре со мной, — гласит телеграмма, — Гегечкори выражал опасения, что горцы в ближайшие дни провозгласят независимую Горскую Советскую Республику. Он подчеркнул то обстоятельство, что Нури-Паша работает солидарно с большевиками. По мнению Гегечкори, создается серьезная опасность для Грузии и Азербайджана, а потому необходимо принимать солидарно решительные меры. Он находит, что необходимо скорее пропустить посланные отсюда грузинские отряды, задержанные в Баку и усилить их нашими добровольцами. Кроме того, Гегечкори полагает, что надо готовиться к совместным военным действиям на Северном Кавказе для защиты не только себя, но и горцев от большевиков. С этой целью грузины займут Владикавказ, а мы — Дагестан. В разговоре с иностранцами Гегечкори подготавливает почву

к таким активным действиям. Он очень просил сообщить взгляды нашего правительства по этим вопросам и, главным образом, по вопросу о турецко-большевистских планах (подчеркнуто нами).*)

Упоминаемые грузинские отряды, задержанные в Баку, были направлены из Тифлиса еще тогда, когда борьба против Деникина казалась необходимой меньшевикам. Поскольку ситуация изменилась, Гегечкори предполагал их использовать для иных целей, а именно—для борьбы с подступающей Красной Армией и с победоносным дагестанским восстанием, окрашенным в большевистские тона. Обращает на себя внимание активный, наступательный характер плана Гегечкори. Грузинские меньшевики уверенно готовились к агрессивным действиям против той самой Советской России, которой они заявляли о желании жить в дружбе.

Отношение мусаватского правительства к предложению Грузии было тем более благожелательным, что мечты о Дагестане с течением времени не исчезли. Положение Добрармии становилось все более критическим и вскоре можно было ожидать полную ее эвакуацию с Северного Кавказа. Уже 12 декабря Добровольческое командование предложило революционному „Совету Обороны Дагестана“ мир, на условиях признания его в качестве правительства и очищения территории добровольцами за исключением железной дороги до Петровска. Поэтому через два дня после получения телеграммы Векилова принимаются конкретные меры для реализации выдвигаемого Гегечкори предложения. На том самом заседании Комитета Государственной Обороны от 6 января, на котором обсуждалась первая радиограмма тов. Чичерина с предложением военного союза против Деникина**), выносится решение по вопросу о Дагестане: „Послать в Дагестан политически подготовленных лиц для направления общественной мысли в интересах Азербайджана и для руководства нашими деятелями в Дагестане и отправить военную силу для защиты свободы Дагестана“ (подчеркнуто нами А. Р.).***)

Совершенно очевидно, что речь шла в январе не о том,

*) Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 25, лист 17, полулисты 1 и 2.

**) См. ниже.

***) Азгосархив. Фонд Военного Министерства. Дело № 51, лист 62.

чтобы силой оружия выбить и так уходящих добровольцев, а о создании фронта против Советской России.

В вышеприведенной телеграмме Векилова интересна фраза о переговорах с „иностранцами“. Под этим термином скрывался верховный британский комиссар Оливер Уордроп вместе со своими коллегами, представлявшими других членов Антанты. В этот период, как впрочем и раньше, ничего не предпринималось закавказскими „независимыми“ республиками без санкции Уордропа. Последний мог быть довольным. Английские усилия не пропали даром. „Закавказский кордон“ приводился в движение и Красной Армии противопоставлялась британская грузино - азербайджанская полуколониальная армия. Мы имеем, однако, некоторые основания полагать, что радость англичан была не особенно велика, так как они знали действительную силу этой армии. Поэтому, они, со своей стороны, когда выяснилось, что Деникин оканчательно разбит и Северный Кавказ им очищается, сделали подготовительные шаги, чтобы собственной армией преградить доступ надвигающейся советизации Закавказья и иметь возможность, в случае новой ситуации, повести наступление против Сов. России. Но для этого нужно было оттянуть елико возможно столкновение местных республик с советскими силами. Поэтому, когда намерения азербайджанского правительства дошли до сведения Уордропа, то последний предложил отказаться от оккупации Дагестана. „Что касается вопроса о Дагестане,—писал он Фатали Хан-Хойскому,—то я бы не советовал предпринимать каких либо движений за пределы нынешней границы Азербайджана“. Учитывая, что занятие Дагестана даст лишний повод для столкновения с Красной Армией, которое может окончиться занятием и самого Азербайджана, он убеждал правительство последнего, что „какие бы то ни было очевидные для данного момента военные преимущества имели бы весьма временный характер и далеко не уравнивали бы всех осложнений, которые неизбежно появились бы впоследствии“.

Задача английских представителей, как мы уже говорили, заключалась в такой ориентировке политики закавказских правительств, чтобы последние, до тех пор, пока не получают помощь от новой интервенционной армии, не форсировали бы возможного рокового для них столкновения с Красной Армией.

Это ни в малейшей степени не означает, конечно, что англичане вели действительно мирную политику, рассчитанную на добрососедские отношения Азербайджана с Советской Россией. Совсем наоборот. Английские дипломаты исходили из более чем вероятного, крайне желательного и подготавливаемого ими столкновения с Красной Армией, но они желали, чтобы эта схватка происходила тогда, когда закавказские республики будут стоять на гранитной основе британских войск.

Всетаки политика лондонского кабинета в этот момент становится особенно неуверенной, рассчитанной одновременно на два исхода. С одной стороны, полный разгром контр-революции, грандиозные победы Красной Армии показали, что дальнейшие ассигнования на вооруженную борьбу против Советской власти есть пустая трата денег. Громадные внутренние затруднения, рост революционных настроений в самой Англии заставляют отказаться от антисоветских авантур и сконцентрировать все внимание на внутренних делах. Это выражается между прочим, в январском (1920 года) решении Верховного Совета союзников о снятии блокады с Советских республик. А еще с конца 1919 года велись переговоры т. Литвиновым с представителем Англии О'Треди в Копенгагене.

И тем не менее, одновременно с первой линией, лондонский кабинет, в котором недавно Бальфура на посту министра сменил пресловутый Керзон, не отказывается полностью от политики интервенции, подготавливая ее, как чисто военными мероприятиями, так и путем излюбленного английской дипломатией союза с реакционными элементами, в данном случае Закавказья.

В недрах штабов разрабатываются планы повторной оккупации всего Закавказья, всей линии Батум—Тифлис—Баку. Этот новый прыжок британского льва должен был окончательно упрочить положение Закавказья, вдохнуть энергию в местные правительства и создать действительную силу, которая смогла бы противостоять Красной Армии. Как известно, никто не разоблачает некрасивые проделки империалистов лучше их самих, когда дело идет о соперниках. В нашем распоряжении находится текст радиogramмы, посланной французским радио по поводу подготовки этой новой интервенции. Мы знаем, что французы отрицательно относились к захвату англичанами Кавказа и кавказской нефти. Уже первый год интервенции

Англии в Закавказьи показали им, что господство англичан означает полное вытеснение французов. Поэтому последние с особым удовольствием разгласили по всему миру новую проделку своих „союзников“. Вот, несколько длинный, текст их разоблачения:

„Англичане,—гласило радио из Лиона от 21 января 1920 года,—лихорадочно доводят до конца приготовления для посадки на суда десяти тысяч солдат для отправки на Кавказ. Между англичанами и большевиками происходит бег взапуски —кто скорее достигнет железной дороги Батум—Тифлис Баку. Ллойд-Джордж принудил французов к уступке и настоял на том, чтобы французские войска заменили английские, находящиеся в Германии, для того, чтобы английские войска отпавись на Кавказ. Ллойд-Джордж добился этого путем угрозы, что если французы откажут, он немедленно сделает Советской России мирное предложение. Никто другой так жизненно не заинтересован в закрытии доступа на Кавказе, как англичане. Если большевики прорвутся и начнут просачиваться в Персию, английское правительство боится, что его господство в Персии рухнет, так как и в Персии и на Кавказе уже и теперь созрело серьезное враждебное настроение против англичан. Если большевики просочатся сквозь Турцию, они могут оказаться серьезной угрозой для Мессопотомии и могут прорезать железную дорогу Константинополь—Багдад. На этот раз Ллойд-Джордж и Черчилль идут за одно в этом предприятии. Снаряжение, продовольствие, одежда, ружья, амуниция, пулеметы, аэропланы, танки, топливо отправляются в Баку, а находящиеся там английские части начинают обучать местное грузинское войско борьбе против большевиков. Приз, к которому стремятся англичане—это крупный нефтяной центр—Баку.*)

Причины, побуждавшие правительство Ллойд-Джорджа и Керзона помешать во что бы то ни стало провозглашению советской власти в Закавказье, обрисованы не плохо. Красноармеец в центре Передней Азии был кошмаром британских министров, каковым, впрочем, остается и поднесь. Не имеет значения насколько точны все подробности данного сообщения („Грузины в Баку“ и др.). Антантовские империалисты позволяли себе роскошь путать названия малых народов. Правильно ли основное сообщение о подготовке к новой интервенции? Это

*) „Азербайджан“, № 17 от 25 января 1920 г.

пытался оспорить полковник Стокс, бывший представителем верховного британского комиссара в Азербайджане. Он заявил, что ни Уордроп, ни он не получали никаких сведений, касающихся этого факта и что он предполагает что сообщение является неправильным. Но Стокс не мог не знать, что в Батуме в это время высаживались английские войска, якобы для смены выезжающим в Англию;*) он не мог не знать, что желание британского правительство, которое оно, правда, с колебаниями проводило, заключалось в том, чтобы Батум не передавать ни Грузии, ни Азербайджану, а обратить в английскую базу на Кавказе и в Черном море. Для того, чтобы окончательно убедиться в отсутствии подготовки новой войны невинно-оклеветанными англичанами, приведем выдержку из письма мининдела Азербайджана председателю делегации в Париже Топчибашеву. Говоря о ситуации, получившейся из за разгрома Деникина, он писал следующее:

„Создавшееся положение в связи с приближением Красной Армии заставляет нас выяснить вопрос о той военной помощи, которую англичане могли бы нам оказать. В этом направлении я веду переговоры с Уордропом через полковника Стокса. По имеющимся сведениям Уордроп по этому поводу снесся с Лондоном, откуда ждет указаний, в виду этого и вам надлежит в этом направлении предпринимать некоторые шаги“ (подчеркнуто нами. А. Р.).**)

Мы видим, какова истинность „опровержений“ Стокса. Как британский кабинет, так и его представитель в Закавказье развивали бешеную энергию в направлении противоположном тому, о чем говорил Стокс. К этому теперь мы переходим.

*) Член грузинской делегации З. Авалов сообщает о громадной шумихе, поднятой как раз в этот период в связи с посылкой новой 200-тысячной интервенционной армии. Этот проект в конце концов был отставлен. См. З. Авалов. Независимость Грузии в международной политике, Париж 1924 г., стр. 244 и след.

**) Архив Азиспарта. Фонд МИД, Дело № 11 лист 145, полулист 2. Отметим, что в это время англичане энергично собирали сведения о военных материалах, необходимых азербайджанской армии для борьбы против Советской России. Приводим один из документов: „Секретно. Срочно. Господину полковнику Стоксу, офицеру английской политической службы. При сем препровождаем ведомость о составе Азербайджанской армии и Дополнение к Артиллерийской ведомости, а также опись инвентаря и материалов, нужных для Бакинского Военного порта. Тов. министра иностранных дел Хали Текинский“. Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 268, лист 1. Подобных документов имеется не малое число.

Но прежде чем описывать ту подготовительную работу по организации новой интервенции, которая велась в Париже и Лондоне, мы остановимся на вопросе относительно признания Азербайджана и Грузии Антантой.

Для мусаватской республики вопрос о признании всегда является крупным внутри-и вне-политическим фактором. Вопрос о признании довлел над всей деятельностью азербайджанского правительства, начиная с самого момента его образования. Как мы помним, еще в самом начале английской интервенции произошел комический эпизод, когда полупризнание мусаватского правительства со стороны британского генерала было воспринято, как официальное и полное признание со стороны английского правительства. Генерал раз'яснил неопытным политикам тонкую разницу, и мусаватисты поспешили публично извиниться, заявив что произошла ошибка. Весь 1919 год прошел в бесплодных попытках добиться „синей птицы“, никак не дающейся в руки. И только в 1920 году вопрос перешел в свою окончательную стадию. Этим мусаватское правительство всецело обязано под'ему революционной волны в Азербайджане и приближению к Закавказью Красной Армии, что послужило энергичным стимулом для лондонских политиков, спохватившихся, что признание Азербайджана и Грузии является необходимой предпосылкой для продолжения контрреволюционной борьбы.

12 января Уордроп передал министру иностранных дел Грузии*) следующее уведомление: „Лорд Керзон предложил Верховному Совету признать фактически независимость Грузии и Азербайджана. Предложение лорда Керзона принято единогласно“. **)

Произошло ли действительно признание де-факто? Несмотря на некоторые противопоказания, это несомненно.

Каковы эти противопоказания? Дело в том, что кроме этой „выписки из протокола“, никаких иных документов не

*) Непосредственное обращение Уордропа к азербайджанскому правительству с сообщением о признании нами не найдено ни в газетах, ни в архивах, но имеется указание, что Уордроп сообщил о состоявшемся акте представителю Азербайджана в Грузии с просьбой передать своему правительству. (См. Азгосархив. Фонд диплом. миссии в Грузии. Дело № 74, лист 31). Поэтому мы приводим текст, переданный Грузии, поскольку он, по всей вероятности, был стереотипен.

**) „Азербайджан“, № 8 от 13 января 1920 г.

было опубликовано. Признание со стороны главнейших заправил совета, как отдельных государств, так же не последовало. Таким образом, некоторые полагают, что вообще признание как определенный юридико-политический факт, представляло из себя чистый апскриф. Так ли это?

В газетах того времени было напечатано много фактов, косвенно подтверждавших решение Антанты. Например, в номере „Азербайджана“ от 15 февраля сообщалось, что азербайджанская делегация в Париже получила уведомление от японского правительства, которое „присоединяется к правительствам английскому, французскому и итальянскому в признании де-факто Азербайджанского правительства“. *) Италия некоторое время спустя даже назначила формально своего дипломатического представителя аккредитованного одновременно при правительствах Грузии и Азербайджана. Таким образом, эта сторона дела является, на наш взгляд, бесспорной.

Решение Верховного Совета означало определенную оценку положения. Исходной точкой была предпосылка о невозможности уничтожения Советской России.***) Мысль о восстановлении буржуазно-помещичьей России потускнела. Надежды на возможность удержать даже Северный Кавказ были минимальны. ***) Следовательно, Верховному Совету приходилось действовать по пословице—„Не до жиру, быть бы живу“. Надо спасти хотя бы Закавказье. Это обстоятельство сломало бывшее до сих пор сопротивление Франции, и Керзону удалось провести в Верховном Совете свои планы. Азербайджан и Грузия получили признание, хотя только де-факто. Ненавидящие республику Советов, они именно благодаря ей получили страстно просимое вот уже свыше года. Такова диалектика политической борьбы. Не разбей Красная Армия Деникина, нужно полагать, кавказские республики не получили бы так легко формальный титул на существование от Антанты.

В самом деле. Для чего нужно было Керзону и Ллойд-Джорджу добиваться скорейшего признание этих республик?

*) „Азербайджан“, № 30 от 15 февраля 1920 г.

**) По времени, решение о признании Азербайджана и Грузии и отмена блокады Советской России, совпадают.

***)) Решение Верховного Совета было принято 11-го января, после занятия Красной Армией Ростова.

Ведь до сих пор игра этим актом давала сильнейшее оружие в руки английских дипломатов, которым они могли добиваться осуществления своих планов по закабалению Закавказья. Раз данное признание уничтожило это средство политического давления. Но тут пришло время от него отказаться. Дело заключалось в том, что лондонский кабинет пустился в более крупную игру. Мелкие интриги с азербайджанским правительством отошли на задний план, так как надо было спасти положение от Красной Армии. Керзон внес предложение о признании для того, чтобы иметь повод вмешаться в столкновение между Советской Россией и мусаватской „независимой“ республикой. Ему было, конечно, понятно, что вопрос будет решаться не юридическими формулами, а реальным соотношением сил. Но юридический титул развязывал Англии руки перед остальными членами Антанты в отношении возможного будущего столкновения, так как британские войска выступили бы по внешности, как и в случае с Бельгией в 1914 году, не из за своекорыстных соображений, а как бы на защиту прав народов, признанных всем „культурным человечеством“ и попираемых большевиками. Таким образом, как мы видим, „великодушный“ акт версальских миротворцев означал ни что иное, как дипломатическую подготовку новой войны против РСФСР. И так как этаготавливаемая война между Англией и Советской Россией из за Закавказья, по мнению мусаватистов, являлась гарантией от опасности советизации, то понятна та шумная радость, которую выражала контр-революционное правительство тюркской буржуазии и помещиков по поводу такого крупного акта подготовки к грядущему столкновению.

Эта радость не имела, однако, резонанса в стране. Манифестации в Баку по поводу признания Азербайджана Антантой собрали очень немногочисленную публику, главным образом лавочников, националистически настроенную интеллигенцию, чиновников и пришедшую по приказу армию.*) Весь бакинский пролетариат твердой стопой шел по иному пути, руководимый подпольной организацией коммунистической партии.

Сейчас же после признания, помимо накопления военных

*) А. Г. Караев. Из недавнего прошлого, стр. 97.

сил в Батуме,*) усиливается широкая подготовка по организации всех противобольшевистских сил. Агенты английского правительства развивают бурную деятельность для того, чтобы добиться безоговорочного решения местных республик организовать отпор Красной Армии и предоставить свою территорию в качестве плацдарма для разворачивания английской интервенционной армии. Понятно, что полностью вскрыть детали этой „подпольной“ работы не представляется возможным, так как секретные архивы (напр., архив совета министров) заблаговременно были уничтожены или вывезены. Но те материалы, которыми мы располагаем, проливают достаточно яркий свет на скрытую работу по организации нападения на Сов. Россию. Эти факты приобретают еще большую пикантность, если принять во внимание, — как мы далее покажем, — что в это же время мусаватисты (как и грузинские меньшевики) заверяли последнюю в том, что единственное их желание жить с ней в мире.

Для того, чтобы выяснить детальную картину этой подготовки нам придется опять перечести свое внимание на берега Сены и Темзы.

Прежде всего отметим, что когда 15 января представители закавказских республик были приглашены во французское министерство иностранных дел к Камбону для выслушивания решения Верховного Совета о признании, то там велась также беседа относительно обороноспособности только что „признанных“ республик. Главным вопрошателем, как можно было догадаться, являлся английский представитель Филипп Керр, слывший одним из важнейших вдохновителей и советников Ллойд-Джорджа.**)

Как это часто бывает, для прикрытия наступательных планов империалистов, газеты подняли в этот момент бешеную кампанию о военных приготовлениях большевиков в Тур-

*) Хотя с Батумом колебались, но он все время не выпускался из английских рук. Официально британская оккупация датируется с 17 октября 1919 года. 18 декабря Ллойд-Джордж в палате общин сообщил о предполагаемой эвакуации. 10 февраля вновь объявил о быстрой эвакуации. 13 февраля официальное сообщение о том же; 18-го первый лорд адмиралтейства объявил в палате общин, что эвакуация началась, но не закончена; и, наконец, 23 февраля — сообщение об отмене эвакуации. См. З. Авалов. Независимость Грузии в международной политике. Париж, 1924, стр. 259.

**) З. Авалов. Указанное сочинение, стр. 241 и сл.

кестане и других местах, прилегающих к зоне британских интересов. „Таймс“, испуская вздох радости по поводу признания, заявлял следующее: „Невозможно, чтобы союзники допустили разрушение посредством нападения или путем большевистских заговоров фактической независимости, уже два года как приобретенной народами, живущими вокруг России в собственном смысле слова. Это приложимо не только к национальностям балтийским. Начало это относится также к народам кавказским, чья позиция чрезвычайно важна и чрезвычайно открыта в момент, когда замечается устремление большевиков в сторону Турции, Персии и Индии“. *)

Это писал «Таймс» 14 января, а на другой день вечером неожиданно вызваны были из Лондона и выехали в Париж, где заседал Верховный Совет, британский военный министр Черчилль, фельдмаршал Генри Вильсон, первый лорд адмиралтейства Ланг и адмирал Битти. 17 января представитель Грузии и Азербайджана пригласили на совещание к Вильсону, на котором присутствовал Битти и несколько штабных офицеров армии и флота. Предметом продолжительного обсуждения была угроза советского наступления и выяснение вопроса материальной помощи, необходимой закавказским республикам для отражения Красной Армии. Совещание интересовалось также и организацией военно-морской обороны Азербайджана от Красного флота. 19 января делегатов позвали уже на заседание самого Верховного Совета, происходившее также с большим участием военных специалистов. **) Обсуждение опять шло о силах закавказских республик и о том, какая им нужна помощь для организации дееспособной обороны (обороны ли?), в случае столкновения с Сов. Россией. В этот же период, как мы указывали уже, в печати оживленно дебатировался вопрос о предполагаемой посылке двухсоттысячной армии в Закавказье. ***).

Так как дирижером во всех этих махинациях выступала Англия, то председатель азербайджанской делегации выехал в

*) Цитирую по Авалову, стр. 243.

**) Авалов, бывший на этом заседании в качестве одного из делегатов Грузии, замечает: „Маршал (Фаш), фельдмаршал (Вильсон) и „первый лорд адмиралтейства“ сидят за особым столом, за нами. Какое количество орудийных жерл, штыков, сабель, торпед и пр. у нас в тылу, спрашиваю я соседа“. Мусаватисты и грузинские меньшевики добивались, чтобы эти пушки и торпеды находились у них за спиной не фигурально, а реально.

***) Там же, стр. 243 и след.

Лондон, где должно было окончательно оформиться соглашение. Официальным мотивом его поездки выступало ходатайство о признании Азербайджана де-юре, а также обсуждение вопроса о конфедерации трех республик Закавказья.

Мы полагаем, что эти вопросы действительно обсуждались, но они теснейшим образом связаны с организацией анти-советского блока, который являлся центральным вопросом для английской дипломатии. При этом, если признание де-юре Азербайджана являлось, с точки зрения последнего, предпосылкой его вступления в анти-советский союз, то английская дипломатия предлагала это признание в качестве цены за образование общекавказской федерации, которая, в свою очередь, рассматривалась как необходимое предварительное условие создание анти-советского фронта—главной цели британской дипломатии. Таким образом, как, впрочем, часто бывает, центральное место переговоров, с которым—по немецкой поговорке—стояли и падали остальные вопросы, не упоминается. Но от этого оно не становится несуществующим.

Совещание Верховного Совета с закавказскими делегатами также не осталось бесплодным. Основное решение, которое было принято, гласило, что в случае нападения на указанные республики извне (читай: Советской России. А. Р.), Совет гарантирует подвергшимся нападению государствам материальную помощь.*) Решение это чрезвычайно важно. Им предreshалось согласие всей Антанты на новую британскую интервенцию и этим завершалась дипломатическая подготовка ее в Европе. Такое постановление, с другой стороны, проводили сами закавказские республики на политику задиранья, так как, во-первых, при любом столкновении последние могли быть уверены, что Антанта признает нападающей стороной Советы, а, во-вторых, обязательство оказывать им помощь, создавало иллюзию, что они находятся под защитой стальной стены. Без сомнения, если бы мусаватский режим, гнилой сверху и до низу, не рассыпался под ударами бакинских рабочих так катастрофически быстро, то мир был бы свидетелем новой попытки оккупировать Закавказье со стороны британского империализма.

Конечно, закавказские политики опровергали тот факт, что они дали согласие играть роль оперативной базы пред-

*) Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 268, лист 2.

полагаемого наступления против Сов. России. Топчибашев и Чхеидзе обратились даже со специальным раз'яснением в печати о том, что они думают только об обороне.*) Однако, после совещания Верховного Совета, вся европейско-американская пресса в один голос заявляла, что такое соглашение было получено. Топчибашевы и Чхеидзе возможно говорили о защите, но сидевшие на заседании Верховного Совета маршалы и адмиралы, все эти Фоши, Вильсоны и Битти думали о наступлении. И если бы ситуация сложилась несколько иначе и соглашение вступило бы в действие, то нет никаких сомнений, что решали бы вопрос не слова Топчибашевых, а приказания Вильсонов и Фошей.

В конце концов, несмотря на энергичную подготовительную деятельность, от наступательных планов пришлось отказаться, проекты новой интервенции сдать временно в архив и все усилия направить на то, чтобы организовать уже существующие анти-большевистские силы.

Тут опять на первый план выплыл вопрос о соглашении остатков деникинской армии с закавказскими республиками. Видя, как трещит по всем швам деникинский фронт, англичане делают отчаянные попытки примирить все силы, которые можно использовать в борьбе против неудержимой красной лавины. На Деникина, с одной стороны, на закавказские республики, с другой, производится давление для того, чтобы сблизить обе, до сих пор враждебные силы. Если до конца 1919 года отношения их были ярко антагонистичными, то появление общего врага, одинаково опасного, как для русского белогвардейца, так и для националистической контр-революции, сделало «чудо» и толкнуло их на все более нарастающее сближение.

Мы уже приводили характерную выдержку из официоза азербайджанского правительства, в которой указывалось, что не исключена возможность военной кооперации с Деникиным против Советов. С другой стороны, Деникин, под давлением катастрофического положения на фронте и требования Антанты, идет на значительные уступки. В своей февральской речи на верховном круге Дона, Кубани и Терека он сделал следующее заявление:

*) „Азербайджан“, № 67 от 3 апреля 1920 г.

„На предложение союзников определить свои отношения к окраинам я дал определенный и ясный ответ:

1) Я признаю самостоятельность существования фактических правительств окраин, ведущих борьбу с большевизмом.

2) Установление будущих взаимоотношений окраин к России совершится путем договоров обще-русского правительства с окраинными правительствами, при этом допускается посредничество союзных держав“ (подчеркнуто нами. А. Р.). *)

Эта декларация, фактически предreshавшая от имени контр-революционной России независимость Закавказья, передававшая урегулирование отношений с ним в руки Антанты, показывает предел,—вернее, с точки зрения прежних взглядов, беспредельность,—уступок, на которые шел Деникин по настоянию англичан, для того, чтобы дать им возможность сколотить блок против Сов. России.

Для переговоров относительно военного сотлашения в Азербайджан и Грузию в марте выехала делегация верховного круга Дона, Кубани и Терека («демократический» псевдоним делегации Деникина) во главе с П. И. Ковалевым. Понятно, что материалы об этих переговорах чрезвычайно скудны. В азербайджанских архивах о них ничего не осталось. Но маленькая заметка относительно характера переговоров в Тифлисе проливает свет на аналогичные совещания в Баку.

„Совещание»,—сообщалось в этой заметке,—поставило три вопроса:

1) О снятии блокады с Грузии и о восстановлении экономических и почтово-телеграфных сношений.

2) О ликвидации всех затруднений, созданных крестьянским восстанием в Черноморье и на территории горских республик.

3) О формах помощи казачеству стороны Грузии в деле борьбы с большевизмом.“ **)

Уже сама постановка вопроса говорит за себя: Закавказские республики не отказывались вступать в переговоры от-

*) „Азербайджан“, № 28 от 13 февраля 1920 г.

**) „Азербайджан“, № 45 от 6 марта 1920 г.

носителем помощи белогвардейцам в борьбе против Советской России. И после этого они, с ясным лбом, утверждали, что все их помыслы вращаются вокруг нейтралитета, что они хотят жить в дружбе с „братьями на Севере“ („Азербайджан“). В этой же заметке сообщалось, что переговоры велись не безуспешно. Призывы Деникина находили себе отклик в Баку и Тифлисе. Так, напр., грузинские меньшевики самым открытым образом пошли на предательство крестьянского черноморского восстания. „Относительно Черноморья,—гласила заметка,—постановлено: Грузия и Кубань одновременно должны принять все меры к ликвидации затруднения (конечно, деникинских. А. Р.) на Черноморье, но исключительно путем переговоров, соглашений, оказания продовольственной и финансовой помощи“. Такова была „нейтральная“ позиция закавказских „демократических“ республик в историческом споре социалистического рабочего государства против генеральской контр-революции.

Финалом азербайджано-деникинских отношений являлась та трогательная дружба, которую высказывало азербайджанское правительство окончательным разбитым остаткам Добровольческой армии. Начиная с марта, в Азербайджан начали прибывать эшелоны деникинской армии, которые должны были быть, согласно международным правилам, интернированы. Однако, дело обстояло несколько, иначе. Деникинцы сдавали оружие и после этого, заботами английских представителей, переотправлялись в Крым. *) Надо полагать, что и оружие бы они не сдали, если бы не желание англичан этим самым несколько укрепить азербайджанскую армию, сильно страдавшую от его недостатка. Во всяком случае, всякие разговоры о нейтралитете после того, как не было принято никаких мер для действительного интернирования белогвардейцев, являлись сплошной фальшью. Мусаватисты оставались верными себе, т.е. партией английских анти-большевистских прислужников.

После того, как мы выяснили влияние разгрома Деникина Красной Армией на изменение отношений последнего с за-

*) Приводим один из документов, показывающих эту сторону мусаватской деятельности. Министр внутренних дел пишет 5 апреля мининделу „срочное и секретное“ отношение: „Прошу Вашего срочного распоряжения о сношении с Правительством Грузии о возможности эвакуации интернированных частей Доброармии через Грузию в Батум и Поты“. Азгосархив. Фонд МИД, Дело № 285, лист 9,

кавказскими республиками в смысле организации единого фронта борьбы и вскрыли кипучую подготовительную деятельность в этом направлении англичан, мы приступаем к изложению тех непосредственных отношений, в которые вступила Советская республика с мусаватским правительством. Эта последняя фаза мусаватской траги-комедии опять таки стоит в теснейшей связи с планами британского империализма, который диктовал уже агонизирующему азербайджанскому правительству выгодную ему (империализму) линию.

Историческая судьба мусаватской республики была предопределена непрерывным ростом революционных настроений азербайджанских рабочих и крестьян. Но, с точки зрения последних, поворот внешней политики Азербайджана в направлении против Деникина, являлся бы громадным плюсом. Он означал полный разрыв с британским империализмом, крах интервенционистской политики последней. Он означал, далее, быстрейшую ликвидацию контр-революции, как на Северном Кавказе, так и в Азербайджане, потому что создавал бы громадный политический подъем рабоче-крестьянским масс, который открывал возможность приступа к немедленной ликвидации господства буржуазно-помещичьей контр-революции в Азербайджане.

С точки зрения чисто военной, выступление Азербайджана, а также Грузии, к которой одновременно обратилось советское правительство, означало некоторую помощь, так как оно ускорило бы окончательную ликвидацию Добровольческой армии и не дало бы возможности перебросить ее остатки через Азербайджан и Грузию в Крым. Все эти обстоятельства побудили советское правительство обратиться к Азербайджану с нотой о совместном выступлении против еще не добитых белых армий.

Это первое обращение, подписанное наркоминделом Чичериным, мы приводим целиком:

„2-го января 1920 года. Созданная героическими усилиями рабочих и крестьян России Красная Армия разбила Юденича и Колчака и наносит сокрушительный удар белогвардейским бандам царского генерала Деникина, отступающего в беспорядке к Ростову на Дону. Нанося последние удары монархической контр-революции, правительство РСФСР обращается к Азербайджану с предложением вступить в немедлен-

ные переговоры с советским правительством о заключении военного соглашения между обоими командованиями, имеющего целью ускорить добивание белогвардейских армий юга России. Советское правительство считает необходимым указать, что южная контр-революция является смертельным врагом не только Российской советской республики, но всех малых народов, входивших в состав бывшей Российской империи. Деникин враг не только русского рабочего и крестьянина, но и грузинского и азербайджанского. Мы уверены, что рабочие и крестьяне Грузии и Азербайджана чувствуют в нем своего врага, мы уверены также, что они ждут с волнением того дня, когда белогвардейский заслон между Советской Россией и Кавказом будет сломен и восстановятся отношения между народами, жившими ранее в границах одного государства. Нужно ускорить этот момент, нужно к удару наносимому Деникину с севера рабочими и крестьянами России, присоединить вооруженный удар грузинских и азербайджанских рабочих и крестьян. Мы обращаемся, пока не поздно, к Азербайджану и азербайджанскому народу с призывом начать борьбу против Деникина. Правильно понятые интересы азербайджанского государства и социально-политические интересы его трудовых классов должны заставить Азербайджан ответить согласием на наше предложение“.*)

Советское правительство прямо предлагает заключить военное соглашение, долженствующее немедленно наладить совместные действия. Интересы подавляющей массы азербайджанского населения, его рабочих и крестьянских слоев повелительно диктуют принять это предложение. Но иные интересы были у мусаватского правительства и представляемых им классов.

Рассчитывало ли Советское правительство на успех своего предложения, учитывая классовый характер тогдашнего правительства? Трудно ответить на это безоговорочно. Во всяком случае, при всех возможных решениях Азербайджана предложение Чичерина являлось крайне целесообразным. В самом деле. Как мы уже выяснили, принятие предложения о совместных действиях против белогвардейцев означало, во-первых, разрыв с британскими империалиста-

*) Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 285, лист 5

ми, что ослабило мусаватское правительство и, во-вторых, такой грандиозный политический под'ем трудящихся масс, что он затопил бы контр-революционную мусаватскую верхушку. Отказ же от соглашения, который был, впрочем, более вероятен и действительно произошел, вносил значительные элементы разложения в среду азербайджанских партий, создавая колебания и сомнения в правильности этого отказа от соглашения с побеждающей силой, что приводило к неустойчивости и разложению правительства.

Предложение Чичерина и отказ мусаватского правительства давал знамя, вокруг которого коммунистическая партия мобилизовывала массы, вскрывая контр-революционную сущность ориентирующегося на черного генерала и его британских покровителей правительства. Разоблачением истинных мотивов отказа от предложения Советской России коммунистическая партия показывала железную необходимость устранения растленного порядка, когда бывшие злобные враги, поставившие себе целью уничтожение Азербайджана, получают гостеприимное убежище там, где они хотели господствовать силою штыка.

Как только через несколько дней стало известно предложение Советской России, в парламенте поднимается вопрос об этом. Социалистическая фракция вносит 12 января запрос правительству с требованием разъяснить, какие меры принимает правительство в связи с радиотелеграммой из Москвы. *)

Не знаем, что ответило правительство в парламенте, **) но „меры“ оно принимало. В нашем распоряжении находятся два секретных документа, которые проливают свет на решения мусаватистов, находящихся всецело в подчинении англичан.

Первый документ, это постановление Комитета Государственной Обороны от 6 января, принятое по докладу мининдела о предложении Чичерина. Оно гласит следующее:

„1) Предложить Министру Иностранных Дел, после предварительного сношения с Грузией по поводу предложения Советроссии, дать ответ на предложение Советроссии в смысле

*) Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 243, лист 5.

**) В газете „Азербайджан“, где печатались обычно отчеты о заседаниях парламента, нет ни одного слова ни о запросе, ни об обсуждении его, назначенном на 15 января.

готовности Правительства Азербайджанской Республики, как правительства самостоятельного, независимого государства, вступить в переговоры об установлении взаимоотношений с Советроссией.

2) По вопросу об отношениях с Антантой—выяснить отношение Британского Командования к политической ситуации последних дней и использовать влияние Англии в интересах Республики“.*)

Особо интересен § 2 постановления, касающийся англичан. Он средактирован несколько туманно, но, во всяком случае, ясно, что под «политической ситуацией последних дней» подразумевалось именно то положение, которое получилось в связи с предложением Советской России. Полная зависимость политики мусаватистов вырисовывается чрезвычайно выпукло. До последних дней своих азербайджанское правительство решало вопросы только после совещания со своими покровителями.

Второй документ, посвященный предложению Чичерина, это срочная телеграмма министра иностранных дел дипломатическому представителю Азербайджана в Грузии, посланная 7-го января. Адресат ее должен был провести в жизнь поставления Комитета Государственной обороны, приведенное выше. Вот его текст:

«Вчера мною получена телеграмма от Российского Советского правительства вступить с ним в переговоры о заключении военного соглашения для борьбы с Деникиным. Совершенно аналогичная телеграмма получена и грузинским правительством. Прошу немедленно повидаться с Гегечкори и выяснить определенное мнение Грузинского правительства по этому вопросу и те мероприятия, которые оно думает предпринять. Наше правительство находит, что по данному вопросу необходимо установить сугубое единообразие действий между правительствами Грузии и Азербайджана. Пока мы думаем, что следует согласиться вступить в переговоры об установлении взаимоотношений между суверенными государствами Азербайджаном и Грузией, с одной стороны, и Советской Россией, с другой. Повидайтесь немедленно с Уордропом и выясните точку зрения английского правительства и конкретно те

*) Азгосархив. Фонд МИД. Дело № 285, лист 8.

мероприятия и ту помощь, какую Англия может оказать нам немедленно. Полковник Стокс выехал в Тифлис, с ним я подробно говорил. Ответ возможно скорее телеграфируйте". *)

Как мы видим, и здесь всемерно проводится политика единого фронта, пока в его дипломатической форме. „Единообразие действий“ должно означать указание Советской России, что в случае неудовлетворения ее предполагаемым ответом, она встретит единый фронт закавказских республик. О военном соглашении, конечно, азербайджанское правительство и слышать не хотело. Оно хотело только использовать предложение Сов. России для получения от последней своего признания.

Но отказываясь от предложения Чичерина, мусаватское правительство было озабочено вытекающими отсюда последствиями. Готовое идти на организацию анти-советского фронта, оно хотело получить, во-первых, полное одобрение своих действий со стороны английских империалистов, а, во-вторых, подтверждение, что такая его политика, могущая рассорить с Советской Россией, будет поддержана военными средствами англичан в случае столкновения.

Стокс, упоминаемый в телеграмме, как мы знаем, являлся политическим представителем в Баку верховного британского комиссара Уордроп. Таким образом, шаг сделанный Совправительством был немедленно передан в Тифлис Уордропу, последним в Париж, в Верховный Совет, и тот уже как мы уже видели, сделал соответствующие выводы, признав 12 января Азербайджанскую и Грузинскую республики**) и приняв ряд мер чисто военного характера, долженствующих оградить только что признанные республики от „захвата“ со стороны Советов и тем самым оставить их в распоряжение мирового империализма, в первую очередь британского.

Но мало того. Прежде чем послать ответ Советскому правительству, мусаватисты организуют срочные переговоры с Грузией по поводу прошлого грузинского предложения о выступлении на Северный Кавказ. Принимая его полностью,

х) Азербайджан. Фонд МИД. Дело № 285, лист 1.

хх) Как курьез, отметим ту поспешность, с которой проводилось признание в связи с нотой РСФСР. Верховный Совет вынес решение о признании 12 января и Уордроп вручил ноту о признании Гегечкори в тот же день.

азербайджанское правительство сообщает, что оно готовится занять Дагестан и торопит грузинских меньшевиков приступить к северо-кавказской авантюре, чтобы предвосхитить занятие этих областей Красной Армией.*) Однако, как было выяснено выше, англичане неодобрительно отозвались об этой предполагаемой операции закавказских Аяксов и ей не было дано ходу.

14 января, в день празднования полученной от Верховного Совета эфемерной „независимости“, азербайджанское правительство посылает ответ на ноту Советского правительства. Тяжелыми усилиями и жертвами, гласила нота, азербайджанский народ добился своей независимости. Азербайджанское правительство не желает вмешиваться во внутренние дела других народов подобно тому, как оно никому (?) не разрешало вмешиваться в свои (?). Это последнее заявление в устах наиболее проституируемого из всех трех закавказских правительств звучало особенно цинично. Азербайджанское правительство, гласила нота далее, вело (?) упорную (?) борьбу с царским генералом Деникиным и для этой цели заключило военно-оборонительный союз с Грузией. Последнее упоминание было явно рассчитано на то, чтобы произвести известное впечатление указанием на единый фронт, который встретит Красная Армия в случае попыток пройти в Закавказье. Правительство готово, заканчивалась радиограмма, путем переговоров установить дружеские взаимоотношения, „вытекающие из принципа суверенности особых государств“.**)

Поскольку радиограмма Советского правительства, кроме своего прямого назначения, играла еще и агитационную роль, показывая контр-революционную сущность мусаватского правительства, постольку необходимо было вскрыть всю ложность утверждений Хан-Хойского даже тогда, когда стало ясно из ответов, что мусаватисты отказываются принять участие в борьбе против российской контр-революции, частью которой они сами представляли. Поэтому, 23 января Советское правительство посылает вторую ноту, которой кон-

*) Азгосархив. Фонд МИД, 285, лист 3.

**) Там же, лист 7. Полностью данную ноту, как и всю переписку азербайджанского и Советского правительств смотри в сборнике документов, посвященных 1917-20 г. г. в Азербайджане, подготовляемому к печати Истпартом ЦК и БК АКП, а также у А. Попова в цитированной нами статье.

статует, что азербайджанские правители не дали определенного ответа на прямое и открытое предложение относительно борьбы с Деникиным. Далее вскрывается истинное содержание того, что мусаватисты называют в своей ноте „упорной борьбой против царского генерала Деникина“. Следует длинный перечень фактов, начиная от вербовки белогвардейских офицеров в Баку для отправки в армию Деникина до предательского препятствия перевозу из Грузии оружия и добровольцев для дагестанских повстанцев из за боязни английского нагоняя. „Неужели, — спрашивает нота далее, — министр Хан-Хойский, отказываясь воевать с Деникиным, не знает, что последний враг независимого Азербайджана? Неужели он не знает, что победа Деникина означает конец самостоятельности Азербайджана? И с другой стороны, азербайджанское правительство не может не знать, что Советское правительство признало независимость Финляндии, Польши и других окраинных государств. Советское правительство и к Азербайджану применит свои общие принципы признания независимости народов. Оставаясь при своем предложении, Советское правительство вынуждено констатировать, что мусаватское правительство упорно отказывается от совместной борьбы против несущего гибель Азербайджану контр-революционного генерала“.*)

В связи с нотами Чичерина местная контр-революционная пресса поднимает неистовый вой, крича о „красном империализме“, об опасности, угрожающей с севера. Используются все агитационные силы для того, чтобы подготовить новую авантюру, конечно, только тогда, когда будет дан знак от британских вершителей судьбы.

Так как положение в этом отношении остается неопределенным, то правительство не спешит отвечать Москве, рассчитывая оттянуть время. Наконец, 8 февраля посылается нота, в которой Хан-Хойский укоряет Чичерина в нарушении „обычаев международных сношений“, так как советская нота упрекала Хан-Хойского в том, что он говорит неправду, утверждая что Азербайджан вел борьбу с Деникиным. По существу вся нота состоит из различных вариаций требования о безоговорочном признании Азербайджана до начала каких бы то ни было переговоров. Последние могут состояться только на основе и до

*) Азгосархив. Фонд МИД (без номера). Добровольческая армия, лист 12. полулисты 1 и 2.

безусловного признания Советским правительством независимости и суверенности Азербайджанской республики.*)

Дальнейшая переписка, заключавшаяся в ноте Советского правительства от 20 февраля и в ответе Азербайджана от 7-го марта, не дает ничего нового. Содержание переписки вращалось вокруг вопроса о безоговорочном признании, чего требовало мусаватское правительство, видя в этом гарантию своего существования. Наркоминдел отмечал, что, например, признание Эстонии, на которую ссылалась нота Хан-Хойского, последовало в результате длительных и сложных переговоров. Поэтому и относительно Азербайджана, желая применить к нему свои общие принципы, на которых основано отношение Советского правительства ко всем народам, последнее, однако, настаивает, чтобы одновременно были разрешены все вопросы, вытекавшие из бывшей политической и экономической общности обоих государств.

Позиция, занятая мусаватским правительством, была существенно иной. Понимая, что одним из важнейших условий, которые выставит Советская Россия, будет требование отказа от предоставления своей территории в качестве плацдарма для развертывания британским империализмом новой интервенции, мусаватисты боялись очутиться между двумя огнями. Принятие этого предложения означало разрыв с „культурным“ Западом, получение квалификации „большевизированной страны“ и открытую враждебность британских покровителей. Последние превратились бы во врагов, а какова сила этих возможных врагов мусаватское правительство хорошо знало. Эта опасность не представляла особо-большой угрозы только в том случае, если бы мусаватисты взяли линию на тесное сближение с Советской республикой. Но этому мешало их социальное нутро.

С другой стороны, отказ от справедливого требования Советского правительства открывал сразу карты. Он означал, что признание, просимое Азербайджаном от РСФСР, необходимо последнему только для прикрытия себя на тот период времени, пока готовилась интервенционная армия союзников, прибытие которой освободило бы правительство буржуазно-помещичьего блока от горячего дыхания Красной Армии.

*) Там же, лист 2.

Между империализмом и революцией — вот амплитуда колебаний мусаватского правительства. Или—или, третьего не дано. И в этой дилемме мусаватисты, верные своей классовой сущности, выбрали себе место. Поближе к империализму, около него, под его крылом и руководством, — подальше от революции, никакого сближения с ней, побольше проволочек, недомолвок, поменьше экономических и политических взаимоотношений. Такова была тактическая линия азербайджанского правительства в последние месяцы его существования. Полуколониальный пес британского империализма верно служил своему хозяину до тех пор, пока хватало сил и пока хозяин его подбадривал.

Но март и апрель приносят новые разочарования. Денин-кинская армия окончательно ликвидируется. Весь Северный Кавказ переходит в руки Советской власти. Расчеты на новую интервенцию тускнеют, так как она означала бы необходимость экспедиции, которая во много превосходила все бывшее до сих пор.

Такую мобилизацию человеческих и денежных ресурсов, которую требовала бы эта уже большая война в условиях весны 1920 года не представлялось возможным создать. Со скрежетом зубным британский империализм вынуждается втягивать свои когти обратно. Отдается приказ эвакуировать из Азербайджана находящиеся там, вопреки утверждению официальных лиц, войсковые части (в конце марта).*) Приказ этот прозвучал погребальным звоном. Он означал, что англичане мусаватский Азербайджан предоставляют самому себе. Отступление империализма оставляло мусаватистов с глазу на глаз с революцией. Начинается агония.

Она была ускорена следующими обстоятельствами. Несмотря на то, что политическая обстановка напоминала готовый действовать вулкан, мусаватское правительство пускается в конце марта в авантюрно-опереточную войну с дашнакской Арменией. По всей стране идет резня армян, войска перебрасываются на юг против „Арагатской республики“. В связи с дебатами в парламенте по поводу азербайджано-армянской

*) А. Г. Караев. Из недавнего прошлого, стр. 116. Вероятно это были немногочисленные части, державшиеся в качестве инструкторского материала. Вообще о них почти нет упоминаний ни текущей газетной литературе ни в архивах.

войны, 1 апреля правительство Усуббекова подает в отставку и республика перестает иметь свое нормально-функционирующее правительство. Нелепость межнациональной войны была так велика, особенно при условии грозной опасности с севера что представители Антанты сочли необходимым вмешаться. Насколько нам известно, это последнее крупное выступление союзников в Азербайджане. Оно, как и предыдущие выступления, продиктовано интересами организации борьбы против Советской России и поэтому рассматривает каждую междуусобицу закавказских республик, как преступное ослабление анти-советского фронта.

„При настоящих условиях,—гласила нота подписанная верховными комиссарами Англии (Уордропом), Франции (Мартемом) и Италии (Габба),—мы считаем долгом напомнить вашему превосходительству о крайней необходимости поддержать мир в Закавказье.

Дружественное и благосклонное отношение наших соответствующих правительств к вашему правительству всецело зависит от поведения этого последнего, и мы предлагаем вам настойчиво, в ваших собственных интересах, миролюбиво и безотлагательно разрешать вопросы, касающиеся Карабаха и других уездов, где в настоящее время миру грозит опасность. Принципиальное решение Верховного Союзного Совета оказать нравственную и материальную поддержку против всякого ничем не вызванного нападения извне, не должно быть рассматриваемо, как решение, принятое безусловно. Если же этот торжественный призыв к перемирию не будет вами услышан в данный момент, когда, быть может, решается судьба всего Закавказья, то это будет иметь самые тяжелые последствия. Настоящая телеграмма передана одновременно в тех выражениях, как вашему правительству, и другим двум также заинтересованным правительствам Закавказья и соответственно каждому из наших правительств“. *)

Подпись под этим документом Оливера Уордропа, верховного британского комиссара, тем более интересна здесь, что вся предшествующая политика британских представителей в значительной мере способствовала обострению армяно-тюркских отношений, Раздел спорных территорий, при котором области с преобладающим армянским населением попадали Азербайджану, и наоборот, тюркские области передавались

Армении, попустительство беспрерывным столкновениям националистически-настроенных верхушек, создало в конце концов все предпосылки, чтобы Азербайджан и Армения начали междоусобную войну за месяц до провозглашения Советской власти в первом и за полгода—в последнем. Положение, по оценке „верховных комиссаров“ было настолько грозное, что они решились на крайнюю угрозу — лишение помощи в случае нападения РСФСР.

Но и это не помогло. Ослепленные националистическими предрассудками, мусаватисты продолжали войну, оголяя даже свой фронт против Красной Армии. В значительной степени здесь, без сомнения, играла роль надежда победоносной войной с Арменией укрепить совсем павший престиж правительства.

Но тем не менее, беспокойство их за северную границу все возросло. Английские войска ушли. Революционное настроение нарастало лавинообразно. Большевицкая партия всецело руководит рабочим классом и активно готовится к захвату власти. Среди буржуазных и помещечьих партий полный разброд. Военный министр Мехмандаров сообщает, что на армию рассчитывать нельзя. На границе накапливаются красные части. Перспективы самые катастрофические.

Все это заставляет правительство отказаться от своих предыдущих уверток и попытаться избежать разрыва с РСФСР. 15 апреля Наркоминделу дается радиogramма за подписью Хан-Хойского, представляющая последний акт в дипломатической переписке Азербайджана с РСФСР. Вот ее текст:

„После очищения территории Дагестана от сил Деникина азербайджанский народ надеялся жить спокойно со сторонами севера, населенного свободными и братскими горскими народами и русским народом, провозгласившим великий принцип права народов на национальное самоопределение. Между тем, ныне наблюдается концентрация значительных военных сил Российского Советского Правительства в пределах Дагестана в Дербентском районе у границ Азербайджанской Республики. Азербайджанское Правительство, не будучи осве-

*) „Азербайджан“, № 70 от 7 апреля 1920 г.

домлено о намерениях Советского Правительства просит срочно уведомить о причинах и целях концентрации войск в указанных районах. Вместе с тем, не получив до сего времени ответа на предложение свое открыть переговоры для установления добрососедских отношений между русским и азербайджанскими народами, мое правительство просит ответа на сделанное предложение, а в случае принятия назначить место и время для переговоров“.*)

Ответа на это обращение мусаватское правительство не успело получить. В 12 часов дня 27 апреля от имени Центрального Комитета Азербайджанской Компартии, Бакинского Бюро Кавказского Краевого Комитета и Центральной Рабочей Конференции председателю парламента был вручен ультиматум о передачи власти в двенадцатичасовой срок. Немедленно созывается заседание парламента. Фракции мечутся от предложения о сдаче к предложению о создании единоличной диктатуры. В это время получается сообщение о продвижении Красной армии в ответ на призыв восставших бакинских рабочих. Станция Ялам и Худат заняты. Кусарский гарнизон перешел на сторону советских войск. Крестьяне встречают Красную Армию с приветствиями. Парламент подавлен. Часть его членов скрывается заблаговременно, желая попасть на последние отходящие в Тифлис поезда. Наконец принимается окончательное решение:

„Сдать власть тюркским большевикам и с сегодняшнего дня парламент и правительство считать распущенными“.

Город к вечеру уже был в руках пролетариата.

Красное знамя развивается над зданием парламента, теперь местопребыванием Ревкома.

Одним из первых актов Ревкома являлась радиограмма в Москву с просьбой прислать на помощь Красную армию. Она гласила следующее:

„ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ.

МОСКВА ЛЕНИНУ.

Временный Военно-Революционный Комитет Азербайджанской Советской независимой республики, ставший у власти по воле революционного пролетариата гор. Баку и трудо-

*) Агосархив. Фонд МИД. Дело № 242, лист 5.

вого крестьянства, Азербайджана, объявляет старое мусаватское правительство изменником народа и врагами независимости страны, порывает всякие сношения с Антантой и с другими врагами Советской России.

Не имея возможности собственными силами удержать натиск соединенных банд внешней и внутренней контр-революции, временный революционный комитет Азербайджана предлагает правительству Российской Советской Республики вступить в братский союз для совместной борьбы с мировым империализмом и просит немедленно оказать реальную помощь путем присылки отрядов Красной Армии.

Временный Революционный Комитет Азербайджанской Республики: Нариман Нариманов, Мирза Давуд Гусейнов, Мусабеков, Гамид Султанов, Алимов, Али Гейдар Караев“.*)

28 апреля в город вступают полки Красной армии, запыленные, усталые, но твердо сжимающие в руках оружие, прошедшие две тысячи верст от Орла до Баку, чтобы выбить из последнего гнезда контр-революцию и выбросить вон остатки интервенционных банд.

27 апреля—первый день Советского Азербайджана и последний контр-революционного мусаватского. Это—формальная дата конца британской интервенции в Азербайджане, ибо до самого последнего месяца, даже тогда, когда ушли непосредственные носители интервенции, солдаты английского короля, опереточное мусаватское правительство принимало все меры, чтобы сохранить Азербайджан, как плацдарм для приложения британского капитала и разворачивания британской армии.

Прыжок британского льва на берега Каспия закончился катастрофой. Железный стержень от Черного моря через Кавказ и Каспий до Туркестана, построенный усилиями английской армии, сломался. „Санитарный кордон“ от большевистской заразы исчез. „Бациллы большевизма“ потоками стали проникать в азиатские колонии и полуколонии британского империализма, заставляя уходить из одних и идти на уступки в других. Крупная ставка оказалась проигранной. Выгнанный Красной армией британский империализм ушел с Кавказа.

*) „Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана“ № 1 от апреля 1920 года.

СПИСОК

использованных материалов и книг.

I. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.

1. Фонд Мин. Иностр. Дел Азербайджанской Республики—Госархив АССР (Азгосархив).
2. Фонд Мин. Иностр. Дел Азербайджанской Республики—Архив Истпарта ЦК и БК АКП (б) (Азистпарт).
3. Фонд Дипломатической Миссии Азербайджанской Республики в Грузии—Госархив АССР.
4. Фонд Военного Министерства Азербайджанской Республики—Госархив АССР.
5. Фонд Министерства Внутренних Дел Азербайджанской Республики—Госархив АССР.
6. Материалы по истории партийной организации в Баку в 1919—1920 г.г.—Архив Истпарта ЦК и БК АКП (б).

II. ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ.

1. „Азербайджан“ за 1918, 1919 и 1920 г.г.
2. „Набат“, №№ 1—51, 1919 г. Орган бакинских большевиков.
3. „Молот“, №№ 1—31, 1919 г. Орган бакинских большевиков.
4. „Пролетарий“, №№ 1—8, 1919 г. Орган бакинских большевиков.
5. „Рабочий Путь“, №№ 1—9, 1919 г. Орган бакинских большевиков.
6. „Беднота“, №№ 1—30, 1919 г. Орган бакинских большевиков.
7. „Новый Мир“, №№ 1—51, 1919—1920 г. Орган бакинских большевиков.
8. „Искра“ за 1919 и 1920 г.г. Орган бакинских меньшевиков.
9. „Знамя Труда“ за 1919 и 1920 г.г. Орган бакинских эс-эров.
10. „Рабочее Знамя“ (понеделничная газета). №№ 1—15, 1919 г. Орган бакинских эс-эров.

11. „Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана“ за 1920 год.
12. „Известия Бакинского Стачечного Комитета“, №№ 1—3 от 25-го, 26-го и 27-го декабря 1918 г.
13. Журнал „Нефтяное хозяйство“ за 1919 и 1920 г.
14. „ „Народное Хозяйство“ за 1920 г.

III. КНИГИ И СТАТЬИ.

1. А. Попов. Из истории английской интервенции в Закавказье. „Пролетарская революция“ за 1923 г.. №№ 6-7, 8 и 9.
 2. А. В. Гурко-Кряжин. Английская интервенция в 1918 и 1919 г.г. в Закаспии и Закавказье. „Историк—Марксист“, № 2.
 3. А. Г. Караев. Из недавнего прошлого. Материалы к истории Азербайджанской Коммунистической Партии (6).
 4. Ген. Денстервиль. Поход на Персию и Кавказ.
 5. З. Авалов. Независимость Грузии в международной политике 1918—1921 г.г. Воспоминания. Очерки. Париж, 1924.
 6. Б. Байков. Воспоминания о революции в Закавказье (1917—1920 г.г.) „Архив Русской Революции“, изд. И. В. Гессеном. Том IX, Берлин, 1923.
 7. Ген. А. И. Деникин. Очерки русской смуты, гл. „Азербайджан“.
 8. Ген. А. С. Лукомский. Из воспоминаний. „Архив Русской Революции“. Том VI, Берлин, 1922.
 9. Ген. А. С. Лукомский. Деникин и Антанта. Сб. сост. С. А. Алексеевым — „Деникин, Юденич, Врангель“.
 10. Мих. Павлович. Советская Россия и капиталистическая Англия.
 11. Я. Шафир. Очерки грузинской жиронды.
 12. Журнал „Новый Восток“. Разные статьи.
 13. Большая Советская Энциклопедия, т. I, „Азербайджан“—история.
 14. Л. Эвентов. Иностранный капитал в нефтяной промышленности России.
 15. Сборник. Из прошлого, изд. Истпарта ЦК и БК АКП(6).
 16. Справочная книжка для нефтепромышленников на 1914 г.
-

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
От автора	3
В в е д е н и е	5
Глава первая. „Независимый Азербайджан“	31
1. Английская оккупация	31
2. На международной арене	50
Глава вторая. Экономическая политика интервентов . .	65
Глава третья. Азербайджан, Добровольческая армия и английские интересы	92
Глава четвертая. Бакинский пролетариат в борьбе про- тив интервенции и контр-революции . . .	120
Глава пятая. Азербайджан, Советская Россия и крах ан- глийских планов	159
Список использованных материалов и книг	193
